

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2017. Т. 12

№1 (161)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2017. T. 12

№ 1 (161)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ		МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Оглоблина И. А.</i> Проблематизация стоимости в онтологической перспективе дара 5		<i>Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В., Бурнасов А. С.</i> Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы 117	
<i>Попова Н. Г., Биричева Е. В.</i> Научно-исследовательский коллектив как актор познавательной деятельности: парадоксальность бытия современной научной мысли 17		<i>Первалова А. А.</i> «Белая книга международной безопасности и обороны» и перспективы Италии в Североатлантическом альянсе 131	
<i>Грунт Е. В., Мухутдинова А. И.</i> Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды 26		<i>Кузьмин В. А., Соколов Н. В.</i> Политические цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте 139	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ		ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Крутов А. В.</i> Политика как нелинейная среда: общие представления о модели 39		<i>Головнева Е. В.</i> Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы 144	
<i>Русакова О. Ф., Русаков В. М.</i> «Мягкая сила» дискурса политических медиа-образов: анализ стратегических эффектов 53		ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Наронская А. Г.</i> Политическая коррупция: институциональный аспект 67		<i>Мухутдинов О. М.</i> Диалектическая история самосознания 154	
<i>Керимов А. А.</i> Парламентская информационная открытость: уровни, институты и условия реализации 73		<i>Миронов А. В.</i> История дауншифтинга в европейской философии XVIII–XIX вв. 160	
<i>Исаков А. С.</i> Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис 79		<i>Глазырина А. Д., Емельянов Б. В.</i> Русский антропокосмизм: версия И. Ефремова 169	
<i>Лебедева М. Л.</i> Местный уровень властной практики Франции 93		УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ	
<i>Чесноков А. С.</i> Особенности этнополитической ситуации и развития партийно-политической системы Кении 99		<i>Звиревич В. Т.</i> Зарождение христианской истории философии (ранняя и поздняя апологетика). <i>Лекция</i> 176	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Основные направления взаимодействия МИД РФ и некоммерческих организаций 110		Авторы номера 187	
		Summary 190	

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.01 + 111.1 + 330.101.3

И. А. Оглоблина

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СТОИМОСТИ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ДАРА

В статье раскрывается онтологический аспект проблемы стоимости. Стоимость определяется как ценность и проблематизируется как дар. На материале трудов М. Хайдеггера, Э. Левинаса, Ж. Деррида рассматриваются базовые концепты онтологии дара, альтернативные редукционистскому конструированию экономического поведения. В призме концептов присутствия, следа и Другого осмысливается этический аспект ценности экономических отношений «лицом-к-лицу». Такая исследовательская установка позволяет выявлять гуманистические коммуникационные паттерны хозяйственных взаимодействий, каждый из которых этически отличен от другого и характеризует определенное качество межличностных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономический редукционизм, экономические коммуникации гуманистического типа, товарная стоимость, ценность, полезность, дар, присутствие, онтология, метафизика следа, отношение лицом-к-лицу, Другой, этика дара.

В условиях нарастания глобального финансового кризиса все более актуально выяснение методологических особенностей описания экономических ситуаций, нарушающих мировой порядок логики эквивалентности хозяйственного кругооборота и норм поведения массового человека (*homo economicus*). Личностные характеристики последнего моделируются экономической наукой, ориентированной на отбор устойчивых, регулярно воспроизводящихся мотиваций хозяйственной деятельности. Их основа — эгоизм, полагающийся на трезвый расчет выгод и затрат. Иные мотивации (милосердие, альтруизм, любовь, долг) на уровне теоретического анализа не учитываются. Его редукционистская методология фокусируется лишь на общих представлениях о стоимостных (меновых и трудовых) отношениях между абстрактными индивидами, взаимодействующими «на дальней дистанции» типичным образом, т. е. вне учета конкретно-единичных особенностей персонального поведения каждого. Со времен Маркса принято полагать: обращение к межличностным экономическим отношениям «на близкой дистанции», лицом-к-лицу, ставит под вопрос статус всеобщности отношений

товарной стоимости и в силу этого не является научным. Особо отметим, что специфика методологии экономического редукционизма рассматривалась нами ранее, в ходе осмысления генезиса проблематики стоимости в классическом и неоклассическом направлениях исторической экономической мысли [9, 90–115]. Мы показали, что экономическая рациональность структурирует лишь те отношения в обществе, которые ассоциируются с расчетом средств достижения цели. Но не в этом ли причина потери обществом гуманистических ориентиров развития?

Размышляя над поставленным вопросом, примем допущение: отношения между людьми в процессе обмена стоимостями — это общественные отношения, смысловая структура которых выражает социальный аспект меновой стоимости. Выдвинем гипотезу: ценность («value») товарной стоимости обнаруживает себя в смысловых различиях меновых отношений, устанавливаемых лицом-к-лицу в онтологической перспективе дара. Уточним, что проблематика дара возникла в ходе изучения первобытных экономических отношений социальными антропологами (Б. Малиновский, М. Мосс, К. Поланьи, К. Леви-Стросс и др.). Ее разработка велась также в рамках неклассической философии М. Хайдеггером, Ж. Батаем, Э. Левинасом, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяром, М. Фуко. В поиске новых форм рациональности они сосредоточились на онтологическом осмыслении темы дара как «неэквивалентного».

Думается, что проблематизация стоимости в онтологической перспективе дара позволит исследовать «ненаучные» события межперсонального стоимостного обмена. В поле зрения при этом окажутся конкретные экономические ситуации и поступки, противоречащие интересам присвоения, пользы и выгоды разумного эгоиста. Меновые отношения предстанут в полноте многообразных жизненных смыслов. Их изучение видится осуществимым в процессе социально-философского анализа, при условии, что персонажи меновых отношений подлежат описанию дважды — как массовые субъекты (анонимные участники системы товарных взаимосвязей и эквивалентных обменов) и как персонифицированные индивиды (участники отношений на близкой дистанции, лицом-к-лицу).

Анализируемая в контексте онтологии дара стоимость подлежит проблематизации как понятие, обозначающее трудовой способ бытия человека в мире. Последний был выдвинут в ходе развития классической политэкономии теми ее представителями, которые усматривали в труде фундаментальный способ выживания людей в природе и их сосуществования в обществе путем эквивалентного обмена результатами труда. Классиков интересовал также этический аспект трудовой стоимости (принципы и нормы поведения в эквивалентном товарно-денежном обмене).

В перспективе онтологии дара стоимость раскрывается как понятие, обозначающее неэквивалентный способ бытия человека в мире, практикуя который люди отдают друг другу больше, чем получают взамен. Это обращает онтологическое в этическое, в этику дара, в призме которой значимо умение не присвоить, а отдать. И тогда меновые отношения не классифицируются более как ограниченные свойством эквивалентности (и свойственным ему нормативом эгоистического поведения). В них становится различимым разнообразие смысловых оттенков отношения

человека к человеку (Я — Ты, Я — Другой, Я — Другой я сам, Другой — Другой). Прагматическое и типичное здесь соседствует с нетипичным, нерациональным, неэквивалентным. Неэквивалентные меновые отношения, базирующиеся на принципе дара (дарения), не могут быть описаны посредством схемы экономического редукционизма. Их теоретическое описание возможно лишь на основе методологических положений нередукционистского типа. В поисках последних обратимся к онтологическим концептам метафизики дара (присутствия, следа, протоследа), сформулированным М. Хайдеггером, Э. Левинасом, Ж. Деррида.

Характеризуя версию онтологии дара, предложенную М. Хайдеггером, раскроем содержание выдвинутого им концепта присутствия и выделим методологические положения, выявляющие особенности меновых отношений лицом-к-лицу. Метафизика присутствия Хайдеггера — вызов привычке западноевропейской философии облекать метафизические размышления в понятийную форму, в ментальные конструкции. Метафизика в таком случае — метафизика присутствия в репрезентации. Она размышляет о бытии, исходя из сущего, чья наличность количественно вычисляема и отличается вынужденностью, принудительностью. С ней Хайдеггер связывает эффект «забвения бытия», смещающий смыслы существования человека в мире. Предел метафизике забвения полагает постановка вопроса о бытии как таковом, а также различие бытия и сущего.

Вопрошание о бытии как таковом проводится Хайдеггером посредством онтологизации темы дара. Последняя позволила ему проблематизировать сам способ, которым бытие как таковое дается как данность, откуда вещи рождаются и рожают мир. Бытие как таковое дается способом дара, и это «дается бытие» (дар бытия) понимается как уникальное и сингулярное событие (событие всех событий), которое предшествует действию и причине, будучи происхождением (тем, что случается). Бытие сущее дается этим же способом как событие пространства и времени (неисчерпаемое и никогда полностью не осуществленное). Дар — способ, которым бытие дается как событие, первично обнаруживающее бытие изначальное, вторично — сущее бытие. Более того, «относительно бытия (и сущего) событие выступает не-феноменологизируемым основанием, которое в силу способа данности — дара — объясняет онтико-онтологическое различие» [7, 36].

Переход от бытия к сущему Хайдеггер осуществляет, выявляя в даре активность дарения. Сущее, полагает он, дается дарением бытия как такового. Дарение бытия позволяет присутствовать, точнее — наделяет сущее позволением присутствия. Верно и обратное: бытие сущее есть присутствие, являющее в мире дар бытия как такового (изначального): «бытие, чтобы быть даром бытия, всегда уже бытие сущего: в смысле принадлежности, становления соответствия, собственности изначального бытия» [Там же, 36–37].

Примечательна амбивалентная трактовка Хайдеггером дарения бытия как «возвращения к тому же самому». Во-первых, предполагается, что сущее лишено способности к выходу за пределы самого себя. В этом смысле бытие возвращается к самому себе наличному. Во-вторых, допускается, что сущее способно к возвращению из неподлинного, наличного, к подлинному вот-бытию (*Dasein*), незамкнутому и укорененному в бытии как таковом [13, 132]. Феномен же самозамкнутого

сущего позволяет полагать, что бытие, возвращающееся к своему наличному состоянию, вовлечено в сферу эквивалентной экономики. У Хайдеггера оно предстает феноменальной характеристикой бытия-в, под которой подразумевается «сущностный род бытия сущего», т. е. представленность сущего наличным *commercium* между наличным субъектом и наличным объектом [13, 132].

Решая поставленную задачу (поиск методологии, преодолевающей редукционизм описания стоимостных отношений), выделим три положения рассмотренного нами концепта присутствия М. Хайдеггера: о даре как способе, которым бытие (как таковое и сущее) дается как данность; о дарении бытия; о различении бытия сущего как подлинного, т. е. присутствия, вот-бытия (являющего в мире дар бытия здесь и сейчас) и как неподлинного, т. е. представленного наличным *commercium* между наличным субъектом и наличным объектом.

В свете этих положений способ бытия участников меновых отношений распознается как: а) неподлинный, вписанный в миропорядок эквивалентности, выстраивающий человеческие отношения на основе расчета выгод и затрат; б) подлинный, осуществляющийся как неэквивалентный и проявляющийся в поступках, относящихся к практической этике дара, где здравый смысл понимается как превалирование отдавания над получением. В их числе — уступки, оказываемые другому на безвозмездной основе. Логика неэквивалентности: Бытие изначальное (неовещественное) дается даром, следовательно, даром оно и отдается, проявляя тем самым в овеществленной форме сущего бытия способ данности существования (дарение бытия). Полученное способом дара требует отдачи тем же способом и не требует ничего взамен.

Неэквивалентность структуры меновых отношений раскрывается в контексте хайдеггеровской онтологии дара как ситуация чистого дара, отдающего себя в открытое, как дарение бытия, позволение присутствия или само бытие. Человек, живущий способом дара здесь и сейчас, нерасчетливо относится к своему ближайшему окружению и к незнакомым людям. Жизнь способом дара меняет отношение человека к неподлинному бытию *commercium*, а следовательно — к Другому, миру, себе самому. Меняет настолько, что меновое отношение характеризуется бескорыстностью и отсутствием интереса к личной денежной выгоде. Бытие способом чистого дара открывает «вертикальное» измерение обмена, ставящее под вопрос «горизонтальные» проявления товарности и меновости. «Вертикальное» измерение обмена в той же степени онтологическое, в какой оно является экзистенциальным и этическим, обнаруживающим неэкономический смысл свободы и ответственности. Приведем пример, подтверждающий, что событие чистого дара бытует в социальной повседневности: «Ганди в самом начале своей семейной жизни дал обет не иметь собственности. Отказавшись от обширной адвокатской практики, которая приносила ему более 20 000 долларов в год, Махатма раздал свое имущество беднякам» [10, 547].

Таким образом, в модусе *дара присутствия* стоимость распознается как ценность («value») чистого дара, имманентная вертикальному измерению обмена. Здесь стоимостные отношения утрачивают не только товарность, но и меновость, поскольку воплощают способ, которым бытие дается как событие. Сущее (в нашем

примере — Махатма), ставшее процессом дарения бытия, перемещает товарные блага «по горизонтали» в одностороннем порядке на безвозмездной основе. Событие чистого дара бытия преобразует меновые отношения, возвращает им до-стоимость, свойственное дарению бытия. Практикующий чистый дар со-бытийствует с другими, проявляя свое отношение к ним тем же способом, которым дано бытие и согласно которому человек отдает больше, чем получает взамен, т. е. неэквивалентно.

Обращаясь к версии онтологии дара, предложенной Э. Левинасом, попытаемся понять, какие особенности отношений между людьми по поводу обмена стоимостями открывают нам методологические положения его концепта следа. Напомним: Э. Левинас подверг критике размышления Хайдеггера о дарении бытия как о позволении присутствовать. По Левинасу, возвращение к тому же самому есть самолюбование в тождественном, игнорирующее присутствие Другого. Для индивида бытие значимо не столько присутствием в настоящем, сколько необратимостью выхода за собственные пределы. Необратимость бытия вызывается устремлением к Другому, не оставляющем надежды на возвращение. Возвращение — это особенность экономических обменов. Бытие не переводится на язык феноменологического, ему чуждо возвращение. Оно существует в форме следа, который ускользает.

Метафизика следа обращает теоретический дискурс в практическую плоскость. Но свое построение философии Левинас начинает с пересмотра феноменологии Гуссерля, причем в той ее части, которая касается укорененности дискурса в теоретическом сознании. Теоретическому (интенциональному) сознанию Левинас противопоставляет нетеоретическое (неинтенциональное) сознание, впечатленное хранящимся в памяти (впечатанным в память) опытом некогда произошедшей лицом-к-лицу встречи с Богом, состоявшейся как встреча двух рядоположенных лиц, равных друг другу в своем самостоянии [5, 164]. От этой встречи остался лишь памяти след — свидетельство тому, что впечатленное ею сознание обрело Лицо, имеющее сходство с Лицом Бога.

Сознание стало Другим, мыслящим о Боге по ту сторону бытия. Будучи Другим, сознание является источником смысла, находящимся по ту сторону сущего. Другой — это Лицо как след Бога (контрфеномен) [12, 44]. Разрабатывая концепцию Другого как контрфеномена, Левинас осуществил выход в сферу трансценденции ветхозаветного Бога посредством феноменологического эпохе (заклучения в скобки сущего и Бога онтологии). Это позволило ему выделить две ипостаси слова (изреченное и воплощающееся в акте изречения), различив их темпорально. Изреченному слову имманентна синхрония времени, а изречаемому — диахроническое время изречения. Синхрония изреченного слова вырастает из диахронического времени изречения, запаздывая на миг. Изреченное слово содержит след изречения. Необходимо обнаружить исток изречения, продвигаясь к нему по следу в силу отречения от сказанного слова. На этом пути между людьми-как-Другими возможна близость как бесконечная ответственность за Другого.

Разрешение вопроса о близости не может состояться на понятийном языке теоретического сознания, поскольку суть такой близости — Иное, чей след ускользает

от навязчивых притязаний логической дискурсивности. В ускользании следа растворяется ясность привычного мира, возвращаться некуда. Бытие же предстает предельно открытым и нестираемым. В его необъятности внутренний мир теряет свою привычную опору — интимно-личностное (то, что только для себя). Другой располагается в сфере подлинного (прежде познания и вовлечения), но принадлежит также и миру феноменов. Выход к Другому (необратимый, без надежды на возвращение) есть дар подлинного бытия, проживание жизни на пути ускользающего следа.

Левинас выделяет две стороны следа — подлинную и неподлинную, однако правом существования он наделяет лишь след подлинный, указывающий на то, чего нет в вещной форме, на то, что произошло мигом ранее: «Когда в сделках, оплачивают по счету, чтобы от платежа остался след, то след вписывается во все тот же строй мира. Подлинный след нарушает строй мира. Он накладывается, напечатывается поверх его. Наследивший, стирая следы, ни сказать, ни сделать своими следами ничего не хотел. Он нарушил порядок непоправимым образом, ибо он абсолютно прошел, в прошлом. Бытие как оставление следа — это уход, прохождение, отстранение» [8, 114]. В призме такой методологической установки возможно полагать, что «value» — это ценность необратимости подлинного бытия, дар безвозвратного выхода к Другому за собственные пределы. В этом случае «value» утверждает особую этику — этику взаимности отношений между Другими. С одной стороны, она располагается по ту сторону существования, с другой — «вписывается во все тот же строй мира».

Продолжая поиск методологии, преодолевающей редукционизм описания стоимостных отношений, выделим следующие положения рассмотренного нами концепта следа Э. Левинаса: о даре как хранимой памятью встрече лицом-к-лицу с Богом, о необратимости бытия, о подлинности/неподлинности следа, о продвижении к акту изречения из проявленности изреченного человеческого слова по следам памяти. Первое положение перенаправляет намеченное Хайдеггером вертикальное измерение обмена к горизонтальным отношениям между Другими при условии, что эти отношения устанавливаются в ходе встречи Лицом-к-Лицу. Эта встреча, произошедшая трансцендентно во внутреннем измерении жизни на миг раньше текущего события обмена, помогает осознать в самом себе Лицо Другого, подобное Лицу Бога. Открывающееся здесь неэквивалентное начало обмена прилагается к концепту Другого как Бога в каждом, побуждающего жить жизнью дара, стать дарением. В экономическом отношении это означает, что индивид в своей устремленности к Другому остается в ожидании ответа на невысказанный им призыв к совместности. Он ожидает не выгоды, но равноразличия. Результатом такого ожидания может стать событие обмена, добровольно осуществляемого на неэквивалентной основе, но при этом как взаимности, исключающей доминирование какой-либо из сторон и скрытого конфликта интересов. В призме такой методологической установки можно различить меновые отношения, обоюдно поддерживаемые на том основании, что значимость ценности придается не взаимосуслугам, а отношениям между людьми в их жизни друг для друга (жизни во взаимности, а не преференциям обмена).

Положение о необратимости бытия восходит к трансцендентному событию следа и проживанию жизни в ускользающем припоминании дара (встречи лицом-к-лицу). В этом случае неизбежен выход за рамки привычного эквивалентного миропорядка, проявляющийся в поступках особого рода, а именно в установлении меновых отношений посредством оказания услуг на безвозмездной и бескорыстной основе, без малейшего признака расчета. Повседневная жизнь складывается из таких ситуаций — от духовных практик до совместных работ на садовом и приусадебном участках, по домохозяйству, обустройству быта, приготовлению домашней еды (с ее последующей продажей), починке утвари, частных услуг по извозу, строительству, устройству на работу и пр. Дар встречи лицом-к-лицу исключает любые проявления насилия (будь то «насилие света» или же насилие избыточного отдаривания) и может быть проявлен по-разному. Например, как безвозмездная помощь в процессе оказания друг другу услуг. Или же как дар невмешательства, непредоставления помощи без просьбы о помощи. То есть как адресованный Другому дар права самостоятельности, само-состоятельности в принятии решений, в действиях по своему усмотрению, в ответственности за свои слова и поступки.

В свете положения о подлинности/неподлинности следа появляется возможность осознать степень вещности события конкретного менового отношения по следующему признаку: если человек обращается в своей памяти к подлинному следу, то в своем отношении к Другому он проявляет свое подлинное Лицо, подобное Лицу Бога. Невещное меновое отношение укоренено в отсутствие даже подспудной надежды на возвращение в той или иной форме того, что отдано Другому (например, в виде отложенной проплаты, платежа). Вместо ожидания эквивалентности «ты — мне, я — тебе» («дашь на дашь») — безвозвратное продвижение по пути, на котором отдают больше, чем получают взамен. Надежда на возврат отданного Другому — модификация экономического понятия «ожидание» — свидетельствует о проживании жизни на пути неподлинного следа, т. е. в рамках эквивалентного миропорядка. Распознавание экономических ожиданий в рамках менового отношения позволяет классифицировать последнее как протяженную во времени форму беспроцентного, и не всегда денежного, кредитования.

Далее рассмотрим вариант онтологии дара, предложенный Ж. Деррида. Выделим методологические положения концептов письма и протоследа, позволяющие различать «неэквивалентные» смыслы отношений между людьми по поводу обмена стоимостями. Подчеркнем: реализуя проект деконструкции, развенчивающий присутствие как наличие, Деррида полемизирует с Хайдеггером, определяя его в ряды адептов западной метафизики, укорененной в идее присутствия. Присутствие, понимаемое как настоящее, не является равным самому себе. Но Хайдеггер прав: смысловая структура логически обусловленного абстрактно-понятийного мышления организует особый текст, дискурсивность которого может быть определена как апофатическая представленность в логико-грамматической форме. Расположенный в ее рамках философский текст — механистический и повторяющийся, содержащий указание на то, чтобы трактовать весь дискурс как становящийся теологическим. Именно теологический смысл генерализирует все

значения любого высказывания философской речи, осуществляя именование по образцу имени Бога в движении референциальной трансценденции [2, 409–432].

Деррида критикует Хайдеггера за размышление о присутствии как о наличии — наиболее общей форме фоноцентричной дискурсивности, охватывающей лишь то, что непосредственно и полно дано через звук. Согласно Деррида полнота такого наличия ограничена у Хайдеггера теологическим модусом человеческого существования «я есмь»: именем Бога, представленным в форме *Dasein*. Имя Бога организует записанную *речь* (сказ истины о себе самой) в философский текст, однако не может быть выражено в нем в полноте своего сущего бытия, поскольку уже Ф. Соссюр признал, что акустические образы дискурсивной речи исключают телесную, «естественную связь» звука со смыслом, «мысле-звук», имманентный чувственной материи письма [3, 153]. Отсутствие «естественной связи» означаемого (понятия или смысла) со звуковым означающим порождает отношение подчинения письма (зримого образа) речи. Закрепляется это грамматически, с помощью механизма замещения фоном речевого высказывания графической записью, реализующей себя посредством букв алфавита. Следовательно, образность письма чужда мыслительным абстракциям логической речи: «чувственно воспринимаемая запись всегда рассматривалась в западной традиции как тело и материя, чуждые духу, дыханию, слову и логосу» [3].

Такая традиция идет от Платона, наметившего путь рассмотрения бытия и вещей посредством понятий, ослабляющих связь души и тела на пути развития метафизического умознания [11, 388]. Философ — человек, при жизни готовящий себя к смерти отвлечением души от телесных удовольствий, препятствующих видению истины бестелесного бытия. Для Деррида данная тематика — предмет вопрошания: «как возможна моя смерть и высказывание о ней?», а также повод поразмыслить о парадоксальности человеческих отношений, о неразрешимости и даре [1, 80].

Истоком метафизики наличия Деррида полагает выделение бессознательного из сознания, раздвоение сознания на дневное и ночное. Именно это обусловило разделение смысловой структуры изреченного слова на *письмо* и *речь*, воплощенную в записи, которая исключает чувственную образность графических, иконографических и пиктографических изображений. В данной связи философский язык не выражает полноту самопорождения живого слова и, вопреки Сократу, не может быть опорой самому себе, будучи логосом, «который считает, что он сам себе отец, и возносится над писаной речью». Более того: ««первичного», “естественного” и прочего языка никогда не существовало... он всегда уже был письмом. <...> Или прото-письмом (*archi-écriture*)» [3, 181]. По Деррида, прото-письмо связано с расхожим (*vulgaire*) понятием письма. В его рамках репрессируются сообщения образов чувственного восприятия, а запись подчиняется механизму «слушания собственной речи», укорененному в желании наличия. Последнее обусловлено желанием-сказать (выявленному Гуссерлем в ходе рассмотрения ноэтико-ноэтического слоя логоса) со свойственным ему двойным эффектом среды, двойным отношением логоса к смыслу, т. е. тем, что, собственно, и предполагает двойную запись письма, достраивающую его до той абсолютной уникальности и полноты

наличия, которые допустимы лишь во сне воображения. *Письмо*, вырастающее из амбивалентного желания-сказать, порождает схемы мышления, обусловленные синтезом сознательного и бессознательного, по-новому разрешающие проблему единения тела и души, чувственного и рационального [6, 190–198].

С метафизикой наличия (присутствия) Деррида расправляется грамматически, используя при этом неклассическую метафизику следа. Отличная от западной традиции проблематизации присутствия, она неразрывна с понятиями прото-следа, прото-письма, различания, оттиска, отпечатка: «...в особой области отпечатка и следа, в области овременения переживания, которое не осуществляется ни в мире, ни в каком-либо “ином мире” и является столь же звуковым, сколь и световым, предстает как во времени, так и в пространстве, — проявляются различия между элементами, или, скорее, различия сами порождают элементы, выявляя их как таковые и слагая из них тексты, цепочки, системы следов» [3, 191]. Предполагается, что в тексте означаемое присутствия улавливается в означаемом лишь как след (как не-присутствие или же отсутствие трансцендентального означаемого). Во вторичной реальности следа означаемое обращено не к абсолютному означаемому (бытию, речи), а к другому означаемому. Означаемое относится к тому, что в данный момент представлено означаемым в его обращенности к другим означаемым. Тем самым означаемое не может быть понято в первичном, истинном смысле, генерализирующем все возможные значения высказывания. Обоснование этой идеи восходит к семиотике Пирса [Там же, 171–172] и опирается на заимствованное у Соссюра понятие психического отпечатка [Там же, 189–191].

Последнее помогает Деррида прояснить знаковый момент связи мысли со звуком и звукоизвлечением — с тем, чтобы придать значимость чувственной смысловой компоненте, нивелируя при этом роль рассудочности. Становится очевидным, что игра подстановок знаков порождает текст, организующий реальность чувственного восприятия особым образом — как след подлинного присутствия, как различание, которое раскрывает акт явления и означения. Воспользовавшись подсказкой Соссюра, Деррида определяет различание как прото-след — психический отпечаток непрозрачной энергии образов чувственно-эмоционального восприятия в свете умопостижения [Там же, 192]. Тем самым вводится различие между чувственным и рациональным, под которым не подразумевается качество логической рассудочности. Суть различания сокрыта в различении смысловых соотношений эмоционального/рационального в их динамике, смещении, сдвиге от своего начального первоисточка — соотношения чувственное/умопостигаемое, далекого от рассудочности логических построений. Траекторией прото-следа порождается прото-письмо, дополняющее дискурсивную речь, грамматически организованную как копия, чей онтологический контекст неразрывен с теологическим.

Резюмируем: *письмо* Деррида являет собой философский текст (*vulgaire*), дополненный с помощью деконструкции прото-письмом, укорененным в прото-следе, из которого вырастает след. *Письмо* устремлено к жизненной полноте и организовано различанием изначальных, подлинных, смысловых соотношений чувственного и умопостигаемого (в цвете, звуке). Подобная качественная определенность присуща иероглифическому типу письма. Исходное здесь — идея

возвращения к первоначальному, общему для органов зрения и слуха месту, к истоку человеческого восприятия. Такова исследовательская установка Левинаса, призывавшего идти к изначальному процессу изречения — с тем, чтобы обнаружить след изречения, который несет в себе изреченное слово [12, 45]. Деррида уточняет: это местоположение находится в нас самих, однако не принадлежит нам, ибо есть место и имя Бога, где творение может играть с Богом, в Его Имени, которое дает творению/человеку его голос [2, 411–412].

Необходимо понимать: выделяя след божественной трансценденции (Лицо Бога), Левинас заключил сущее в скобки. У Деррида же после феноменологической эпохи остается след сущего в форме различия смыслов чувственного/умопостижимого (в цвете и звуке). Он существует как отпечаток погружения света умопостижения в непрозрачную энергию чувств и эмоций акта изречения. Метафизика следа творит жизнь изречения на пути перемещения изрекаемого слова в проявленность, воплощенность света в изреченном слове. На этом пути творение может играть с Богом, и в этой игре след занимает место референта. Будучи лишь формой присутствия, он упраздняет подлинное присутствие, чье появление отсрочено. Причина отсрочки — существование следа, благодаря которому между означающим и означаемым существует интервал, временной и пространственный. Справедливо и обратное: благодаря такому интервалу мы имеем дело лишь со следами бытия, вследствие чего наше отношение к реальности отсрочено.

Таким образом, в призме неклассической метафизики следа границы философской дискурсивности оказываются расширенными в обе стороны синтеза сознательное — бессознательное, дневное — ночное. Намеченное Платоном «вертикальное» восхождение к истине по ступеням духа готовящего себя к смерти философа замещено «горизонтальным» различанием смыслов бессознательного в целях осознания их сущих значений — как земных, так и небесных. Жизнь изречения, становясь осознанной, творит грамматику (*письмо*), чей язык синтезирует внутренний и внешний опыт, «нутрь» и «наружу». *Письмо* — дар, присущий Богу и человеку, именование событий сущего мира в актах различания. Дар проявляет себя как *differance* — неналичный самоистирающийся след умопостижения, бесосновного в самонетождественности смысловых различий чувственно воспринимаемых знаков бытия. Создавая грамматику как вселенную имени и формы, близкую Ицзин, Деррида предлагает свой вариант иероглифического письма — *пиро-письмо*. Последнее отлично от дискурсивного описания (в том числе негативной теологии) не только *differance*, но и двойным отрицанием Бытия, присущим логике денегации (двойного, повторного отрицания, опровергающего самое себя). В этом аспекте угадывается изначальная сторона апофазиса негативной теологии Хайдеггера (манеры говорить о Боге без голоса, беззвучным голосом).

Ж. Деррида затрудняется ясно определить понятие дара, поскольку опасается, что любое придание смысла обрекает дар на включенность в кольцо экономических обменов. Это, однако, невозможно: дар по умолчанию располагается по ту сторону экономики эквивалентностей, по ту сторону отношений дачи-отдачи. Предпринятая Деррида деконструкция онтологии Хайдеггера направлена и на решение проблемы дара, на понимание того, что значит отдавать. Деррида

отказывается мыслить дар и дарение, исходя из смысла самого бытия, он стремится рассматривать дар во взаимосвязи дарения и дарования. Дар — собственная инаковость, отдавание, освоение, безудержная трата, избыточность, не предполагающая эквивалентной отдачи на пути трансгрессии. Движение дара — холокост холокоста [4], огненное жертвоприношение, сжигающее все на своем пути. Огонь дара должен сжечь себя дотла, до золы, сжечь саму свою функцию сжигать — с тем, чтобы начать быть тем, что он есть (чистотой игры различия). Онтологически для Деррида важно еще не актуализированное, но уже готовое к проявлению событие «дар — жертва». Несмотря на то что оно имеет место быть потенциально, т. е. до феноменологически определенного бытия, в чистом виде дара все же не существует (как и чистого согласия, как и присутствия).

В таком смысле «value» — это ценность отдавания, освоения различий дара, полученных на шаг раньше, с отсрочкой. Различия дара опережают сам акт отдавания дара в открытое. Они прежде бытия, понятого как присутствие. Письмо, опирающееся на *différance*, описывает не то, что открывается видящему, а то, что чувственно осознается рассудком вслед только что увиденному. Подразумевается, что, с одной стороны, нечто увиденное существует как оно есть, а с другой — существует как осознанное отношение к увиденному (осознанное с помощью чувств, а потому смещенное, наступившее с отсрочкой, на шаг позднее «только что увиденного»). Получается, что между видимым «как нечто есть на самом деле» и тем, «как это нечто преломляется в субъективном отношении к нему», существует зазор, в рамках которого располагается весь спектр смысловых различий «этического» (от чистого дара до магического отдаривания).

Какие именно методологические сюжеты концепта протоследа Ж. Деррида могут быть использованы при распознавании смыслов неэквивалентных меновых отношений? Наметим в качестве таковых положения о даре как взаимосвязи дарения и дарования, о протоследе, об игре различия смыслов бытия, о холокосте холокоста.

Положение о даре как взаимосвязи дарения и дарования возможно раскрыть через концепты игры различия смыслов бытия и холокост холокоста. В отношениях обмена стоимостями игра различия смыслов бытия проявляет себя в нерассудочности отношения индивидов друг к другу. Нерассудочность эта не тождественна безумству, она вызвана не сумасшествием, а поломкой механизма «слушания собственной речи», укорененного в желании вещного наличия. В поле зрения — проявления траты творческих сил, указывающей на проживание жизни путем интенсивного обмена с окружающими, в удовольствие себе и другим, на фоне спонтанного установления соотношения дачи-отдачи (последнее не просчитывается заранее, так как творится игрой смыслов бытия). В призме «холокоста холокоста» фиксируется особый контекст межличностных меновых отношений: избывание вещиности в процессе бескорыстного отдавания, на пути продвижения по следам протоследа, прочь от миропорядка эквивалентности. Отношения обмена метафизичны в силу события дара как траты творческого горения, как самосожжения (сгорает само желание слушать себя, голос своего эгоистического интереса). В такой оптике подлежат различению смыслы меновых

отношений, порожденные наличием у их участников индивидуальной меры дачи-отдачи, т. е. уникального в каждом конкретном случае соотношения присвоения и отдавания, личной выгоды и уступок, полезности и ценности.

Положение о протоследе позволяет анализировать события меновых отношений, принимая во внимание, что их участники наделены даром различания непрозрачности смысловых оттенков чувств бессознательного. Допущение такого рода высвечивает нюансы переживания удовольствия/неудовольствия по поводу отдаваемых/получаемых услуг. Становится уловим зазор между намерением и поступком, а с ним и весь спектр смысловых различий этики дара как этики спонтанной игры смыслов бытия, выявляющей меру личностного и безличностного, вещного и невещного, ценности и полезности, получения и отдавания, сознательного и бессознательного, духовного и материального. Распознаются смыслы межличностных меновых отношений, разбросанные по всей траектории изречения от его истока до оформления в виде изреченного слова. То есть от намерения выстроить межличностные отношения с Другим (через метаморфозы ожиданий) до проявленного акта персонифицированного обмена.

Положение о протоследе предполагает, что мотивация личной выгоды и обусловленные ею ожидания оказываются под вопросом в силу занятия субъектами рефлексивной позиции выбора: какой системе ценностей следовать (прагматической или непрагматической), поддерживать человеческие отношения на основе взаимности и/или личной выгоды. Каждый решает, как поступать в том или ином конкретном случае, какие услуги и уступки могут быть сделаны на безвозмездной основе, а какие могут быть осуществлены в форме отложенного кредитования, беспроцентного и безденежного. Следовательно, в данном контексте анализа межличностных меновых отношений улавливается полисемантика со-бытия прагматизма и дарения.

Подведем итоги: в перспективе онтологии дара меновые отношения лицом-к-лицу характеризуются этическими различиями индивидуального поведения. Их очевидная неоднозначность препятствует вынесению категоричных оценочных суждений в рамках бинарной оппозиции «плохо-хорошо».

Ценность меновой стоимости («value») при этом распознается как уникальная комбинация смыслов каждого конкретного акта получения-отдачи. Она определяется на основе методологических положений нередукционистского типа, выделяемых в работах Хайдеггера, Левинаса, Деррида. Мы склонны полагать, что рассмотренные в статье модусы «value» — дар присутствия, дар встречи лицом-к-лицу, дар различания — способствуют обнаружению в конкурентной среде паттернов хозяйственных коммуникаций гуманистического типа, каждый из которых этически отличен от другого и характеризует определенное качество межличностных отношений.

---

1. Автономова Н. С. Деррида и грамματοлогия // Деррида Ж. О грамματοлогии. М., 2000.

2. Гурко Е. Н. Божественная оноματοлогия: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. Минск, 2006.

3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
4. Деррида Ж. Зола угасшей прах. СПб., 2002.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
6. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
7. Керимов Т. Х. Образцы данности сущего и проблема построения онтологии // Социемы. 2015. № 22. С. 36.
8. Левинас Э. Значение и смысл // Тр. ВРФШ. 2 : Онтология. Эстетика. Религиозная философия. СПб., 1993.
9. Оглоблина И. А. Экономический редукционизм и его социально-философское значение: границы и возможности // К 40-летию философского факультета: Социальная философия и опыт современного обществознания. Екатеринбург, 2005.
10. Парамхама Йогананда. Автобиография Йога. М., 2008.
11. Платон. Избранные диалоги. М., 1965.
12. Соколова Л. Ю. Трансцендентальная тема в феноменологии М. Анри и Э. Левинаса // Эммануэль Левинас: Путь к Другому : сб. статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб., 2006.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2013.

Рукопись поступила в редакцию 16 декабря 2016 г.

УДК 304.2 + 165.01 + 167

**Н. Г. Попова
Е. В. Биричева**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОЛЛЕКТИВ КАК АКТОР ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Сегодня подавляющее большинство исследований проводятся научно-исследовательскими коллективами (НИК) ученых. Как множественный актор, НИК обладает специфическими характеристиками, поскольку является самоорганизующейся, динамичной и эволюционирующей системой с определенными центрами активности. Поэтому необходимо научное осмысление сущности НИК, его границ, внутренней структуры и способов взаимодействия с окружающей социальной действительностью для выработки стратегических решений в области управления научной деятельностью. В данной работе предлагается анализировать НИК с позиций целеориентированного подхода, поскольку именно совместное *видение цели* его участниками является тем аттрактором, который и определяет траекторию эволюции коллективного актора. Кроме того, такой подход предлагает возможность оценки продуктивности современной научной мысли как эффекта совместной деятельности различных участников процесса производства научного знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : научно-исследовательский коллектив, генерация научного знания, коллективный актор; актор научного познания, социология научного знания, парадокс, смысл, научное мышление, научное познание.

В современных условиях индивидуальный исследователь становится редкостью, особенно в области естественных и технических наук. Связано это прежде всего с многомерностью и многоаспектностью современных научных задач, которые требуют комплексного подхода и коллективных усилий. Кроме того, данная тенденция имеет и философское основание, поскольку этап постнеклассической научной рациональности предполагает отказ от понимания субъекта в качестве индивидуальной, автономной и первичной единицы. Субъект становится актором, действующей *активностью*, поэтому мыслится как нечто многогранное, вплетенное в сеть взаимодействий с другими активностями и структурами мира [3]. В рамках подобного понимания действующей единицы социума субъект, в том числе субъект научной деятельности, приобретает свойства динамичности, множественности и текучести. В связи с этим современные философы и социологи науки склонны включать в действующую единицу, обеспечивающую производство научного знания, нечеловеческие объекты (технический инструментарий, приборы, финансовые возможности, исследовательские образцы, подопытных животных и т. п.) [11], даже приписывая им равноправный с человеком онтологический статус [6]. Осознание современными людьми себя включенными в трансформирующиеся отношения с различными элементами действительности и соответственно в многогранную деятельность обеспечивает возможность рассматривать социальный субъект как групповой актор, имеющий коллективную природу. Данный ракурс рассмотрения единиц-субъектов применительно к социологии науки находится, по сути, в русле синергетической парадигмы, основания которой позволяют говорить о деятельности как об эффекте совместного взаимодействия, а о субъекте — как о коллективном, при этом динамичном и изменчивом, акторе.

Однако такой подход, целостный по своей ориентации, вынужден иметь дело с парадоксальностью исследуемых феноменов. Приписывание активности коллективной единице не должно упускать из виду проявления индивидуальной свободы, не заменяя при этом эффект совместной деятельности суммой действий каждого из членов группы. Понимание субъекта как множественного и динамичного приводит также к вопросу о его границах, определить которые, парадоксальным образом, становится возможным только в свете понимания неизменной основы такого актора. Наконец, парадоксальной представляется сама ситуация рождения мысли не в единичном сознании, а в динамике жизни группового субъекта научной деятельности. Глубинный уровень проблемы истоков и движущих сил научного мышления в рамках современной ситуации требует переосмысления сущности исследовательского коллектива, его границ, внутренней структуры и способов взаимодействия с окружающей социальной действительностью. До сих пор среди исследователей отсутствует единство в вопросе определения понятия коллективного субъекта научной деятельности применительно к современным реалиям. Тем не менее очевидна актуальность социального ракурса исследования функционирования и структуры научных коллективов: в условиях социальной оптимизации и динамичной со-настройки различных сфер общественного бытия необходимо достичь понимания того, что собой представляет единица того или иного макросообщества и как она работает.

Подходы к изучению научно-исследовательского коллектива

В свете данных задач на стыке социологии, психологии, экономики и менеджмента науки последнее время ведется множество исследований, посвященных изучению природы НИК, его функционирования и повышения качества продукта научной деятельности. С экономическо-управленческой точки зрения изучается зависимость эффективности работы НИК от характеристик системы управления данными группами [12, 22, 24], от численности исследовательских групп и степени их автономности [26, 27], от внутриколлективных и внешних (государственных, финансовых, институциональных) факторов [9]. С позиции психологии науки обращается внимание на факторы индивидуального уровня участия ученых в совместных исследованиях [25], ставятся вопросы о системе межличностных отношений в научном коллективе и микроуровне формирования научных школ [1, 105–147; 21], изучаются конфликтологические проблемы существования НИК [20]. Социологический подход ориентирован на осмысление социальной обусловленности научного знания, а также на исследование качественных и количественных показателей совместной деятельности ученых в зависимости от институциональных особенностей ведения научной работы и социальных условий организации труда [8, 10, 15, 18, 19]. Уделяется большое внимание и коммуникативным аспектам научной деятельности как в социально-философском ключе [4, 5, 17], так и в рамках логико-лингвистических исследований [13, 14, 16].

Важно отметить, что и само понятие НИК трактуется по-разному. Существуют две крайние позиции в определении границ НИК — традиционная и сетевая, соотношение которых в рамках того или иного исследования может быть различным. В традиционном смысле научный коллектив — группа ученых, совместно работающих в рамках одного структурного подразделения научно-исследовательской, научно-образовательной или научно-производственной организации (т. е. рабочий коллектив лаборатории НИИ, кафедры вуза или исследовательского отдела на производстве). Однако такое понимание научного коллектива не охватывает специфику современных НИК, поскольку исследователи из одного структурного подразделения далеко не всегда работают все вместе над одним проектом. Сегодня имеет место динамичная смена научных кадров; кроме того, один исследователь может быть вовлечен в работу над несколькими крупными проектами или научными задачами одновременно. Также чрезвычайно распространено сотрудничество ученых не только с коллегами из соседних подразделений и организаций, но и в масштабах национального и международного уровня (совместные исследования ведут работники из разных городов и из разных стран). Все эти особенности современной ситуации социального бытия исследователей побуждают переосмыслить традиционное понимание научного коллектива.

Противоположным традиционной трактовке НИК является его понимание как сети, в которую в предельном случае включаются и такие участники, как менеджеры, редакторы и рецензенты публикаций; преподаватели, повлиявшие на формирование исследовательских компетенций ученых; технические специалисты по наладке оборудования; инвесторы проекта; экспериментально-техническая

и финансовая база исследования [11, 23]. Данная модель способна описать не только изменчивость состава коллектива, но и влияние разнообразных внешних факторов на процесс научного труда. Так, исследовательский процесс могут затормозить и даже остановить такие обстоятельства, как прекращение инвестирования проекта, повреждение объектов исследования, долгое ожидание наладчиков оборудования, отклонение публикаций и др. Сетевой характер описания процесса научного исследования отражает как многомерность связей между его составными элементами, так и возобновляемость такой, ризоматической по своей природе, структуры [7, 6–45]. Участники проекта могут уволиться или прекратить свою работу над исследованием по иной причине, публикацию могут отклонить в издании, инвесторы могут отказать в продолжении финансирования, данные или образцы могут быть утеряны и т. д. Тем не менее места ушедших ученых могут занять новые коллеги, публикация может быть принята в другом журнале, финансирование проекта может быть продолжено из иных источников, а данные и образцы могут быть получены заново. Однако при таком, чересчур широком, понимании коллективного субъекта научного познания исчезают его четкие очертания, вследствие чего размываются и теряют свою почву критерии оценки деятельности подобного группового актора.

Научно-исследовательский коллектив как множественный субъект научного познания

Представляется, таким образом, что, с одной стороны, нецелесообразно трактовать НИК как совокупность сотрудников подразделения одной организации. Но, с другой стороны, неправомерным является и чрезмерное расширение его границ, когда в его рамки включаются все возможные субъекты и объекты, имеющие отношение к исследованию. В связи с многоаспектностью самой задачи представления целостной модели функционирования НИК необходимым видится применение структурного и системного подходов. Принимая продуктивность латуровского метода исследования «акторных сетей» в научной деятельности, мы все же склонны не отбрасывать инструменты осмысления коллективной работы с позиции «система — внешняя среда». В ходе совмещения данных ракурсов рассмотрения группового актора само понимание категории системы трансформируется. Коллективный субъект науки — динамическая, эволюционирующая, т. е. нежесткая система, которая тем не менее предполагает наличие определенных центров активности, выстраивание специфических связей между ними, а также целостное существование такой системы на фоне конкретной, внешней по отношению к текущему составу коллектива, среды. Условившись рассматривать НИК прежде всего как группу индивидов, состав которой остается постоянным на более или менее продолжительном промежутке времени, необходимо выявить основание, позволяющее провести черту между коллективом и внешними структурами.

Широкое рассмотрение коллективного субъекта производства научного знания предполагает выявление взаимосвязей между всеми участниками данного процесса, включая ученых, редакторов, рецензентов, научных руководителей и т. д.

Однако в рамках такого подхода невозможно разграничить авторов научной мысли и способствовавших ее формированию и распространению иных индивидов, безусловно влияющих на процесс, но не являющихся непосредственными творцами нового знания. Данная модель не позволяет выявить и внутреннюю иерархию коллектива, которая, несмотря на сетевой характер формирования связей между его членами, все же имеет место в реальности, складываясь в ту или иную структуру. Наконец, неясной остается природа стержня, вокруг которого интегрируются или в отсутствие которого дезинтегрируются члены исследовательской группы. Под таким центрообразующим фактором, с другой стороны, все же некорректно понимать и договоренность членов НИК по поводу единства методологии или научно-исследовательской программы [1, 125; 5, 85]. Например, члены исследовательской группы могут не разделять некоторые идеологические, парадигмальные, методологические, стратегические и другие взгляды друг друга, однако это не всегда будет оказывать негативное воздействие на межличностные отношения в НИК. Напротив, разные точки зрения, даже полярные, часто позволяют стимулировать работу в коллективе, обогащая получаемое научное знание многогранностью подходов к исследованию одного феномена (объекта), чего отдельный индивидуальный исследователь или коллектив, использующий одну узкую методологию, мог бы не достичь. Таким образом, ни единство методологии, ни общее место работы не могут считаться тем центрирующим стержнем, вокруг которого формируется НИК.

В связи с тем что чаще всего коллективы формируются под тот или иной проект (грант, обнаруженная актуальная проблематика, направление исследований, производственный или государственный заказ и т. д.), можно предположить, что центром притяжения для возникновения НИК сетевого типа является *цель* научного исследования. Действительно, независимо от того, благодаря чему формулируется цель проекта (спущена «сверху», обусловлена необходимостью решения актуальной научной задачи или же предложена самими исследователями), вокруг этой конкретной задачи и возникает НИК. Невозможно представить, чтобы субъект науки действовал, не имея и (или) не понимая конечной цели своей деятельности, ведь иначе работа будет пустой и бессмысленной и нельзя будет говорить о ней как о производстве научного знания. При наличии единой, разделяемой членами коллектива цели структура коллектива складывается в какой-то степени путем самоорганизации (в терминах синергетики). Именно под цель различными способами подтягиваются материальные ресурсы, выбираются мотивирующие факторы и приглашаются способствующие достижению цели участники.

Однако цель должна пониматься не формально, но содержательно: цель науки не наука сама по себе, т. е. не просто производство как можно большего количества знания (в частности, не публикация как можно большего числа научных статей с как можно более высокими индексами). Онтологически цель любого существа в рамках той или иной деятельности — максимально исполниться, реализовать свои способности и получить для себя определенный положительный эффект (в случае человеческого существа — обогатиться опытом и смыслом в процессе своей работы) [2, 81–108]. Безусловно, цель не сама себя формулирует и не сама

выбирает необходимые средства для своего воплощения. Первоначальным актом, открывающим пространство для деятельности и соответственно для формирования коллектива, является *момент осмысления цели его основными участниками* — теми, кого эта цель захватывает, кому интересно или необходимо по той или иной причине данную цель реализовать. Даже если речь идет о реалиях современной науки, когда цель навязана со стороны, она должна быть прежде всего осмыслена основными участниками, увидена во всей целостности и полноте. Уточняя сущность центрирующего фактора для формирования НИК, подчеркнем, что ключом к пониманию существа субъекта научной деятельности, его внутренней структуры и динамики, а также его функционирования в масштабе макросообщества является то, как и в каком ракурсе видится цель лидерам коллектива.

Лидерами НИК мы будем называть индивидов в структуре коллектива, которые непосредственно участвуют в первоначальном осмыслении цели научного исследования, а следовательно, и в ее интерпретации с определенных позиций и передаче другим членам НИК. Лидеров может быть несколько, причем среди них может сложиться различная структура связей — как равноправная, так и иерархическая. Содержательные роли лидеров могут быть совмещены в одном человеке или же разделены между несколькими участниками. Соотношение количества и специфики лидеров, определенным образом представляющих себе цель исследования, обеспечивает постоянное ядро НИК. Заметим здесь и то, что один и тот же по составу НИК может долгое время работать над различными исследовательскими целями. Именно поэтому мы подчеркиваем, что не цель проекта как таковая и не наличие проектов (заказов, задач) вообще каждый раз собирают коллектив: сборка происходит более сложным образом, предполагая в своей основе и цель, и *способ видения* лидерами целей в качестве совместных. Соответственно можно предположить, что масштаб цели (либо ряда единичных или последовательных, связанных друг с другом целей) в совокупности с особенностями лидеров будет во многом определять долгосрочность существования коллектива с неизменным составом ядра. Если же базовая структура (цель — видение цели — лидеры) распадается, т. е. либо цель становится неактуальной/недостижимой, либо один из лидеров выходит из проекта на стадии, когда его участие остается необходимым, данный научный коллектив фактически перестает существовать. Видение цели уникально для каждого из членов, которые топологически представляют различные точки зрения и, следовательно, вносят свой особый вклад в общую структуру. Поэтому, когда из НИК выходит один из участников даже в условиях сохранения цели и остального состава, групповой актор изменится неизбежно не только в своем количественном, но и в качественном аспекте.

Реализация цели исследования чаще всего достигается не только силами ядра, поэтому в зависимости от того, как лидеры увидели цель, какими личностными характеристиками и подходами к управлению проектами они обладают, оформляется дальнейшая сеть-структура НИК. Каждый из лидеров может подключать знакомых ему исследователей, способных, по его мнению, помочь в достижении цели совместными усилиями. Распространен также вариант, при котором двое-трое лидеров остаются постоянным ядром, периодически подключая различных

соисполнителей на разных этапах своего основного проекта или же справляясь целиком своими силами. Так, НИК представляет собой динамичную структуру, предполагающую наличие «мест» или ролей, заполнять и исполнять которые могут различные члены, непосредственно участвующие в осуществлении цели, прилагая к этому свои усилия. Нужно отметить, что ролевая модель является достаточно стандартной для описания коллективов, выполняющих разные проекты — не только научные, но и в сфере производства, торговли и услуг. Особенность НИК состоит в том, что его члены могут совмещать роли или переключаться между выполнением нескольких ролей. Так, руководитель может одновременно выступать и организатором, и генератором идей, и критиком, в то время как исполнители будут дублировать одну роль.

Несмотря на объяснительный потенциал ролевой модели коллектива, представляется, что не следует все же рассматривать НИК лишь в такой плоскости. В плане вопроса продуктивности НИК модель, предполагающая центрацию вокруг цели, ядро из постоянных членов и более динамично замещаемую «периферию», является сложной и вариативной, поскольку смоделировать одну, работающую для всех ситуаций структуру коллектива невозможно. Количество участников, состав группы и распределение ролей будут зависеть прежде всего от содержания цели. С целью неразрывно связано видение лидерами группы путей ее достижения, структуры необходимого под эту задачу коллектива и его ролевой специфики. Помимо прочего в реальности на подтягивание к цели ресурсов накладываются субъективно-психологические факторы, связанные не столько с самой целью, сколько с ее интерпретацией лидерами и их представлениями о том, кого и на каких основаниях следует включать в НИК или исключать из него. Различного характера видение ведущими участниками цели проекта порождает применение ими различных стратегий для формирования и поддержания работоспособности своего коллектива. На практике встречаются и ситуации неудачного формирования констелляции НИК, когда лидеры нецелесообразно распределяют задачи, непродуктивно управляют другими членами либо оказываются вовсе не заинтересованными в осуществлении содержательной стороны цели исследования (например, достигают лишь формальных показателей или заинтересованы в психологическом самоутверждении, реализации собственных амбиций и т. п. вместо действительной работы над проектом).

***

В данной работе сделана попытка осмыслить сущность научно-исследовательского коллектива как группового субъекта научного познания в русле *целесоориентированного* подхода. Рассмотрение организации НИК вокруг видения цели совместного исследования ведущими членами, безусловно, предполагает сетевой характер выстраивания внутренних связей между учеными. Однако с точки зрения данного подхода возможным становится и объяснение продуктивности современной научной мысли как эффекта совместной деятельности различных участников процесса производства научного знания. Представляется, что достижение цели научного исследования отдельным научным коллективом является

возможным только при условии выстраивания сложной сети коммуникаций как между его членами, так и между внешними по отношению к данному НИК акторами. В частности, данный тезис позволяет отстаивать точку зрения о большей продуктивности НИК (в случае его грамотной организации) по сравнению с индивидуальным исследователем. Реальный результат совместной научной работы всегда больше, чем просто реализация проекта, написание публикаций, отчетов и т. п. Происходит взаимное обогащение членов НИК смыслом, опытом, знанием, что, в свою очередь, становится двигателем будущего развития науки. Если дополнительный эффект видится членами НИК в качестве положительного, то, в отсутствие дестабилизирующих внешних условий, они будут стремиться взаимодействовать в дальнейшем.

Позитивный опыт удачной констелляции, т. е. распределения ролей и реализации своих способностей каждым из участников, сплачивает команду и задает импульс к совместному преодолению трудностей и противостоянию неблагоприятным воздействиям. Сработавшиеся коллеги, чувствующие доверие и поддержку со стороны друг друга, способны находить альтернативные возможности для достижения цели исследования, несмотря на промежуточные неудачи (поломка оборудования, потеря данных, прекращение финансирования, отклонение публикаций и т. п.). При тех же обстоятельствах с большой вероятностью дисбалансированный НИК распадется, а индивидуальный исследователь откажется от продолжения проекта, так и не достигнув своей цели. С другой стороны, каждый участник из любого взаимодействия выносит для себя тот или иной опыт, и эффект совместной деятельности в рамках НИК, каким бы он ни был, во многом формирует будущее нашей науки. Все эффекты коллективного взаимодействия просчитать с уверенностью невозможно, однако они парадоксальным образом могут служить теми движущими силами науки, на место которых последнее время безуспешно претендует система учета количественных показателей.

---

1. *Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки : учеб. пособие. М., 1998.

2. *Бибихин В. В.* Лес (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). СПб., 2011.

3. *Биричева Е. В.* Субъект как несубстанциальное основание бытия. Концепция приспособления. Екатеринбург, 2014.

4. *Биричева Е. В.* Социальная коммуникация в сфере науки // Управление и коммуникации: анализ тенденций и перспективы развития. Чебоксары, 2016. С. 39–46.

5. *Бондарев В. П., Бойченко О. В.* Структура и функционирование научного коллектива (коммуникативный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. 2011. № 1. С. 80–97.

6. *Брайант Л. Р.* На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4(100). С. 275–292.

7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010.

8. *Дикуссар В. В., Нечехухин О. В.* Проблема создания оптимальных структур научных коллективов // Вопросы теории безопасности и устойчивости систем. 2004. № 6–2. С. 77–85.

9. *Качанов Ю. Л., Шматко Н. А.* Эффективность управления научно-исследовательскими коллективами. М., 2010.

10. *Квиек М.* Интернационализация академической профессии в Европе: Количественное исследование 11 национальных систем // *Вопр. образования.* 2015. № 1. С. 58–87.
11. *Латур Б.* Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
12. *Лежебоков А. А., Сергодеева Е. А.* Концептуальные модели управления научными коллективами // *Новая наука: Теоретический и практический взгляд.* 2016. № 10–2. С. 153–158.
13. *Леонова Ю. В., Федотов А. М.* Исследование научных связей на основе анализа диссертационных работ // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Информационные технологии.* 2014. Т. 12, № 1. С. 34–49.
14. *Леонтьева Е. Ю.* Рациональные модели науки и эффективность ее результатов: полемические размышления // *Primo Aspectu.* 2016. № 1(25). С. 7–13.
15. *Лойко В. И., Романов Д. А., Попова О. Б.* Современные модели и методы диагностики исследовательской деятельности научно-педагогических коллективов // *Научный журнал КубГАУ.* 2015. № 112(08) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/139.pdf> (дата обращения: 20.11.2016).
16. *Мишанкина Н. А.* Научная коммуникация в аспекте лингвокогнитивного моделирования // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология.* 2010. № 1(9). С. 70–79.
17. *Попова Н. Г.* Научная статья как ядро социотехнической сети по производству знания // *Социология науки и технологий.* 2017. (В печати).
18. *Романов Д. А.* Современные модели научно-педагогического коллектива как субъекта исследовательской деятельности // *Науч. тр. КубГТУ.* 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/978> (дата обращения: 20.11.2016).
19. *Субочева О. Н., Субочева А. Д.* Социологический подход к исследованию межличностных отношений в системе управленческой деятельности производственной организации // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 16. С. 14–18.
20. *Яковлева И. П., Романов Д. А.* Современные модели конфликтологической компетентности // *Науч. тр. КубГТУ.* 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/78> (дата обращения: 20.11.2016).
21. *Abbott J., Boyd N., Miles G.* Does Type of Team Matter? An Investigation of the Relationships Between Job Characteristics and Outcomes Within a Team-Based Environment // *The Journal Of Social Psychology.* 2006. Vol. 146, № 4. P. 485–507.
22. *Adams J., Black G., Clemmons R., Stephan P.* Scientific teams and institutional collaborations: Evidence from U.S. universities 1981–1999 // *Research Policy.* 2005. Vol. 34. P. 259–285.
23. *Callon M.* Some elements for a sociology of translation // *Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge?* / ed. Law J. L., 1986. P. 169–229.
24. *Marlow S., Lacerenza C., Salas E.* Communication in virtual teams: a conceptual framework and research agenda. *Human Resource Management Review.* In Press, 2017. DOI 10.1016/j.hrmr.2016.12.005.
25. *Melin G.* Pragmatism and self-organization: Research collaboration on the individual level // *Research Policy.* 2000. № 29. P. 31–40.
26. *Perovic S., Radovanovic S., Sikimic V., Berber A.* Optimal research team composition: data envelopment analysis of Fermilab experiments // *Scientometrics.* 2016. Vol. 108. P. 83–111.
27. *Walsh J., Lee Y.* The bureaucratization of science // *Research Policy.* 2015. Vol. 44. P. 1584–1600.

Рукопись поступила в редакцию 3 февраля 2017 г.

УДК 316.728-053.81 + 646

Е. В. Грунт
А. И. Мухутдинова

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПРИ ВЫБОРЕ МОДНОЙ ОДЕЖДЫ

В статье расширен существующий в социологии подход к проблемам потребительского поведения российской молодежи в области моды. Феномен моды рассмотрен с позиций концепции подражания, теории демонстративного потребления, теории постмодернизма, теории символического интеракционизма; рассмотрена также концепция моды в рамках семиотического подхода. Эмпирическую базу исследования представляют материалы социологических исследований, проведенных авторами в 2015–2016 гг. в Екатеринбурге. Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегию. Исследование зафиксировало: наметился новый тренд в потребительском поведении молодежи — покупка модной одежды посредством Интернета. Среди сегментов магазинов, в которых чаще всего одевается опрошенная молодежь, лидируют масс-бренды, аутлеты и рыночные комплексы. Молодежь активно использует бренд в качестве визуализатора своего статуса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежь, мода, потребительское поведение, выбор модной одежды, бренд, Россия.

Введение в исследовательскую проблему

В современном обществе мода, с одной стороны, является важной ценностью молодежи, а с другой — одной из основных установок потребительского поведения. Требование быть модным звучит с экранов телевизоров, визуализируется в глянцевых журналах и рекламе. Являясь частью культуры в условиях глобализации, мода часто изучается культурологами, философами, социологами как важная ценность, как медийный образ и пр. Однако между реальным воплощением и декларацией ценности часто существует брешь. Каково реальное содержание моды в сознании молодежи, насколько она следует ей и готова признать себя «модной», каково ее потребительское поведение в сфере модной одежды? Эти проблемы не часто освещаются социологами. Между тем именно содержание моды, ее функции выступают основой потребительского поведения молодежи, определяют практики в сфере модной одежды.

Многие исследователи проблем молодежи указывают на то, что сегодня «культ моды, вещизма, потребления овладевает сознанием и приобретает универсальный характер, что сказывается на стремлении большей части молодежи ориентироваться на внешние признаки принадлежности к той или иной группе» [3, 34]. Как отмечает Г. Зиммель, именно мода, модные течения, стили, модные вещи и направления, модные стандарты поведения позволяют реализоваться этой потребности [7]. Молодежь, так же как и другие социальные группы, подвержена общим тенденциям моды, но в связи со спецификой молодежного сознания молодежная мода имеет отличительные признаки своего проявления.

Во-первых, молодежь, исходя из своих особенностей, имеет склонность быть более вовлеченной в модный процесс по сравнению с другими возрастными группами. Многие в молодежной среде, начиная от выбора вуза и заканчивая выбором мест досуга, в определенной степени подвержены влиянию моды. Кроме того, представители учащейся молодежи (крупных городов) по сравнению с работающей молодежью в большей степени склонны к следованию моде как к регулятору их поведения и более отстранены от реалий общественной жизни. «С другой стороны, ценностное многообразие молодежной среды, фактор стремления к изучению устройства окружающего мира ограничивают область экспансии в нее особо массовых модных стереотипов. В сознании молодого человека мода представлена в виде ценности — цели, которая определяет характер жизнедеятельности человека как в плане взаимодействия его с предметным миром, так и в плане взаимодействия с социальной средой и самим собой» [6, 26]. Во-вторых, молодежная мода характеризуется избыточностью поступающих в сферу модной коммуникации культурных образцов. Модное поведение молодежи многообразно и особенно явно проявляется в крупных городах, поскольку именно в них концентрируется огромное количество культурных образцов в любой сфере деятельности. В-третьих, наблюдается активное участие молодежи в сфере моды из-за ее социализирующей функции, т. е. приобщения индивида к социальному и культурному опыту. Молодость — интенсивный период освоения социальных ролей, норм и ценностей. В следовании моде молодежь ищет свою идентичность. Важно не только содержание собственно модных стандартов, но и факт следования неким нормативным образцам, участие в социальной жизни как таковой [Там же].

Мотив идентификации с другим человеком, стремление быть похожим на героя, кумира, авторитетную личность как важное условие эффективного процесса социализации также отмечается исследователями моды [1, 2]. Как пишет Ю. Платонов, этот мотив «является особенно актуальным для подростков, которые пытаются копировать поведение других людей. Стремление походить на кумира — существенный мотив поведения, под влиянием которого человек развивается и совершенствуется. Идентификация с другим человеком приводит к повышению энергетического потенциала индивида за счет символического “заимствования” энергии у кумира (объекта идентификации): появляются силы, вдохновение, желание действовать так, как делал это герой (кумир и др.)» [14].

Ряд исследователей при изучении моды указывают на социальную значимость моды для молодежи: «Мода, будучи одним из важнейших средств дифференциации, интеграции и социализации, а также способствуя социальному взаимодействию, выработке стандартов в сфере потребления и определению сферы вкуса, выступает средством становления молодого человека в обществе» [11, 17].

Основываясь на основных положениях Г. Зиммеля [7], А. Б. Гофмана [3], Э. Гийома о роли моды в молодежной среде, становится ясно, что включенность моды в сферу социальной дифференциации и интеграции является основой при изучении данной проблематики. Процесс социальной интеграции находит выражение в стремлении молодежи к самоидентификации, что является субъективной характеристикой ее социального статуса. Как отмечают В. И. Чупров

и Ю. А. Зубок, социальный статус молодежи определяется ею как заведомо низкий, носящий переходный характер, что создает предпосылки для ее социально-экономической «неполноценности». «Данная характеристика молодежи обеспечивает реализацию функции моды восполнять неполноту социального статуса. Самоидентификация молодежи находит выражение в процессе подражания, что является основой моды» [17, 45]. Обращение к теории Т. Парсонса [13] помогает понять, что подражание лежит в основе процесса социализации. Таким образом, мода, реализуя природную склонность молодежи к подражанию, представляется в данной связи каналом процесса социализации. «Кроме того, выполнение социализирующей функции, осуществляемой модой, находит выражение в поиске идентичности. Неким катализатором процесса идентификации выступают референтные (эталонные) группы, которые делятся, в свою очередь, на реальные (группы друзей) и воображаемые («значимые» взрослые)» [17, 49].

Исследователи при изучении проблемы молодежной моды в одежде особое внимание уделяют типологии модного поведения молодежи. Так, О. Б. Подольская, опираясь на типологию В. И. Чупрова, сформулировала три типа ориентации, определяющих модное поведение молодежи: 1) ориентации, характерные для среднестатистического жителя России (ориентация на выживание); 2) ориентации, относящиеся к потребительской идеологии среднего класса (склонность к потреблению предметов, символизирующих стабильный и обеспеченный образ жизни — по российским стандартам). Эти ориентации различаются в зависимости от уровня материального обеспечения молодежи — материально малообеспеченной и высокообеспеченной: для первой актуальнее потребность в обучении, для второй — модное престижное потребление; 3) ориентации, рассчитанные на перспективу. Следуя моде, молодой человек способствует символизации, формированию, укреплению своего «Я», своей личностной идентичности, самосознания, причем преимущественно в демонстративных и игровых формах. Так, например, в качестве основного мотива следования моде студенчество опирается на подражание своей референтной группе. Поэтому мода является одним из основных средств для студента, чтобы подчеркнуть принадлежность к своей социальной группе [15].

Будучи сферой вкуса, мода выступает каналом внешнего самовыражения. Следование моде в данном ключе подразумевает демонстрацию модной внешности. М. Мосс в концепции тотального человека обосновывает важность внешности для молодежи. Базовой категорией данной концепции является понятие «техники тела», под которым ученый подразумевает манеры, жесты, движения, модификации внешности и тому подобное. Тотальность человека заключается в том, что представление о техниках его тела строится на тройственном подходе, который подразумевает тесную связь между биологическим, социальным и психологическим. Биологический и психологический компоненты проявляются в подражательном акте индивида, в то время как социальный — в престижности объекта подражания. Иными словами, процесс преобразования внешнего облика человека находится в зависимости от природной склонности к подражанию и связан со стремлением обладать социальным авторитетом. Последнее может

выступать как способ интеграции молодежи в группу, что сопряжено с социальным общением [12].

Таким образом, внешность для молодежи выступает в качестве фактора, регулирующего социальное общение, а мода — в качестве средства удовлетворения потребности в нем. Кроме того, обеспечивая идентификацию и дифференциацию молодежи, а также способствуя социализации как процессу принятия ценностей и закрепления их в сознании индивида, мода является ключевым средством социальной регуляции поведения [9].

Осмысление молодежи как социально-демографической группы в социологии зачастую происходит при рассмотрении потребительского поведения, пик развития и формирования которого приходится на период молодежного возраста. Кроме того, в современном обществе потребления существенно возрастает роль молодежи в качестве потребителя. Институционализация социологии молодежного потребления начинается с появлением работы М. Абрамса «Подростковое потребление» (1959), в которой автор указывает на возникновение феномена молодежного потребления в Великобритании в послевоенные годы, рассматривает отличительные особенности потребительского поведения молодежи от других возрастных групп, а также анализирует влияние на потребление британских подростков ценностей американской культуры [8]. мода в данном ключе выступает сферой вкуса. Данная ее сторона связана с функцией формирования тех или иных потребностей и стандартов. Дестабилизация потребительских предпочтений свидетельствует о повышенном стремлении молодежи к индивидуализации, что сопряжено с процессом ее дифференциации и находит выражение в склонности к оригинальности и новизне, что неразрывно связано со следованием моде. Однако в отечественной социологии недостаточно исследований, посвященных анализу потребительского поведения молодежи в сфере модной одежды. Все это обуславливает наш исследовательский интерес к изучению особенностей потребительского поведения разных категорий молодежи в сфере модной одежды.

Методология и методика исследования

Феномен моды был рассмотрен нами с позиций концепции подражания, теории демонстративного потребления, теории постмодернизма, теории символического интеракционизма; нами была также рассмотрена концепция моды на основе теории коллективного поведения и семиотического подхода. Рассмотренные концепции подчеркнули тот факт, что мода — многогранный, полифункциональный, социокультурный феномен.

Под термином «потребление» обычно имеют в виду физическое расходование материальных благ, использование полезных свойств процессов или предметов и удовлетворение потребностей человека. Таким образом, «потребление — это использование полезных свойств того или иного блага, сопряженное с удовлетворением личных потребностей человека и расходом (уничтожением) стоимости данного блага» [16, 6]. С одной стороны, потребительское поведение является разновидностью социального поведения личности в ролевом исполнении — в роли

потребителя. С другой стороны, потребительское поведение — это одна из форм экономического поведения.

Исследователями выделяются различные виды потребительского поведения: «В зависимости от опыта потребитель может быть “знатоком” или “новичком”. В зависимости от реакции на товарное изобилие — “приспособленным” или “теряющимся”. “Приспособленное” поведение заключается в позитивной реакции на товарное изобилие. Причиной “приспособленности” могут стать опыт, возраст или, например, тот факт, что у человека нет четкого “образа”, в который нужно вписаться, и поэтому товарный ассортимент видится ему как бы однообразным, и это не вызывает у него проблем. “Теряющееся” поведение отличается тем, что потребитель признает, что товарное изобилие затрудняет процесс покупки» [10]. В зависимости от склонности к действиям согласно эмоциям/разуму — склонным к «аффективному» или «продуманному» поведению. «Аффективное» поведение ассоциируется с эмоциональной покупкой. Такое поведение часто связано с товаром/услугой, максимально соответствующим образу покупателя. «Продуманное» потребительское поведение связано с категориальной мысленной оценкой товара/услуги [10]. Мы полагаем, что потребительское поведение современной молодежи можно охарактеризовать как «теряющееся» и «аффективное».

Стоит согласиться с мнением А. М. Демидова о том, что основные особенности потребительского поведения молодых россиян — «демонстративность и имиджевость»; ориентация на бренд; рационально-иррациональный характер потребления [5]. Потребительское поведение молодежи — процесс, подверженный влиянию множества факторов и требующий комплексного изучения. Воздействие ряда факторов делает потребительское поведение процессом динамическим и многовариантным.

Молодежь обладает спецификой потребления, связанной прежде всего с такими характерными чертами этой общности потребителей, как возраст, определенный этап социализации, высокий уровень социальной мобильности, особенности материального положения (возможность удовлетворения потребностей значительной части молодежи определяется материальным положением родительской семьи). С этой позиции нами рассмотрено потребление молодежи в сфере модной одежды.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных авторами в 2015–2016 гг. в Екатеринбурге.

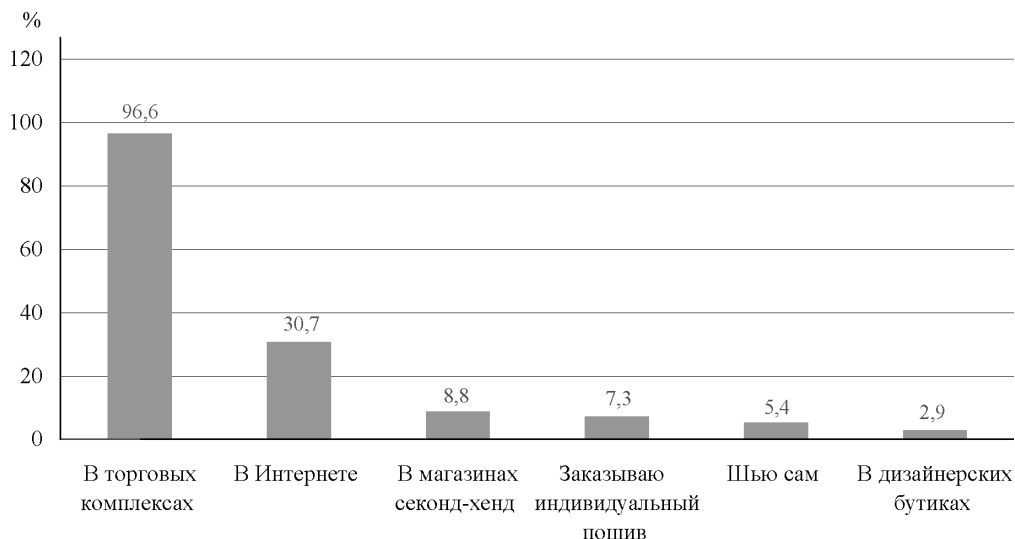
Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегии: анкетный опрос и полуструктурированное интервью. Опрос молодежи был проведен в технике раздаточного анкетирования, что соответствует целям и задачам исследования. Количественный метод способствовал составлению четкой и интегрированной картины по проблеме потребительского поведения молодежи при выборе модной одежды. Выборочная совокупность анкетного опроса составила 350 человек — представителей учащейся, студенческой и работающей молодежи Екатеринбурга. Способ организации выборки: многоступенчатая, квотная, пропорциональная половозрастному составу генеральной совокупности с последующим выравниванием по учебно-образовательным

и трудовым группам. Также в исследовании была использована качественная стратегия — 20 информантов опрашивались в технике полуструктурированного интервью, что позволило обогатить полученные данные. Информанты выступали в качестве экспертов в данной теме: опрашивались стилисты, дизайнеры, байеры, консультанты магазинов различных сегментов. Способ организации выборки — метод снежного кома.

Результаты исследования

Выявление специфики потребления модной одежды молодежью — одна из центральных задач нашего исследования. Перейдем непосредственно к характеристикам потребительского поведения молодежи в сфере модной одежды.

Большинство представителей молодежи достаточно традиционны и приобретают одежду в торговых комплексах (96,6 %). Гендерной и иных специфик в исследовании зафиксировано не было. Эксперты также отмечали, что на данный момент торговые центры занимают лидирующее положение при покупке молодежью модной одежды. Современные торговые центры выполняют также досуговую функцию, что делает их еще популярнее: *«Удобнее — торговые центры. Мы пошли, погуляли, что-то посмотрели, купили. Отдохнули. Семейные пары идут с детьми. В основном, наверное, торговые центры сейчас рулят»* (Ж., дизайнер, 34 года); *«В основном это торговые центры. Не отдельно стоящие магазины, а крупные торговые центры. Где можно сразу посетить несколько бутиков»* (Ж., стилист, 36 лет); однако исследование зафиксировало достаточно большую долю респондентов (30,7 %), выбирающих Интернет как площадку для своих покупок (см. рисунок).

Распределение респондентов по местам приобретения одежды, % к числу опрошенных (сумма ответов превышает 100 %, так как респондент мог дать несколько ответов на поставленный вопрос)

Наибольшая популярность покупок в Интернете зафиксирована среди школьников — 51,4 %, в то время как среди студентов и работающих — 27,8 и 25 % соответственно. Исследование показало, что представители младшего поколения молодежи наиболее прогрессивны, открыты к новшествам.

Исследование зафиксировало новый тренд — приобретение молодежью вещи посредством Интернета. Опрошенная молодежь идет в ногу со временем и достаточно новаторски подходит к процессу покупки модной одежды: *«Сейчас появился этот ресурс, который называется “Али Экспресс”, где массово люди заказывают и не боятся. Заказывают десять вещей, пять подойдет, ну и пусть, они там стоят буквально по тысяче рублей. А так в основном конечно же в торговых центрах. Интернет набирает обороты, но это такая вещь, очень сложно... “La moda”, наверное, самый популярный ресурс. В Интернете минус такой, что ты можешь заказать и может тебе вещь не подойти. Сложно потом с возвратом»* (Ж., консультант, 20 лет).

Таким образом, покупка одежды в торговых центрах, моллах — наиболее распространенная и удобная практика для молодежи: *«В торговых комплексах, потому что по Интернету девушка может заказать вещь, только если не нашлось ее размера в магазине. Это русская какая-то особенность, нам надо все потрогать, пощупать и одеть на себя, чтобы представить, как это выглядит. Это прямо тенденция такая. Потому что американцы, англичане легко заказывают одежду через Интернет, как-то проще к этому относятся»* (Ж., байер, 42 года); *«В Интернете заказывают те, кто ему уже доверяет»* (Ж., консультант, 22 года).

Выбор одежды в дизайнерских бутиках, заказ у швеи — эти варианты не пользуются спросом у современных молодых людей. *«Пошивом пользуются, мне кажется, в редких случаях — свадьба, выпускной бал, вечернее платье. В таких случаях часто прибегают к услугам швеи»* (Ж., консультант, 20 лет).

В ходе исследования мы попросили наших информантов, дизайнеров, дать примерный портрет молодых людей, покупающих одежду в шоу-румах или заказывающих индивидуальный пошив: как правило, это люди, максимально ориентированные на мир моды. *«Приходят девушки, которые следят за модой, знают тенденции. Те, кто хочет модно выглядеть»* (Ж., дизайнер, 34 года); *«Дизайнерские вещи носят творческие люди, которые связаны с искусством, модой... в теме такие»* (Ж., дизайнер, 28 лет).

Также обращения к дизайнерам связаны с особенностью фигуры: *«Это тот, кто не может подобрать себе одежду в магазине в связи с особенностями фигуры. В основном это либо чересчур полнота, либо чересчур худоба. И в основном это бывает одежда на выход. Заказывают в основном выпускные платья, на какое-нибудь торжество. Такой формат. Это нарядная одежда куда-либо, на какое-то событие... больше не пользуются. Либо очень маленький процент девушек, особенно озабоченных модой, и они хотят, например, как у Dior костюм, но, естественно, они не могут его себе позволить. И они понимают: я могу такое же иметь, просто сшить это, скопировать. Это не все настолько прогрессивны и соотносят в этом плане. Идут и говорят дизайнеру: хочу такое, давайте мне сделаем такое. Но это очень маленький процент»* (Ж., дизайнер, 30 лет).

В исследовании нами выяснен вопрос о том, в каких сегментах магазинов чаще всего одевается опрошенная молодежь. Лидерами оказались масс-бренды (81,5 %), аутлеты (20 %) и рыночные комплексы (20 %). Была отмечена следующая специфика: премиум-сегмент пользуется большим спросом среди управляющих и руководителей (40 %). Рабочие чаще остальных приобретают одежду в рыночных комплексах (55,6 %). Сегмент масс-маркет популярен среди всех представителей работающей молодежи, наименее популярен он среди представителей учащихся школ (чаще всего они выбирают одежду на рынке). Однако это не умаляет его значения: *«Вообще, мне кажется, сейчас у молодежи тенденция — иметь много. Иметь много, но не факт, что это будет какая-то брендовая вещь. Я лучше куплю в том же “Н&М” пять вещей, но ты можешь пойти в какой-то другой магазин и купить себе одну хорошую импортную вещь. Я считаю, что это стремление иметь много одежды»* (Ж., консультант, 20 лет).

Исследование зафиксировало, что сегменты, в которых покупает одежду молодежь, достаточно реально отражают структуру ее доходов. Однако практически четверть опрошенных отметили, что они одеваются в сегментах более высокого уровня — премиум-класса и люкс.

Рыночный сегмент, несмотря на развитие известных марок масс- и премиум-класса, демократизацию их экономической политики, все еще остается достаточно популярным: каждый пятый респондент одевается на рынке. Однако часто это не одобряется социальной практикой: *«Я бы сказала, многие одеваются на рынке, у нас есть “Таганский ряд”, там то же самое, что в магазинах, в два раза дешевле. Это в принципе и выгодно, и дешево, и такое же качество. Но для кого-то это “стремно”, когда потом будут задавать вопросы “где купил”, стыдно сказать, что на рынке. Потому что сейчас такая молодежь, что обсмеют»* (Ж., консультант, 23 года).

Актуальным представляется изучение реальных предпочтений молодежи, т. е. вопрос о том, где бы она хотела одеваться, если бы не была ограничена средствами. Этот показатель характеризует потребительское поведение молодежи в сфере модной одежды. Опрошенные молодые люди хотели бы одеваться в сегментах премиум (64,6 %), люкс (50,7 %) и масс-бренды (20,1 %). Мы полагаем, что молодежь чаще склонна выбирать сегмент премиум, потому что не стремится к роскоши: для нее важно оставаться более демократичной, свободной. По этой же причине значительная часть респондентов выбирали и масс-сегмент как сегмент, в котором одеваются и хотели бы одеваться. Информанты подтверждают эту точку зрения: *«На самом деле, у меня есть знакомые семьи с очень высоким достатком, но именно детей до 20 лет они одевают в магазине бренда “Н&М”»* (Ж., стилист, 36 лет); *«Чем старше человек, тем больше на статусные вещи он обращает внимание. А молодежная мода предполагает быструю смену, новые бренды, это очень актуально»* (Ж., дизайнер, 28 лет); *«Приходили в магазин в основном обеспеченные такие слои общества, у которых есть деньги, по ним видно, что они хотя и одеваются в люксе, но все равно заходят в массовые магазины и что-то там с мамами смотрят»* (Ж., консультант, 24 года).

Магазины, в которых продается модная одежда класса люкс, сильно отдалены от реальных практик современной молодежи. Также и сами эти магазины

выстраивают «барьеры», ограничивающие доступ для просмотра их товаров: *«Louis Vuitton» — это отдельный бутик, стоит охрана, там такие тяжелые двери, они закрыты — визуально именно так выглядит. Многие думают: “А что там делать?”*. В такой бутик зайдешь, а там охрана на тебя так... не, бывали такие ребята, но чтоб накопить и купить кошелек за 60 тысяч... тебе долго придется копить, со стипендии, условно говоря. Поэтому очень мало людей ходит “чисто посмотреть”. Молодежь, которая с родителями приходит и может себе позволить это. Но их немного» (М., консультант, 23 года); *«Не пойдут в люкс, потому что они не могут себе этого позволить. Молодежь одевается в люксе, у которой состоятельные родители или муж/жена, но в основном муж»* (Ж., дизайнер, 30 лет).

Исследование показало, что среди респондентов есть доля ценителей винтажных вещей (16,7 %). Предпочтение винтажу — тенденция, набирающая обороты среди последователей моды во всем мире. Таким образом, мы видим, что российская молодежь хотя и незначительно, но все же включена в эту общемировую тенденцию.

Существенным фактором выбора того или иного сегмента моды для молодежи является его материальная доступность (76,7 % опрошенных). Также молодежь в выборе сегмента склонна полагаться на свою симпатию определенному бренду (44,1 %). Исследование показало, что материальный фактор существенно влияет на потребительское поведение студентов при выборе модной одежды. Это может быть связано с их переходным экономическим положением: они уже в меньшей степени, чем школьники, зависят от родителей в материальном плане, однако учеба в вузе не дает им полноценной возможности зарабатывать деньги и быть на полном самообеспечении. Также студенты демонстрируют свою независимость: они не рассматривают модную одежду как способ быть ближе к кумирам или друзьям.

В целом молодежь очень внимательно относится к выбору брендов. Бренд — визуализатор статуса в современном мире. Если же доходы человека не позволяют ему использовать этот инструмент, он может прибегнуть к симуляции и приобрести подделку брендовой вещи. Исследование показало, что молодежь достаточно терпимо относится к подделкам: 47,2 % респондентов выразили к ним положительное отношение, 21,9 % — нейтральное. В покупке подделок они не видят ничего из того, что могло бы вызвать осуждение: *«Увидели на рынке какой-то бренд фальшивый, ненастоящий, Gucci или Prada, а возьму-ка я куплю, все равно, подделка это или настоящий. Просто увидели — купили. Не посмотрели, не разобрались, им все равно, главное — что они придут, покрасуются друг перед другом. А вот более старшее поколение, от 25 лет и старше, уже более осознанно подходят к выбору»* (Ж., консультант, 23 года); *«Я считаю, молодежь очень падка на подделки. Сейчас это вообще спокойно. И подделки-то делают достаточно хорошие, многие покупают в интернет-магазинах»* (Е., консультант, 34 года). Наибольшую снисходительность к покупке поддельных брендовых вещей показали женщины: 46,5 % высказали полное согласие, в то время как мужчин, выразивших подобную точку зрения, — 25 %. Также наиболее терпимы к подделкам люди с начальным профессиональным образованием (85,7 %) и средним общим (55,6 %). Чем выше

уровень образования респондента, тем менее терпимо он относится к поддельным брендовым вещам.

Исследование выявило зависимость отношения к подделкам от рода занятий молодежи: наиболее лояльное отношение к подделкам продемонстрировали школьники. Таким образом, поднятие своего статуса за счет симуляции и использования подделок модных брендовых вещей — достаточно приемлемая для молодежи и распространенная практика. Наше исследование подтверждают результаты других исследований [4, 102].

В целом молодежь достаточно терпимо относится к качеству, и в выборе вещей акцент делается на их цену и эффективность. Информанты отмечают: *«Больше обращают внимание на цену. Качество вообще второстепенно. Такие материалы, как полиэстер, нейлон, они вообще везде “запиханы”, начиная от нижнего белья, которое должно быть натуральным. На качество смотрят люди в основном в возрасте. Взрослые говорят: “Кожа не дышит, проблемы будут...” , а тебя это совершенно не волнует, пока молодой, главное — чтобы сидело хорошо, красиво, было ярко. Если какой-нибудь стрейч или полиэстер — то чтобы он облегал тебя красиво, и этого достаточно»* (Е., консультант, 34 года).

Таким образом, исследование зафиксировало, что только лишь молодежь старше 25 лет при покупке вещей обращает внимание на их качество: *«От 25 лет — смотрят на качество больше, а до 25 — на цену»* (Ж., дизайнер, 30 лет); *«У меня есть несколько клиентов, девочки работают в банке, например, 26–28 лет — примерно такой возраст. Им важно, чтобы это была вещь не на один раз, как в Zara, например. А чтобы она купила себе костюм, и... во-первых, это статус; во-вторых, она всегда уверена, что она хорошо выглядит. И она уже не думает, что ей через месяц надо обновлять гардероб. Инвестируют в качественные вещи»* (К, байер, 42 года).

В ходе исследования нами выявлен уровень затрат молодежи на покупку модной одежды. Исследование показало, что большинство респондентов тратят на одежду в месяц до 5 тыс. рублей (69,5%). Также была выявлена достаточно большая доля респондентов, позволяющих более крупные траты на одежду — от 5 до 10 тыс. рублей (21%); 8,5% опрошенных тратят на одежду от 10 до 15 тыс. рублей.

В целом респонденты достаточно бережливо относятся к денежным средствам. Более бережливое отношение продемонстрировали мужчины. Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь не покупает модные новинки в ущерб своим финансовым средствам. Увидев в продаже модную вещь, она скорее дождется снижения ее стоимости и купит на распродаже: *«Молодежь одевается в обычных торговых центрах, моллах с приемлемыми ценами, да и не гонится за роскошью и понтами. Можно же купить то же самое и в два раза дешевле»* (Ж., консультант, 23 года).

В исследовании нас интересовали вопросы о частоте обращения респондентов к стилистам и о причинах такого обращения как элементах потребительского модного поведения молодежи. Мы попросили наших информантов-стилистов рассказать, как часто обращаются к ним представители молодежи: *«Не могу сказать, что часто... я бы сказала, что балансирует на грани 25–30 лет, все-таки совсем молодые девушки реже обращаются, так как еще не обременены заботами о семье»*

и т. д. Из того, что я наблюдаю сейчас в Екатеринбурге, в основном клиентами шоперов становятся мамочки в декрете, женщины 35–50 лет для создания рабочей капсулы, например» (А., стилист, 29 лет).

Исследование зафиксировало, что причины такого обращения молодежи к стилистам различны: 1) неумение подбирать одежду самостоятельно: «Есть девчонки, которым все равно. Их одевала мама, они стали старше, не проходят в детские размеры, но по большому счету у них нет стиля, нет понимания, что как одевать. Они до сих пор готовы одевать ту одежду, которую им с утра приготовили. Хотя они начинают меняться физиологически и начинают понимать, что что-то надо как-то знать про себя и что на себя одеть» (Ж., стилист, 36 лет); 2) желание выделиться из толпы: «Есть, например, те, кто очень хочет выделиться благодаря своей одежде. Это связано с тем, что они в обществе не могут быть лидерами, хотя по натуре своей им кажется, что они лидеры и они хотели бы эту роль занять. Соответственно они просят сделать очень экстравагантные комплекты одежды. А есть те, которым очень важно быть модными в своем сообществе, в том кругу общения, где находятся. Если это школа, институт: если модно “New Balance” — им надо “New Balance”, их на кроссовки “Zara” не перетянуть. Есть у них определенные установки, что в их сообществе считается модным. И они этим канонам соответствуют» (С., стилист, 36 лет); 3) экономия денег, поскольку, по словам информантов, функциональный гардероб экономит материальные средства их клиентов: «Что касается более старшего возраста молодых, здесь финансовый момент и возникает. Это уже деньги, не которые дали родители, а которые заработали сами. Они уже начинают цену денег понимать. И поэтому им хочется, чтобы их гардероб был более функциональным, чтобы вещи легко трансформировались из одного комплекта в другой. Тут уже идет у кого какая цель — тот, кто строит карьеру... тот, кто хочет обрести вторую половину... Все разные...» (Ж., стилист, 36 лет).

Таким образом, услуги стилиста-имиджмейкера или шопера практически не пользуются спросом среди молодежи; основной мотив обращения к ним — неумение подбирать одежду самостоятельно или желание выделиться из толпы и выглядеть модным.

В исследовании нами были проанализированы стили, к которым молодые люди могут отнести свой собственный в большинстве ситуаций, что является важным элементом потребительского поведения в сфере модной одежды. Наибольшей популярностью среди респондентов пользуются такие стили, как «casual» (повседневный) — 86,6 % и «классический» — 38,8 %. Респонденты практически не выбирали такие стили, как «творческий» или «романтический». Наше исследование подтвердило результаты других исследователей [9]. Информанты отмечали, что современную молодежную моду характеризует приверженность стилю «унисекс»: «...размывание границ между мужской модой и женской модой. Сейчас женщин больше приобщают к мужским линиям, а мужчин — наоборот. Эти узкие брюки... женские линии — мне не нравятся. Я считаю, что это с запада идет это размывание. И надо, наоборот, подчеркивать: девушки должны носить платья, мужчины должны носить брюки. А современная молодежь об этом

забывает. Можно выбирать модную одежду, но они выбирают ее как-то очень... не могут фильтровать» (Ж., консультант, 23 года). Исследование молодежной моды в 2004 г. также фиксировало эту тенденцию [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на протяжении последних десяти лет стиль «унисекс» для молодежи является ведущим. «Романтический» стиль выбрали лишь 5,5 % респондентов. Молодые девушки не стремятся демонстрировать выбором одежды свою гендерную особенность, мягкость, женственность. Это может быть связано с тем, что на данный момент в обществе отсутствует запрос на мягкость и женственность. Модными считаются сегодня занятия спортом; видимость минимальных усилий к приведению внешнего вида в порядок; нарочитая небрежность: «Сейчас такой культ больше здорового образа жизни, здорового красивого тела. И мода, она сейчас больше неряшливая какая-то. Даже высмеивают в какой-то степени гламур. Небрежность. Была определенная тема, и она сменилась на этот гранж» (К., дизайнер, 34 года). Причинами выбора стилей для молодежи являются удобство (72,1 %), соответствие их образу жизни (33,8 %), соответствие требованиям внешнего вида на работе или учебе (29,4 %). Такие функции одежды, как выражение личности или эстетическая, по мнению респондентов, не играют для них роли. Таким образом, исследование зафиксировало достаточно прагматичный подход молодежи к выбору одежды: она не склонна приобретать модные новинки, выбирает одежду, наиболее удобную и подходящую ее образу жизни.

В исследовании нами проанализирован вопрос о том, на кого ориентируется молодежь при выборе модной одежды. 22,2 % опрошенных отметили, что имеют «икону стиля». Среди тех, кто имеет «икону стиля», не все склонны копировать ее манеру одеваться: только 61,4 % опрошенных заявили, что используют приемы своей «иконы стиля» в личном гардеробе; 33,7 % респондентов склонны ориентироваться на людей своего поколения, на модных и стильных людей (28,6 %) и на тех, кто разделяет их взгляды (24,6 %). Стоит отметить, что молодежь демонстрирует самодостаточность в вопросах внешнего вида: каждый пятый отметил, что в своем внешнем виде не ориентируется ни на кого, кроме себя. Большинство из них — обладатели высшего образования. Мужчины чаще склонны ориентироваться на людей, занимающих в обществе престижное положение, а женщины — на своих друзей и модных, стильных людей.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно потребительского поведения молодежи в сфере модной одежды.

Большинство представителей молодежи приобретают одежду в торговых комплексах, моллах.

Наметился новый тренд в потребительском поведении молодежи — покупка модной одежды посредством Интернета. Среди сегментов магазинов, в которых чаще всего одевается опрошенная молодежь, лидируют масс-бренды, аутлеты и рыночные комплексы.

Молодежь активно использует бренд в качестве визуализатора своего статуса. Если же доходы не позволяют ей использовать этот инструмент, то она может

прибегнуть к симуляции и приобрести подделку брендовой вещи. Опрошенная молодежь достаточно терпимо относится к подделкам брендов одежды.

Большинство респондентов тратят на одежду в месяц до 5 тыс. рублей.

Исследование зафиксировало весьма прагматичный подход молодежи к выбору одежды: большинство (около 60,0 %) не склонны покупать модные новинки, выбирают одежду, наиболее удобную и подходящую их образу жизни.

Респонденты продемонстрировали весьма противоречивое потребительское поведение в сфере моды. С одной стороны, они используют ее в качестве инструмента, позволяющего повысить социальный статус, наладить социальные контакты, казаться своими в «группе ровни». С другой стороны, молодежь достаточно равнодушно относится к модным вещам: она рационализирует свои покупки, не пытаясь достичь идеалов и моды своих кумиров. Таким образом, она готова пользоваться теми бонусами, что предлагает ей институт моды, однако не склонна целенаправленно уделять моде время, усилия и средства.

---

1. *Басин Е. Я., Краснов В. М.* «Гордиев узел» моды // Мода: за и против [Электронный ресурс]. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/gordiev-usel.html> (дата обращения: 26.11.2016).

2. *Бурдые П.* Различие. Социальная критика суждения вкуса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=444> (дата обращения: 25.11.2016).

3. *Гофман А. Б.* Мода и обычай // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 3. С. 34.

4. *Грунт Е. В.* Факторы, влияющие на занятия шопингом населения российского мегаполиса // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2015. № 2(140).

5. *Демидов А. М.* Особенности современного потребительского поведения россиян (доклад в рамках серии семинаров «Социология рынков» на факультете социологии ГУВШЭ) [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.hse.ru/ecsoclub/marke> (дата обращения: 25.11.2016).

6. *Дубин С.* Апология модности // Новое лит. обозрение. 2008. № 33.

7. *Зиммель Г.* Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2 : Созерцание жизни. М., 1996.

8. *Манько Ю., Оганян К.* Социология молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4518507/page:4/> (дата обращения: 25.11.2016).

9. *Масленцева Н. Ю.* Социологический анализ тенденций моды // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2011. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-tendentsiy-mody> (дата обращения: 21.11.2016).

10. *Михайлова О. И., Гурова О. Ю.* Потребитель в молле: между свободой выбора и пространственными ограничениями // Журн. социологии и социал. антропологии. 2009. № 1.

11. *Михалева К. Ю.* Символическое влияние молодежной контркультуры на высокую моду [Электронный ресурс]. URL: <http://mikhaleva.jimdo.com/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/> (дата обращения: 10.12.2016).

12. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 2011.

13. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.

14. *Платонов Ю.* Что движет людьми: типология мотивов [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4941> (дата обращения: 02.12.2016).

15. *Подольская О. Б.* Влияние процессов в сфере моды на социальное поведение студенчества [Электронный ресурс]. URL: <http://sci.house/moda/studenchestvo-kak-subyekt-modnogo-povedeniya.html> (дата обращения: 02.12.2016).

16. *Радаев В. В.* Социология потребления: основные подходы // Социол. исслед. 2005. № 1.

17. *Терешкина В. Н.* Мода как фактор развития здорового образа жизни молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/3c0/tereshkina.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

Рукопись поступила в редакцию 26 декабря 2016 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.01 + 167.7

А. В. Крутов

ПОЛИТИКА КАК НЕЛИНЕЙНАЯ СРЕДА: ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОДЕЛИ

Цель статьи — обосновать подход к политике как к нелинейной среде. Существующие модели не учитывают динамических и многофакторных процессов, происходящих в ней. Мир политики проявляет диалектико-синергетические свойства. Он образован сингулярными, конфликтными, субъективными продуктами сознания. В событиях, фактах, ситуациях прослеживаются закономерности. На этой основе закладываются предпосылки нелинейного моделирования, необходимого для политического прогноза.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политика, нелинейная среда, моделирование, событие, ситуация, факт.

Методы моделирования сложных явлений используются при изучении мира политики. Работы Ф. Т. Алескерова, А. С. Ахременко, А. В. Васильева, С. В. Володенкова, А. Ю. Петухова, М. М. Смирнова, Э. Н. Ожиганова и многих других. показывают, что освоена только небольшая часть этой общественной сферы. Применяются линейные, статистические подходы или распространенные в классической физике и экономике методы, разрабатываются модели выделенного политического феномена. Но они не позволяют прогнозировать развитие высокодинамических, многофакторных процессов и предвидеть смену отношения населения к результатам госполитики, упускают неожиданные побочные эффекты. Политика все более перестает быть олицетворением взаимодействия субъектов, у них нечетко различаются специфические интересы и цели. Политика превратилась в поле «символической борьбы», на что обратил внимание еще П. Бурдьё [6]. В этой связи интересны подходы, учитывающие многообразие коммуникативных отношений на разных уровнях и разных сферах.

Границы субъектов политики размываются, приобретают неопределенный вид в социальном пространстве и времени. Например, у партий наблюдаются зависимый от внешних обстоятельств политический курс и размытость в ядре идеологических установок, стратегическая линия выстраивается под конкретных

лидеров; члены партии зачастую пассивнее ее сторонников; нередко деятельность отдельных руководителей носит самостоятельный характер, включая критику лидера, программы. Заранее неизвестна численность участников планируемой массовой акции, организаторам приходится угадывать время, когда можно собрать максимум активистов.

Субъекты политики становятся зависимыми от других акторов и неполитических факторов в социальных взаимодействиях, выступая как нелинейные структуры с резонансными свойствами. Так, государственная политика проводится с обязательным участием государственно-общественных образований, заинтересованных организаций, СМИ и общественности, а также с учетом интересов целевых групп. «Автор» такой политики становится коллективным, компромиссным, непредсказуемым и неопределенным в пространстве.

Принадлежавшие политике процессы теряют «политичность». Например, выборы в органы власти в значительной степени превращаются в правовой (с наделением полномочиями должностных лиц), психологический (с эмоционально-чувственной, мотивационной борьбой между кандидатами за решение избирателя), экономический, административный, информационно-коммуникативный процессы. Выборы только отчасти остаются политической игрой противоборствующих сил. Поэтому традиционные показатели политики (электоральное поведение, формы агитации, содержание программ, тактика проведения мероприятий) отражают разнородные неполитические явления.

Описание и исследование современной политики затруднено классическими подходами XX в. (институционализма, бихевиоризма, структурного функционализма, теории рационального выбора, неинституционализма), что побуждает аналитиков к поиску новых научных парадигм, объединению уже известных методологий.

Общественная практика требует от политической науки умения прогнозировать ситуацию в общественной среде, определять время, место и характер управляющего воздействия для ее изменения (осуществления политики) в желаемом направлении. Эта проблема рождает вопросы: что в конкретном случае считать политикой, какие результаты возможны и что считать приемлемым? Ответы основаны на рефлексии политического мышления и герменевтическом «прочтении» окружающей действительности.

Часто определения политики или неприемлемы, или тавтологичны, или уводят от объекта исследования. В широком смысле политикой называют то, что «сами люди считают политикой» [9, 38] или что «человек в своей речи и мышлении называет политикой» [19, 10]. Или констатируется, «что значительная часть специалистов-политологов... воздерживается от ответов на вопросы о сущности политики и политических... процессов и явлений» [6, 101]. Даже само определение политики «является объектом многих дебатов, которые сами являются политическими» [10, 11]. Исходя из расплывчатости понятия политики, ее модели возможно найти в непрерывной среде, а не в структурно функционирующей системе. Многие социальные процессы описываются в терминах нелинейной среды, достаточно хорошо исследованной в естественных науках, на что неоднократно

обращалось внимание с констатацией некоторых диалектико-синергетических проявлений процессов (В. П. Бранский, В. В. Орлов, Д. Е. Палатников, Г. И. Рузавин, В. М. Сергеев и многие другие).

Решению проблемы моделирования политики как нелинейной среды посвящена данная работа. Объектом изучения является мир политики в многообразии его восприятия, предмет выделяется как доступная нелинейному моделированию часть структуры объекта. При этом должны быть подобраны и обоснованы теоретико-методологические основы и информационное обеспечение исследования.

Политика и нелинейная среда

Существует множество определений политики, и нет ее общепризнанных концепций. Как отмечает Б. Крауз-Мозер, в общественном знании не удастся полностью «полагаться на справедливость объяснений» политики, даваемых различными теориями, поскольку «формальные элементы их структур несовершенны». Научное несовершенство последних объясняется сложностью действительности и «непреодолимой сомнительностью идей, генерируемых эмпирическими научными теориями» [15, 93–94]. Тем самым можно без скрупулезного обоснования опираться на сделанные отечественными и французскими учеными рубежа третьего тысячелетия описания политики, схожие с описанием нелинейной среды.

Необходимость политики, по А. М. Ковалеву, вытекает из закона единства и качественного многообразия мироздания. Она выявляет «объективные тенденции и закономерности» для возможного действия субъекта и направление внутренней адаптации субъекта «с целью решения стоящих задач» в условиях «стихийности, случайности, непредсказуемости и вероятности»; обеспечивает «условия, необходимые для оптимальной самореализации» субъекта; указывает субъекту на «эффективное поведение и направление действия» и на «допустимые границы в использовании условий», которые переступать нельзя [13, 31–32]. Политика шире суммарной деятельности институтов-структур, — существенный вклад в нее вносит совокупная активность других участников, что похоже на поведение нелинейной среды, некоторые состояния (ситуации) которой приводят к нетривиальным эффектам. Такая аналогия позволяет варьировать внешние условия, начальные данные и свойства среды для изучения, анализа и прогнозирования политики.

В. В. Ильин мыслит материю политического как среду: это полифоническая «социальность, межсубъектная ткань общения, стихия обмена деятельностью, человеческое взаимодействие, интеракция», вне которых «ничего другого не существует», среда, соединяющая то, что внутренне несоединимо. Хотя она поддерживается монополией насилия «официальных и формально-неправовых средств», но государственные структуры лишь «полость для инсталляции политических акций». Мир политики («контрапункт политического») представляется «компонентом общественного сознания», интегральной человеческой коммуникацией «во всей многогранности перипетий и ветвлений» [12, 41, 44]. Он возникает на всех предметных областях общественной жизни.

По А. С. Панарину [18, 6–7], политическую реальность можно описывать в институциональных и конституциональных формах (как аналог физической корпускулярной теории) или в формах внеинституционального, неофициального влияния и контроля (в виде волн и полей).

Для И. М. Кривогуза политика возникает в решениях разнородных общественных проблем, которые не могут урегулировать «ни нравственность, ни административно-правовая система» в любых сферах — «экономики, отношений общества с природой, межличностных и этноклассово-конфессиональных отношений, духовной жизни» [16, 94]. Соответственно моделирование политики, в отличие от имитации социальной деятельности, должно акцентировать *особые* («сингулярные», по А. Бадью) состояния нелинейной общественной среды.

Если исходить из вышеописанного понимания политики, то какие свойства политики характерны для нелинейной среды?

Политика — последовательность критических событий («гомогенных сингулярностей»), описываемых одинаковыми или изменяющимися закономерными свойствами из различных по своему происхождению частей среды. Политическая последовательность завершается по мере «имманентного эффекта исчерпания своих возможностей» [4, 207, 208], т. е. понимания проблемы как решенной или неактуальной. Политика проявляется через возникновение и динамику однородной исключительности (*развития структур*) в неоднородной среде.

По убеждению В. В. Ильина, политика — процесс и результат мышления и действия со своей логикой передачи сведений об обществе. Будучи частью практически-духовной деятельности, она перемещает теоретическую в утилитарную сферу за счет социальных технологий, трансформационных программ, допущений, принимаемых как «жизненная рама толкований и полаганий». Политика поддерживается особой логикой выработки, хранения, закрепления и передачи наследия на основе «пред-видения, пред-смысла, пред-понимания». Исходно-жизненная база политических акций формируется из среды, социального взаимодействия, традиций [12, 45–46]. Политика создает *собственные закономерности*, обеспечивающие *распределенную гетерогенную «вязкость» среды*, сгустки в виде структур и их комплексов.

Политика акцентирует проблемы, исходящие из перемены отношения к ситуации; она «симптом потенциально нарушенного равновесия» и возникает при дисгармонии, когда «поставленная под сомнение вещь» приводит к проблемам, «вызывающим беспокойство и требующим вмешательства». Проблема может существовать объективно, но оценки ее «значимости, ее серьезности, ее злободневности» — предпосылки политики — различны, как и предлагаемые решения [10, 12]. Они хаотичны и субъективны, зависят от «жизненной рамы». Успех политики по решению предпосылок-проблем порождает *новые структуры в хаотичных участках среды*.

По Ж.-М. Денкэну, неточность, неполнота, «хрупкость» поступков, знаний и заключений о ситуациях происходят: 1) по причине «исключительной сложности политических явлений», невозможности познать, изолировать массу «появляющихся параметров»; 2) из-за того, что в «мире политики,

в противоположность физическому миру, никакой эксперимент невозможен». Поэтому чем многообразнее действительность, тем труднее построить ее «абстрактную модель» [10, 39]. Политика демонстрирует *неустойчивость* и *непредсказуемость* среды.

Какие свойства нелинейной среды характерны для политики?

Основные регуляторы (право, мораль и др.) призваны обеспечить *целостность* общества в условиях многообразия, стихийности и непредсказуемости. Политика при этом осуществляет инновационные цели, нетривиальные интересы, дестабилизирующие общество, и формирует реакции (восприятия или действий) на непривычное. Целостность предполагает наличие процедур обобщения и выведения закономерностей в культуре, коммуникации, устремлениях, идеологических и религиозных конструкциях и др.; она становится конкретной и конструктивной стороной событий. У А. Бадью идея целостности выделена как «связное множество, легитимированное глобальной ситуацией», которое он представляет как «единицу», общность, неразрывность, что «способствует “счету-за-единицу”, благодаря которому возникает структура» [4, 62]. У А. С. Панарина целостность связана с выбором, убеждением, целеполаганием субъекта политики: она предполагает возможность «операционализации знания», пригодного для воздействия на «объект, не дожидаясь формирования целостных представлений о нем» [18, 259], что и отличает политику от других социальных действий. Развитие создает новую целостность-единство в ответ на расшатанность прежней целостности. Недаром А. А. Кокошин называл политику способом решения проблем, порожденных политикой предыдущего исторического периода [14, 10].

В политике также проявляется *сложность*, имеющая немало толкований. В диалектической трактовке она рассматривается как фактор развития, интегрированное многообразие, возможность перехода от необходимости к свободе. Усложнение — это переход от низшего к высшему за счет приращения сложности, через реализацию одной возможности из множества путей развития [17, 151–155]. Аналогично синергетическое толкование сложности: наличие бифуркационных переходов вдали от равновесия и при существенной нелинейности; нарушение симметрии; появление макроскопических корреляций [8, 824]. Сложность и целостность политики поддерживается государством: первое — согласованием естественных, неформальных «тяготений людей, связанных с родством, традицией или взаимными симпатиями»; второе — «обезличенной, формально-бюрократической организацией» (что прослеживается у Панарина [18, 20]).

Сложность снижает «надежность» последствий политических действий; так, малое изменение начальных условий может дать противоположный результат [10, 40] или резонировать. А «одни и те же проекты в разных, даже весьма мало отличающихся, средах могут давать разительно непохожие, неожиданные» последствия. По мнению Панарина, современная политика идет «в рамках открытой непредопределенной и негарантированной истории», а процесс характеризуется «непредопределенностью результата» [18, 256, 5, 3]. Политика — *рискованная* деятельность с *недетерминированностью* последствий, она может проявиться как аналог самоорганизованной критичности.

В описании Бадью администрирование с опорой на партии эффективно с точки зрения государства и распределения власти в стабильной ситуации. Но движение масс рушит гомогенность правления, делая их политически «означающими» в проявлении собственного сознания. Политика выражается в коллективной процедуре с сингулярностью, свидетельствующей, «что люди мыслят». В определенных внешних условиях народные массы начинают борьбу со «связанной сплоченностью частей-партий», рассеивая «иллюзию этой сплоченности-пустоты» и предъявляя «множество утвердительных сингулярностей». В итоге политика формирует «новый закон, изымаемый из государства» [4, 156, 158–159]. В нелинейных средах подобные процессы называются *самоорганизацией*.

По завершении «политического воздействия на реальность» в гетерогенной среде образуются структуры-седименты (по Ильину): «отслаивается, выпадает в осадок, откристиаллизовывается некое рационально устойчивое» образование. Осадочный слой образуется благодаря противостоянию произвола и анархии: «политика обслуживает жизнь, выступая по отношению к ней зависимым фактором». (Образование седиментов напоминает описанный Г. П. Щедровицким процесс соединения искусственного и естественного в модели «желудя с крышкой» [23, 441].) Седиментами могут быть и институты, и высокие образцы культуры: «гуманитарные константы, социальные абсолюты, фиксирующие предпосылки самореализации в материально-производительном, социальном и экзистенциальном сегментах групповой жизни». Они способны давать гарантии, ручательства «полноценного проживания, участия в вершении “медленных трудов” в кругу семьи, дома; в интеллектуальной, гражданской инициативе общественного устройства» [12, 50]. В теории нелинейных сред это называется *коэволюцией*, а в диалектике — *развитием*.

Кроме того, в политике существуют уже описанные в литературе о социальной сфере феномены (аттрактор, автопоэзис, бифуркация, локализация, принципиальная неопределенность, фрактальность и др.), характерные для непрерывных сред.

На основании суждений нескольких указанных выше авторов (конца прошлого века) рискованно делать обобщающие выводы. Поэтому следует разобрать характеристики выделенного предмета — политики как среды.

Основания для анализа мира политики как среды

Свойства предмета определяются принятыми «номинальными решениями» о соотношении мира политики и среды. Методологически они задаются связями, «возникающими между отдельными аналитическими понятиями», или утверждениями «о зависимости между явлениями эмпирического мира». По мнению Б. Крауз-Мозер, признание модели в качестве «нормативной схемы, характерной для эмпирической теории», возможно при наличии «комплекса языковых объектов, которые поддаются всестороннему логическому анализу» [15, 42]. В данной работе предлагаются следующие «номинальные» основания:

1. Мир политики образован набором *неточных, превратных представлений* или *фактов сознания*. Интерпретация феноменов как политических

подразумевает «признание того, что их сущность связана с сознанием», т. е. с «множеством предрассудков, заранее составленными идеями, любимыми фетишами и мифами» [10, 31, 32]. Представления задают «художественные портреты», а не «фотокопии» реальности. В результате в мире политики ложная идея является фактом сознания и подтверждается также как истинная; восприятия результатов реальных действий могут расходиться у «авторов» и «потребителей» продукта политики.

2. В отличие от физического мира элементы мира политики не являются «интерсубъективно познаваемыми и стабильными» [Там же, 31]. Тем самым его моделирование при помощи аналога физической среды всегда *искусственно*, имеет множество «прочтений» и напоминает расходящееся поисковое прогнозирование. Однако представления в мире политики иерархичны: наиболее весомы те, в которых ярко выражены осознание резкого изменения чего-то, пробуждение потребности; необходимость выполнить, сделать; проявления воли, мотивации, власти. А. М. Пятигорский приводит такой пример: «...простой человек думает всегда так: “Надо на это дело — какое бы оно ни было — подкинуть денег и поставить умного человека“. Так это же чистая политика!». И поясняет ее отличие от сферы финансов, в которой, может, «кто-то даст денег»; в политике «кто-то должен захотеть дать денег, а кто-то должен ему сказать: “Дай денег“» [19, 11]. Поэтому наш предмет адекватно должен моделироваться в топосах с ярко выраженными фактами сознания, тогда разворачивание политики подчиняется закономерностям среды и генезиса самих представлений.

3. Мир политики состоит из *конфликтных элементов* — фактов сознания, пошмиттовски разделенных и противостоящих друг другу. Ж.-М. Денкэн уверен, что политические представления противоречивы, поскольку «нельзя пользоваться политическими благами, не лишив этого другого», а представления о действиях в мире политики «множественны и находятся в состоянии конфликта». Кроме того, сравнивая, что «является миром политики и что не является миром представлений, можно понять, в какой степени противоположное утверждение соответствует действительности» [10, 35, 36], но не истинности. Г. П. Щедровицкий определяет политику как попытку взаимного захвата двух систем при невозможности управлять друг другом [22, 60], т. е. политика — (мысле)деятельность над деятельностью (управление с противоречием целей).

4. Элемент мира политики — *заинтересованная интерпретация* смены представлений. По Денкэну, политические представления подвижны, корректируются, реструктурируются перед новым опытом, поскольку получены из практики и предназначены для практики. Они относительны и зависят от точки зрения автора, «предопределены прежней жизнью субъекта» вместе со всеми своими «психологическими, социальными, культурными, религиозными и т. д. свойствами». И «в этом контексте политический аспект факта приобретает волюнтаристский и произвольный характер». (Денкэн указывает на их «корыстный характер», Крауз-Мозер — на «политический или идеологический интерес», а Щедровицкий — на целевое производство смыслов, знаний и практическое функционирование [10, 34–35, 31; 15, 225; 23, 273]).

5. Факты сознания — продукты определенной, иногда экспертной, *мыслительной деятельности*. Пятигорский считает, что политика существует только в форме политического мышления, причем «твоего, моего, их, талантов, бездарностей, умных, дураков, кого угодно». Поэтому у политики нет «отчлененного, систематологически выделенного предмета», принятого во всех науках. Предмет появляется только в результате *организующего* политического мышления. Накопленный багаж политической рефлексии, зафиксированный несколькими альтернативными летописцами и учеными с их оценками и выводами, также формирует представление о политической жизни. Вместе с тем миру политики необходима элита с «дисциплинированным мышлением», которая «может *рефлексировать* и *манифестировать* эту рефлексию в сказанном и написанном» [19, 9–10, 23]. Мир политики продуцируется не только мыслительной деятельностью «фрагментированных» источников политической рефлексии Пятигорского, но и массовыми эгалитарными восприятиями Бадью, не имеющими кристальной рефлексивной чистоты.

6. Политика как коллективное отражение действительности *искажает реальность*, она «многогранна: рациональна и чувственна, сознательна и сверхсознательна». Мир политики «живет без помощи понятия истины», поскольку логика выработки, хранения, закрепления и передачи наследия обусловлена практикой [10, 36; 12, 45–46, 50]. Тем самым реальными параметрами в мире политики являются не историко-социологические (естественные), а другие (искусственные) факторы-термы.

7. В мире политики помимо представлений есть другие элементы. Так, А. Бадью указывает на феномены, связанные с «не-мыслью» (видимо, некий аналог «политики — грязного дела» в отличие от аристотелевской политики — части этики). Они показывают «смесь могущества и мнения», одушевленную «субъективностью протестных требований и злопамятности, трайбализма и лоббизма, электорального нигилизма и слепых столкновений между сообществами». (Денкэн называет такую политику второстепенной, «чисто политической», «плохой» [10, 14].) Напротив, политика, соответствующая философской «позиции идеи справедливости», обозначает «возможную истину некой политики» и претворяет аксиому: «люди мыслят, люди способны к истине». Они могут чувствовать справедливость, хотя она не поддается определению, являясь «квалификацией эгалитарной политики *в действии*». Мысль — это способность «истины охватывать и пронизывать человеческое существо», причем она «должна следовать путем понимания аксиомы» [4, 179–180, 182]. Итак, одни виды политик могут претворить в жизнь истины (практика — критерий истины, созданной «эгалитарной» мыслью), другие — искажают ее.

8. Денкэн выявляет феномены, содержащие образы «желательного и возможного» мира. Политика пред-задана существованием в сознании субъектов «воображаемого мира, мира возможного и лучшего», дублирующего реальный мир. Их сравнение побуждает к преобразованию «воображаемого в действительность», но «результаты предвосхищений политических субъектов ненадежны» [10, 37–38]. Однако мир политики развивается из потребности и предвкушения

свободы и благодаря наличию в сознании одновременно реального и «желательной и возможной» составных частей. Желательные и возможные миры в политике проявляются аналогично странным аттракторам в средах.

9. Для Денкэна феномен выбора — «ключ к пониманию политики», разделяющий ее на легитимную и неспецифическую, синонимичную бытовым понятиям составляющие. Первая связана с *искусственным выбором* через произвол, нерешительность и предпочтение, а также через наличие множества «индивидов, способных осуществить выбор», который — всегда *бифуркация*; вторая, как правило, — с технократическим решением [10, 12–16, 38, 19, 23]. В процессе выражения предпочтения и осуществления выбора мир политики формирует *политического* субъекта из административно-правового, социального, культурного или любого другого субъекта. В среде-модели политики выбор аналогичен бифуркации с рождением структуры.

10. Выбор субъекта — поступок — *произволен*, поскольку в политике невозможно объективно сравнить последствия развития (ввиду отсутствия универсального критерия: деньги, время, счастье, безопасность, стабильность, выгоды, другие ресурсы). Выбор — одно из вероятных, заранее непредугаданных событий, но подчиненное внутренней логике и истории новоиспеченного субъекта, имеющее для него цель, смысл, замысел. Поэтому Бадью называет политику «всегда отчасти неразделимой верностью событийной сингулярности, управляемой предписанием, которое опирается лишь само на себя». При определенных обстоятельствах может возникнуть политически истинный результат, «прочитываемый лишь ретроактивно в форме знания», которое доступно «действителям, а не наблюдателям» [4, 116]. В модели политики верность может означать, что в среде возникает новый «источник сингулярности» со своей внутренней логикой, неизвестным для окружающей среды поведением.

11. Политика — практика «решения неординарных общественных проблем», в ней используются различные искусства — «от актерского до шахматного», причем ее нельзя считать искусством [16, 92]. Мир политики *иррационален*. Денкэн утверждает превалирование субъективного над объективным в политике, поскольку большинство думает и «поступает в соответствии со своим убеждением». Так, руководитель предприятия зависит от субъективных позиций институциональных структур, а также от нерациональных ожиданий общественности [10, 27]. Субъект оказывается под влиянием окружающих его структур и состояния контактной с ним среды. Его действия воспринимаются в виде политических фактов и событий, а возникающие ситуации в рефлексии или в массовых восприятиях оцениваются как иррациональные. Поступок-выбор приводит к изменению сложившейся закономерности и формирует новую, исходящую из «теневой структуры» субъекта.

В политике есть структуры разной природы — государство, партии; источники гетерогенных возмущений — субъекты-носители верности; аттракторы — цели и ценности и др.

Итак, политика напоминает поведение термодинамической активной неравновесной среды, а *элементы* политики — это представления или факты сознания, другие феномены.

Событие, факт и ситуация в развертывании политики

Политика определяется не только элементами, но и продукцией их развития, прошедшей осознание, вербализацию, иерархизацию, признание, — компонентами. Последние выступают содействующей силой, частичной причиной, оказывающей влияние на развертывание политики. Компоненты (как категории аналитического характера) следует уточнить для систематизации материала, поддающегося вербализации. Это позволит установить порядок отождествления понятий, применяемых в моделировании, с «реальной действительностью». Основные из них — события, факты, ситуации — связывают политику с историей, хотя интерпретируются компоненты специфично.

Событием обычно называют нечто свершившееся, произошедшее, уникальное и неповторимое, привлекшее внимание субъекта, участника. Исторически важное событие изменяет социальную обстановку, являясь результатом действий, обладает относительной самостоятельностью, целостностью и значимостью для хода истории [11].

Коллективно значимую часть перечня характеристик концепта события по Арутюновой [2, 181] можно считать политическими аспектами события. На примере Дня Победы 1945 г. к таким аспектам относятся: а) принадлежность магистральной линии жизни, отличающая его от инцидента, — это событие логически завершило войну (магистраль) с гитлеровской Германией; б) динамичность и кульминативность, т. е. наличие «точки осуществления», — выразились в Акте о капитуляции; в) сценарность события, развертывание внутреннего авторского плана, отсутствующие у «градуированного процесса», — по замыслу война была закончена в Берлине; г) целостность, отвлеченность от временной протяженности (в отличие от уже сложившихся процессов) — были в праздничных эмоциях и действиях (стихийных росписях на Рейхстаге), единстве чувств и переживаний всех участников вне реального времени; д) отсутствие логической необходимости существования «в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия» (не со-бытие) — прекратилось прошлое «военное» и началось новое «мирное» бытие; е) единичность и счетность — Победа воспринимается событием-«единицей» с возможностью описания числовыми показателями; ж) преимущественная включенность в интерпретирующий контекст, отличающая событие от структурированного процесса, — «событие» связывается с действиями коалиции, международными отношениями и задачами внутренней политики СССР.

Обычное событие длится в виде *множества интерпретаций*, оставаясь в «рыхлом», неструктурированном виде. (В терминах Бадью это означает «различение краха режима Единицы» и наличие нередуцируемой Двоицы.) Например, формами восприятия «развала СССР» были разные события: изменение массового сознания в результате гайдаровских реформ в начале 90-х гг.; резюме дальновидных политиков, аналитиков, деятелей культуры в конце перестройки 1988–1990 гг.; подписание государственного акта — Беловежского соглашения 1991 г.; наконец, отношение россиян к зависимости бюджета страны от стоимости нефти в 2010 г. Как политическое событие «развал СССР» не воспринимается,

поскольку отсутствует явно выраженная точка сингулярности (вследствие чего до сих пор популярна идея восстановления СССР). Политическое событие *начинается* с преобразованием массового восприятия, с построением экспертной (рефлексивной) оценки, с принятием общественно-административного акта.

В моделировании политики применимы результаты исследований А. Бадью природы события с помощью «родовых» процедур, условий философии. Согласно автору политические события отличаются радикальным разрывом с «обыденностью», конкретностью, редкостью [3; 4; 1, 64; 21, 214]. В событие включается все, что не подходит к нормальному распорядку жизни.

Особенность политического события — верность ему субъекта. Структура события зыбкая, его развитие зависит от субъекта, который «ставит» на него, верит в истинность события. (Верность субъекта событию сродни резонансным свойствам.) Так, роковой случайный шаг субъекта, неожиданное происшествие или присвоение чему-то имени без определенного значения, и событие «раскручивает свой маховик, наслаиваясь само на себя» [3; 4; 1, 61–62], что напоминает уже самоорганизованную критичность.

«Верный» субъект ориентируется в направлении развития, заново познает действительность во времени и пространстве, переосмысливает представление о прошлом и будущем. Он автономен и способен «творить» правила. Субъект почти «математически» точно конституируется по отношению к реальности: вера задает ему момент события, надежда продлевает уверенность в успехе запущенного событием процесса, а любовь связывает субъекта с событием во всяком текущем моменте [1, 63]. Когда завершается формирование сингулярности, верность субъекта превращает его в носителя «процесса истины», в «субъект истины», текущие обстоятельства в «точке разрыва» трансформируются.

Бадью ввел понятие родовой «процедуры истины». Верность событию порождает «универсальную истину», выраженную в последовательности выборов верного ей субъекта. Она проявляется в практической деятельности: организации, участии [3, 16; 1, 62–63]. Каждый верный событию с риском для себя может подключаться. Таким образом, из раскручивания события рождается объективная искусственная закономерность, выраженная как в действиях субъектов события, так и в изменении обстановки.

Некоторые редкие неполитические события у Бадью имеют высокую конкретность (встреча Элоизы и Абеляра, открытия Галилея или Генделя, революции 1789 и 1917 гг.), которая означает «сгущение точек вокруг некоторого центра», пока субъект хранит верность событию. Конкретность события возникает в точке разрыва политического института [1, 63], являясь аттрактором среды.

В описании политики часто используют *факты*, т. е. понятия, указывающие на совершенность, реальность и фиксацию в эмпирическом знании нечто «относящегося к делу», а также на истинность и достоверность свидетельств о произошедшем. Историко-политический факт часто конструируется путем обобщения выборки «важного» в данном контексте. Например, факт начала войны был признан с заявлением В. М. Молотова 22 июня 1941 г. о выступлении Германии «с войной против СССР» на основании вооруженного вторжения на нашу территорию.

Однако в ноте немецкого МИДа говорилось только о невозможности Германии «безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе» и о «приказе германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу». Поэтому в ряде стран данное вторжение рассматривается как продолжение Второй мировой войны, как факт открытия Восточного фронта.

Факт есть интерпретируемое, символическое отражение реального бытия, при этом «интерпретация символов предшествует собиранию фактов», без которой трудно описать реальность (например, базовое для Пятигорского понятие «война»). Поэтому факты политической истории «включены в герменевтическое поле» [7, 114].

Для моделирования требуются факты, продуцированные при помощи научных методов. Перевод информации об объектах мира политики на язык науки «требует анализа, абстрагирования, идентификации, обозначения». Политические факты конструируются субъектом, который выборочно абстрагируется от большинства характерных для явления свойств, «сосредоточиваясь только на некоторых и оставляя без внимания остальные». Обработка чувственно-мыслительных данных осуществляется при помощи принятого в науке языка и понятий, а описание явлений совмещает эмпирический и теоретический уровни познания [15, 151, 210]. Процедура включает установление и признание действительности каких-то аспектов событий и поступков, описание их научным языком.

По Арутюновой, «факт — это тень, отброшенная событием на экран знания» [2, 139]. Событие связано с фактом: первое имеет сущностно-бытийственную природу, второе — знаковую. Поэтому в событии есть свойства процесса, в факте их нет.

Хотя факт относится к наблюдаемому миру, по мнению Арутюновой, он не может быть объектом наблюдения: нельзя его «увидеть» или «услышать», можно быть свидетелем события, но не факта. События погружают человека в реальность, факты же погружают реальность в сознание человека. Факты соответствуют суждению, а не положению дел в мире. В историко-политической сфере имя «факт» ориентировано на логическое пространство с координатой истины/лжи, имя «событие» ориентировано на поток реальности в пространстве и времени [2, 168, 138, 103, 155, 153, 168; 11]. Например, уже отмеченный выше исторический факт начала войны Германии против СССР превращался в новое именованное событие — начало Великой Отечественной войны. (Сначала по радио Молотов объявил о нападении Германии и необходимости изгнания войск с нашей территории; затем в печатной версии выступления добавился абзац со словами о «победоносной отечественной войне за Родину, за честь, за свободу»; наконец, в июньских статьях «Правды» появился сам термин, который закрепился в СССР после радиобращения Сталина к народу 3 июля 1941 г.).

Бадью уверен, что именно событийное является «местом, куда вписывается сущность политики», поскольку в этой сфере слишком «шатко» понимание происходящего. Значит, мысль должна отличать событие «от его текущей имитации», которую он называет фактом. Более того, низкий уровень политической рефлексии основан на «смешении события с фактом». Поэтому описание сущности политики

должно быть избавлено от «политической» фактичности и «привязанных к ней числовых соображений» статистического характера [4, 53]. То есть сконструированные факты формируют числа, которые затмевают события и уведут от их истинности.

«Событие есть то, чего недостает фактам» [Там же, 54–55], и то, что вернет последовательности фактов истинность через выравнивание степени важности события в памяти участников, наблюдателей. Так, важность события может быть незначительна, хотя «бесконечное множество его последствий незримо продолжает способствовать циркуляции его истинности», а поток фактов и частая ссылка на них приводят к несоразмерному росту важности. Поэтому от рефлексии в политике следует ждать пересмотра хронологии фактов и правильной акцентировки хронике событий, что позволит выделить истинные последовательности.

Задача политической герменевтики сводится к толкованию последовательности фактов как истинного события в закономерном виде.

Под *ситуацией* понимается обстановка, совокупность обстоятельств, условий, создающих отношения или положение в пространстве и времени, характеризующиеся динамикой, проявлением активности. Политическая ситуация представляет действительность на основе «политики как позиции», как не естественной, а искусственной, субъективно выбранной точки зрения. Она «саму себя может осознавать только как вытекающую из таких предпосылок» и мыслится продолжением предшествующих ситуаций во времени, совокупность которых есть политика [20, 8–9]. Политическая ситуация может восприниматься как «корыстное» ожидание субъекта и его участие в развитии ее предпосылок.

В философии Бадью ситуация — «положение вещей», произвольно предьявленная «множественность». Так, есть «*конструируемое* подмножество множества» — это множество, имеющее математическое описание, закономерность. Например, ситуация выражает отношения между желанием и законом в обществе. Под воздействием государства конструируемое подмножество становится «Единицей». Выявление *неконструируемого* «родового» подмножества Бадью связывает с расшатыванием порядка, например, с «революционными действиями 60-х». Взаимодействие двух подмножеств в диалектическом противостоянии «закона и конструируемости» с «желанием и родовыми качествами» приводит к *предполитической* ситуации. Она возникает при антагонистическом размежевании, когда положение «существует некая Двоица» нередуцируемо, что означает «пустое» множество. Пустота олицетворяется точкой «непредставимого», «пристегиваемой к реальности», в ней «полнота представительства» выражается термом Двоицы [3, 17; 5; 4, 61, 62]. Примером пустоты является дискуссия в России о продлении моратория на исполнение смертной казни. (Хотя Конституционный суд РФ запретил впредь выносить смертные приговоры, но есть обилие отсроченных высших мер, а политического решения нет, поскольку население выступает за исполнение приговоров.)

Таким образом, на основе философии Бадью установлены предпосылки для систематизации вербализуемого эмпирического материала и механизма отождествления понятий с реальной действительностью.

Справедливо утверждение Крауз-Мозер о том, что понятия не тождественны представляющимся явлениям, поэтому понятие не может быть основой суждения о действительности. Другими словами, явление-фрагмент действительности и явление-предмет исследования не идентичны [15, 42].

Теоретико-методологические основы позволяют выделить предмет исследования — политику — и отметить ее свойства. К ним, в частности, относятся широкое поле возникновения политики и реальность превращения ее в неполитическую деятельность; субъективность и моральный выбор; многовариантность, основанная на вероятности и риске; однократность и инновационность и др. Нелинейная среда еще не моделирует политику, только ее сингулярности отражают *политическое*. Элементы политики как нелинейной среды проявляют диалектические и синергетические свойства. В дальнейшем можно будет обосновать понятия, характеризующие политику-среду.

1. *Абдулла А.* Философия события А. Бадью // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Філософія. Філософські перипетії. Харків, 2008. № 830.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. *Бадью А.* Манифест философии / сост. и пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб., 2003.
4. *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М., 2005.
5. *Бадью А.* Политика: неэкспрессивная диалектика (лекция) [Электронный ресурс]. URL: <http://left.by/archives/2873> (дата обращения: 06.10.2016).
6. *Бурдьё П.* Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.
7. *Василенко И. А.* Сравнительная политология : учеб. пособие. М., 2009.
8. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.; Минск, 2001.
9. *Гаджиев К. С.* Политическая наука : учеб. пособие. М., 1994.
10. *Денкэн Ж.-М.* Политическая наука / пер. И. А. Гобозова. М., 1993.
11. *Еременко А. М.* Понятие «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие [Электронный ресурс]. URL: <http://bo0k.net/index.php?bid=2772&chapter=1&p=achapter> (дата обращения: 06.10.2016).
12. *Ильин В. В.* Политология : учеб. для вузов. М., 1999.
13. *Ковалев А. М.* Место и роль политики в современном мире // Вестн. МГУ. Сер. 12 : Политические науки. 2013. № 3.
14. *Кокошин А. А.* Политика как общественный феномен: Формы и виды политики, ее акторы, взаимоотношение с идеологией, военной стратегией и разведкой. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2010.
15. *Крауз-Мозер Б.* Теории политики. Методологические принципы : пер. с польск. Харьков, 2008.
16. *Кривогуз И. М.* О предмете политологии // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
17. *Орлов В. В., Гриценко В. С.* Проблема сложности в современной зарубежной философии // Философия и общество. 2010. № 1(57), янв.–март.
18. *Панарин А. С.* Политология : учеб. М., 1997.
19. *Пятигорский А. М.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. М., 2007.
20. *Пятигорский А. М., Алексеев О. А.* Размышляя о политике. М., 2008.
21. *Филатенко И. А.* Понятие «событие»: философские основы интерпретации // Молодой ученый. 2012. № 4.

22. Щедровицкий Г. П. Организация, руководство, управление. М., 2003.

23. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избр. труды. М., 1995.

Рукопись поступила в редакцию 7 октября 2016 г.

УДК 316.648:321.01 + 321(470) + 004.773.7

О. Ф. Русакова
В. М. Русаков

«МЯГКАЯ СИЛА» ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАОБРАЗОВ: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ

В статье проводится дискурс-анализ «мягкой силы» с точки зрения медиатехнологий, которые обеспечивают формирование благоприятного международного имиджа страны. Дискурсы политических медиаобразов рассматриваются как агенты символической политики и как важные инструменты soft power. Раскрыта структура дискурса политического медиаобраза. В статье дается анализ различных рейтинговых систем soft power, в которых содержится такой параметр, как успехи в области информационной политики государства. В качестве примера эффективного использования медиадискурса политических образов страны приводится деятельность телеканала Russia Today. Стратегические эффекты дискурсов политических медиаобразов рассматриваются на примерах допингового скандала и демонстрации российского флага командой Белоруссии на Паралимпийских играх в Рио де Жанейро.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «мягкая сила», «мягкая сила» России, рейтинг soft power, аттрактивность, политический медиаобраз, политический медиадискурс, символическая политика, имидж, образ государства, массмедиа, фрейминг, Russia Today, Олимпийские игры.

В последние годы наблюдается резкий рост научных работ, посвященных проблематике soft power, или «мягкой силе» [11, 34]. В центре внимания исследователей — эффективность использования «мягкой силы» в целях повышения имиджевой и репутационной привлекательности страны (экономической, культурной, гуманитарной, социальной, политической и пр.). Привлекательность выступает сущностной характеристикой «мягкой силы». «Мягкая сила» рассматривается в современных исследованиях как альтернатива «жесткой силе» (hard power). Впервые данная бинарная модель властных сил была предложена и концептуально раскрыта в работах американского специалиста в области международных отношений Дж. Ная [13]. Под «жесткой силой» исследователь подразумевает использование во внешней политике таких методов влияния, как вооруженное насилие, военная экспансия, экономическое давление, экономическая блокада, санкции, подкуп.

В противоположность «жесткому» способу влияния «мягкая сила» — это способность добиваться желаемого на основе соблюдения принципов добровольности

и ненасилия, это оказание нужного воздействия с помощью привлекательных идей, ценностей и образов.

Политическая привлекательность страны, согласно Наю, во многом зависит от того, насколько будут всеобъемлющими и перспективными ее цели для всех участников международных коммуникаций, насколько будут совпадать их ценностные ориентации: «Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими». В качестве примера успешного применения США инструментов *soft power* Най приводит осуществление плана Маршалла, благодаря которому страны Западной Европы добровольно приняли американское лидерство во внешней политике [13, 34–35].

Важным компонентом американской «мягкой силы», согласно Наю, является массированная пропаганда посредством коммерческой рекламы вещественных символов Америки, с которыми в годы холодной войны в массовом сознании европейцев, а затем и определенных слоев советского общества ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, — отмечает Най, — молодежь в самых разных европейских странах — и к западу, и к востоку от “железного занавеса” — открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственно “Я”» [Там же, 36]. Данные ассоциации и по сей день сохраняются в сознании определенной части российской общественности, для которой бренд McDonalds символизирует ценности свободы и демократии.

Мощным инструментом «мягкого» влияния Соединенных Штатов в сфере массовой культуры является американский кинобизнес, прежде всего в лице такого мегабренда, как Голливуд. Распространение голливудской медиапродукции в Европе после Второй мировой войны, по словам Наю, способствовало легкому и жизнерадостному усвоению американских идеалов и ценностей. Именно Голливуд помог Соединенным Штатам в достижении двух важных целей — демократической реконструкции Европы и создании НАТО [Там же].

В многочисленных работах, посвященных нематериальным ресурсам *soft power*, обеспечивающим привлекательность страны в экономическом, культурном, социальном, политическом и других планах, широко используются такие понятия, как «имидж», «репутация», «бренд», «ценности», «PR». Все они обозначают объекты, представляющие собой виды символического капитала (имидж, репутация, бренд) и ориентации на определенные идеалы (ценности), которые, будучи интегрированными в системы общественных коммуникаций и маркетинга, выступают предметами продвижения в массовом сознании (функция PR). В современных условиях расширения процесса маркетинга самых разнообразных общественных отношений обостряется конкуренция между актерами, занимающимися продвижением имиджей, брендов, репутаций, ценностей. В целях достижения преимуществ над конкурентами предпринимаются определенные усилия в виде выработки стратегий и технологий, направленных на усиление привлекательности продвигаемого символического капитала, что в итоге приводит к ненасильственному завоеванию новых массовых аудиторий. Коммуникативные

практики, осуществляемые в указанном направлении, это, по сути, и есть то, что обозначается понятием «мягкая сила».

Обращение к данным ресурсам «мягкой силы», стратегически направленным на создание преимуществ над конкурентами в сфере продвижения символического продукта, закономерно формирует представление о soft power как о системе управления массовым сознанием посредством символической политики. Символическая политика трактуется специалистами как деятельность, направленная на производство различных способов интерпретации социальной реальности и на достижение доминирования определенных социально значимых смыслов и образов в общественном сознании [12, 191]. Одной из главных задач символической политики является конструирование и продвижение в массовом сознании образов реальности на основе заданных способов означивания, интерпретаций и репрезентаций.

Основным инструментом символической политики выступает дискурс. В самом общем плане дискурс можно рассматривать как систему знаков и образов, представляющих определенные способы означивания, интерпретации и репрезентации, производящих смыслопорождение [20, 4–5]. В то же время дискурс — это власть, власть символического порядка, поскольку дискурс осуществляет контроль над умами людей, формирует в общественном сознании определенную систему значений, смыслов, идей, ценностей, предпочтений, мифологизированных образов, стереотипов. Его основными агентами являются представители «символической элиты» — писатели, педагоги, журналисты, ораторы, пропагандисты, а также политические идеологи, деятели культуры, шоу-бизнеса, создатели рекламы, популярные телеведущие, блогеры [24, 51–52].

«Символическая элита» вырабатывает дискурсы, которые стремятся занять доминирующее положение в конкурентной сфере способов означивания. В сфере символической политики между дискурсами разворачиваются «дискурсивные войны» по поводу того, что означают те или иные объекты и как следует интерпретировать те или иные исторические и современные события, а также их символические олицетворения. Ярким примером данной войны является «борьба с памятниками», развернувшаяся с особой силой в последнее время в некоторых странах Восточной Европы (Украина, Польша). Данная борьба является проявлением «дискурсивной войны» за переинтерпретацию прежних политических символов и связана с переосмыслением знаковых фигур советского прошлого и знаковых событий Второй мировой войны. Понятно, что акты сноса памятников Ленину и советским воинам не являются стихийной инициативой масс, а выступают следствием символической политики, закрепленной в официальных документах и установках современной политической элиты данных государств. Другим близким по смыслу проявлением символических баталий за переосмысление советского прошлого являются созданные в ряде бывших советских республик музеи так называемой «советской оккупации».

При конструировании значимых политических образов социальной реальности символическая политика создает режим дискурсивного доминирования их смыслов и значений. Одновременно она осуществляет властную функцию

управления массовым сознанием, настраивая его в пользу определенного восприятия и осмысления политических образов и символов. Это роднит ее с «мягкой силой», которая направлена на формирование режима аттрактивности в отношении продвигаемых образов, имиджей, брендов и т. д., и тем самым осуществляет управление общественным мнением. Более того, сами продукты символической политики в форме стремящихся к доминированию в общественном сознании дискурсивно оформленных политических образов и символов способны выступать в роли инструментов и проводников soft power. В этих продуктах имманентно содержится главная стратегия «мягкой силы» — *увеличение аттрактивности*. При столкновении в коммуникативном пространстве с конкурентными носителями soft power к стратегии аттрактивности добавляется противоположная по своему интенциональному вектору стратегия — *стратегия ментального отторжения (неприяття)*.

Обе стратегии в своем единстве, с нашей точки зрения, выступают структурными компонентами дискурса политического образа. В настоящем исследовании мы рассматриваем дискурс политического образа как коммуникативно-семиотическую систему, функционирующую в качестве одного из важных элементов «мягкой силы».

В условиях глобальной информатизации и медиатизации политики функцию soft power в значительной степени берет на себя политический медиадискурс, который осуществляет форматирование общественного мнения в соответствии с заданными смысловыми и ценностными установками. Люди сегодня в основном смотрят на мир «глазами» массмедиа, а следовательно, формируют для себя политическую картину мира посредством дискурса политических медиаобразов [29].

Что касается установления логико-теоретической связи между категориями «политический медиаобраз» и «мягкая сила», то специальных исследований на данную тематику пока немного. В ряде работ рассматриваются сюжеты, посвященные анализу не столько политических медиаобразов как элементов soft power, сколько роли массмедиа в укреплении «мягкой силы» страны и вопросам медийного противодействия конкурентным СМИ, которые занимаются снижением международного имиджа и репутации страны [30, 32]. Их авторы правы в одном: развитие стратегии soft power требует своего медийного обеспечения, включая усилия по преодолению информационных атак со стороны конкурентов.

С нашей точки зрения, для понимания того, что собой представляет дискурс политического медиаобраза как элемент и проводник «мягкой силы», необходимо раскрыть, хотя бы в общих чертах, его коммуникативно-семиотическую структуру.

Прежде всего, структурными компонентами дискурса политического медиаобраза являются уже выделенные нами ранее *бинарные стратегии* — стратегия аттрактивности (усиление привлекательности объектов и ценностей) и стратегия отторжения (снижение имиджа). Другим структурным компонентом дискурса политического медиаобраза является его сугубо *медийный технологический арсенал*, который приводится в действие в целях фильтрации информационного материала, знаково-смыслового и эмоционального конструирования «картинок» политической жизни и политических событий, производства нужного

коммуникативного отклика аудиторий. К примеру, одним из медийных способов смыслового конструирования является фрейминг, т. е. подгонка медийной информации под определенные формулы политического мышления и восприятия. Фреймирование приводит к продуцированию медиашаблонов, упрощению подачи новостей, сужению смысла политических образов до стереотипа [28, 107–108]. Среди шаблонов — рассмотрение политических явлений, отдельных событий и политических персонажей через призму бинарных оппозиций: друг — враг, миротворец — агрессор, демократия — диктатура, свобода — несправедливость и т. д.

Можно также говорить о существовании *риторической составляющей* дискурса политического медиаобраза. Таковую представляют вербальные его компоненты — языковые способы означивания и репрезентации политической реальности, которые используют печатные СМИ и агентства, каналы радиовещания.

Язык обладает свойством программирования восприятия реальности. Посредством определенных лексических и риторических приемов медийные образы обретают нужную смысловую акцентированность, задающую приоритеты восприятия. Посредством языка осуществляется декодирование знаковой системы медиаобразов, в результате чего они обретают концептуальную и контекстуальную глубину, определенную эмоциональную окраску.

Риторика дискурса политического медиаобраза активно включена в языковую среду телевизионных новостей и политических ток-шоу. Вербальные компоненты дискурса политических медиаобразов представлены электронными публикациями и комментариями на порталах Интернета.

В числе вербальных технологий, входящих в риторическую структуру дискурса политического медиаобраза, — нейминг (закрепление за объектом определенного обозначения, названия, которое может иметь как позитивную, так и негативную коннотацию), лексическое акцентирование, концептуализация, контекстуализация, мифологизация, метафорическое моделирование [2, 15].

В последнее время отечественные и зарубежные исследователи все чаще стали обращаться к изучению медиаобразов и имиджей конкретных государств [1, 3, 4, 8, 27]. В работах, посвященных международным отношениям, такие понятия, как «образ государства» и «имидж страны», стали активно рассматриваться в контексте проблематики «мягкой силы» [22].

К. И. Косачев, один из разработчиков программ по развитию российских ресурсов *soft power*, будучи главой Россотрудничества, отмечал, что в условиях повышенного внимания к фактору привлекательности государств, формированию их позитивного имиджа как инструмента влияния на международной арене национальный имидж государства обеспечивает привлекательность и доверие к стране, играя огромную роль как ключевой компонент «мягкой силы» [10]. В качестве основных структурных составляющих образа (имиджа) страны Косачев выделял: 1) представления о репутации государства, сформированные нередко под влиянием устойчивых стереотипов и информации СМИ, данных рейтингов, экспертных заключений и др.; 2) слепок объективной реальности, «в существовании которой можно убедиться воочию, при личном ознакомлении, — фактическое положение дел, способное в условиях не закрытого государства корректировать

излишне негативные или, наоборот, неоправданно позитивные представления; 3) бренд — все то, «что сознательно продвигают вовне национальные власти, желающие представить страну в привлекательном свете» [10]; 4) антибренд — медийный и пропагандистский симулякр — образ, чаще негативный, «который сознательно формируют в сознании людей в отношении того или иного государства или народа его конкуренты и оппоненты» [Там же].

Имидж государства, как справедливо отмечает Косачев, во многом зависит от того, какие ценности и каким образом оно продвигает в мировом пространстве, какие ценности оно уважает. В этой связи *soft power* можно рассматривать как искусство ценностной политики в международных коммуникациях. Данная политика имеет свои особенности в зависимости от стратегических моделей «мягкой силы» каждой отдельной страны. У России также есть свое понимание методов продвижения собственных культурных и иных ценностей: «Наш подход предполагает диалог не через навязывание своего культурного кода в виде “универсальных ценностей”, а через взаимное обогащение самоценных культур, уже в силу этой самоценности не имеющих морального права претендовать на превосходство над другими» [Там же].

Конкурентная среда в сфере построения политических медиаобразов, обладающих свойствами «мягкой силы», закономерно порождает производство следующих стратегических медиаэффектов: создание как можно более привлекательного политического медиаобраза собственного государства и занижение привлекательности образа государства-конкурента вплоть до эффекта отторжения.

Современные СМИ активно участвуют в формировании политических медиаобразов государств, используя при этом весь арсенал стратегий и технологических приемов для конструирования имиджа страны. Анализу данных приемов, в частности, посвящена кандидатская диссертация Д. Д. Цилюрик [27].

В фокусе внимания автора — источники формирования образа России во французском политическом медиадискурсе. Были выделены следующие источники: новостные агентства, печатные СМИ, информация, собранная на местах событий, сведения ньюсмейкеров, анонимные источники, заключения экспертов. Каждый источник был рассмотрен с точки зрения фреймирования информации. Установлено, что сведения информационных агентств отбираются в соответствии со сложившимися во французской журналистской среде стереотипами. То же самое происходит и с другими СМИ. При этом отмечается, что российская пресса отнюдь не является для французских журналистов важным источником информации о стране. Отслеживаются только те издания, которые концептуально и политически близки редакционным коллективам газет.

Репортажи с мест событий также подвергаются фреймированию. Журналистский репортаж — это не набор случайных впечатлений, а материал со строго продуманной стратегией и концепцией, где любая деталь отвечает априорно поставленным задачам, в результате чего формируется целостный медиаобраз. Аналогичным образом осуществляется работа с ньюсмейкерами и экспертами. Ньюсмейкер говорит от своего лица и создает автообраз, но с помощью журналистского комментария смысл его слов может стать иным.

На основе проведенного анализа автор делает вывод: «Тактика стереотипизации становится базовой в формировании медиаобраза России».

Среди рассматриваемых французских СМИ технологию фрейминга в наименьшей степени использует «Монд». Газета сделала экспертные оценки своим фирменным «коньком». «Монд», позиционируя себя как качественное издание высокого класса, предоставляет читателю разнообразные мнения о России. В результате политический образ страны оказывается далеко не однозначным. Однако при освещении событий, которые представляют собой некое столкновение политических интересов России с интересами Франции и ее партнеров по Евросоюзу, «Монд» прибегает к оценочным суждениям, снижающим образ России в глазах читателей.

Политические медиаобразы «Фигаро», как правило, сложны, полемичны и развернуты. «Эмотивный материал искусно вплетен в информационную канву, образ подкреплен мнениями людей и ссылками на различные источники» [27]. Газета претендует на трансляцию политических медиаобразов России, соответствующих позиции и взглядам наиболее прогрессивных слоев российской и французской общественности.

Авторы «Либерасьон» (газета позиционируется как «левое» издание) *«выстраивают очень четкую систему координат “добро–зло” (по векторам “демократический — антидемократический”)*», нередко идеализируют или демонизируют образ России и российских политиков.

В работе подчеркивается, что мифологизация — неотъемлемая черта политического медиаобраза России, представляемого французскими СМИ. Центральной мифологизированной фигурой выступает демонизированный образ В. В. Путина — сильного, властного вождя, вокруг которого выстроены противостоящие ему «положительные» фигуры и силы. Они также мифологизируются, ибо предстают как «жертвы путинского режима».

В 2008 г., отмечает автор, во французской прессе появились новые тенденции при формировании медиаобраза России, что было связано с появлением на посту президента страны Д. А. Медведева. Усилился полемический вектор медиаобраза России. Одни журналисты «увидели в новой политической фигуре потенциал для более широкого утверждения в России западных ценностей», другие не считали возможным рассматривать Д. А. Медведева как самостоятельную силу, имея в виду его крайнюю зависимость от В. В. Путина.

Мы, в свою очередь, обращаем внимание на то, что демонизация образа России, которую, согласно зарубежным СМИ, олицетворяет Путин, а также ключевые фигуры российского политического истеблишмента, в последние годы имеет тенденцию к нарастанию. Основная причина кроется во все более отчетливо проявляющемся стремлении России твердо отстаивать свои национальные интересы и ценности, часто не совпадающие с ценностными системами и позициями западных государств. Это, в свою очередь, привело к значительному расширению масштабов информационной войны, которую сегодня почти единым фронтом ведут против России многие медийные институты США, Канады и Европы. В западных СМИ реанимируется образ России как «империи зла», от которой

якобы постоянно исходят угрозы цивилизованному миру. Вместе с тем следует отметить, что в западном информационном пространстве постепенно укрепляется и альтернативная точка зрения, формирующая в общественном сознании иной, более позитивный образ России. Данная тенденция, например, нашла свое отражение в последних международных рейтингах *soft power* [8, 9, 16–18, 31, 33].

Проводимые ежегодно рейтинги «мягкой силы» разных стран выстраиваются как на основе проведенных профессиональных экспертных заключений, так и на основе опросов общественного мнения относительно таких инструментов «мягкого» влияния, как привлекательность разнообразных брендов, социальных государственных программ, миграционной политики, объектов культуры и межкультурных практик, систем образования и здравоохранения, туристических и культурных услуг и др.

При анализе «мягкой силы» страны учитываются также мнения респондентов о вкладе ее дипломатического корпуса и конкретных персоналий в достижение мирного урегулирования конфликтов, в предотвращение террористических актов. При этом следует иметь в виду, что в большинстве своем массовые оценочные суждения относительно «мягкой силы» другой страны выносятся респондентами не столько на основе личного опыта, сколько на основе коллективных восприятий предлагаемых СМИ и Интернетом текстуальных и визуальных медиаобразов «мягкой силы», демонстрации ориентации государства на гуманистические ценности.

С появлением глобального рейтинга *soft power* [31] между государствами заметно усилилась конкурентная борьба за попадание в престижный рейтинг TOP-30. В него попадают страны, которые получают высокие баллы по целому ряду параметров, демонстрируя тем самым свою влиятельность, связанную с успешным продвижением собственной системы ценностей, с усилиями по увеличению привлекательности экономической, социальной, культурной, образовательной, информационной и прочей политики государства.

В числе основных показателей «мягкой силы» (имеется в виду система рейтинга, созданная Дж. МакКлори) отметим следующие: *Olympics* — проведение Олимпийских игр, которые выступают в роли уникальной возможности для страны-организатора завоевать признательность и восхищение успехами в области спорта со стороны других стран; *Power of icons* или «*star power*» — влияние харизматических фигур, зафиксированное в рейтингах 100 наиболее влиятельных людей мира, от политиков до деятелей науки и культуры; *Immigration* — рост числа иммигрантов как показатель привлекательности страны для иностранных граждан, что свидетельствует о высоком уровне ее *soft power*. Мигранты голосуют «ногами» в пользу той или иной страны, ее ценностей, уровня правовой и социальной защищенности граждан; *University ranking* (мировой университетский рейтинг), включающий множество качественных и количественных показателей, в числе которых — количество иностранных студентов, а также студентов и преподавателей, участвующих в программах академического обмена. Всего рейтинговая система МакКлори содержит 13 параметров [Там же].

Существуют также и другие рейтинговые системы, которые были включены в глобальный рейтинг *soft power*, например, страновой брендинг [9].

Ежегодные рейтинги soft power проводит британское PR-агентство Portland [33]. До 2014 г. оно активно сотрудничало с российскими властями и входило в число трех основных международных PR-агентств, привлеченных Правительством России для улучшения имиджа страны за рубежом. Двумя другими были американское агентство Ketchum и бельгийское GPlus Europe [17].

За основу измерения «мягкой силы» агентством Portland взяты следующие шесть параметров: 1) культура (culture) — привлекательность институтов и достижений культуры, уровень распространения национального языка, международный охват культурными продуктами, произведенными страной; 2) эффективность государственного управления (government); 3) дипломатия (diplomacy) — развитие сети диппредставительств, вовлеченность в международные организации; 4) образование (education) — привлекательность вузовского образования и академическая мобильность; 5) бизнес-инновации (business/innovation) — достижения в области инновационной экономической политики; 6) распространение цифровых технологий и широта охвата медийными каналами зарубежных аудиторий.

Отмеченные параметры были отнесены к разряду объективных. Заметим, что шестой параметр непосредственно связан с производством медиаобразов, что соответствует нашим представлениям о медиатизации как о «мягкой силе» [19, 65–77].

Объективные параметры soft power дополняют субъективные показатели, которые определяются данными опросов общественного мнения граждан 25 государств. К ним относятся отношение к национальной кухне, оценка привлекательности производимых в стране техники и предметов роскоши, уровень благоустроенности мест проживания, приветливость местных жителей, дружелюбие, уровень культуры и привлекательность внешней политики, информации о стране и др.

Следует отметить, что, согласно рейтингу агентства Portland, Россия в 2016 г. впервые вошла в ТОП-30, заняв 27-е место между Венгрией (26-е место) и Китаем (28-е место). На первое место вышли США, стоявшие ранее на третьем месте, а Великобритания и Германия, занимавшие в прошлом году соответственно первое и второе места, в 2016 г. опустились на строчку ниже [16]. Самый высокий результат Россия показала по дипломатическому параметру: развитие зарубежной сети диппредставительств и вовлеченность страны в противодействие глобальным вызовам. По данному показателю Россия вышла на девятое место, на первом месте — Франция [18]. По распространенности цифровых технологий Россия оказалась на 11-м месте, по культурному влиянию — на 14-м, а по качеству образования — на 20-м. Наиболее низкие оценки получила российская система государственного управления (30-е место). Также на последнем, 30-м, месте страна оказалась по итогам опроса, проведенного среди граждан других государств. Сильной стороной России агентство Portland называет расширение пространства информационного вещания российских СМИ. В этом плане мы не можем не отметить значительный вклад телеканала Russia Today (RT) в продвижении политического медиаобраза России.

В настоящее время RT еженедельно смотрят 70 млн человек в 38 странах мира [25]. По данным исследования, проведенного компанией Ipsos (Компания Ipsos — третья в мире по величине маркетинговая компания, занимающаяся

медиаисследованиями с сетью филиалов в 86 странах), RT входит в пятерку крупнейших панрегиональных новостных каналов среди десяти замеряемых: CNN, BBC, World News, Euronews, Sky News, France 24, Al Jazeera, Deutsche Welle TV, китайский CCTV и японский NHK. За 10 лет с момента начала вещания телеканала (10 декабря 2005 г.) RT вырос в телевизионную сеть, которая включает в себя три круглосуточных информационных канала, вещающих на английском, арабском и испанском языках, каналы RT America и RT UK, документальный канал RTD, а также онлайн-порталы на шести языках.

В условиях дефицита в западных СМИ плюрализма и почти полного отсутствия альтернативной точки зрения контент Russia Today оказался крайне востребованным у критически настроенной к собственным СМИ зарубежной аудитории. Совокупное число просмотров видео RT на YouTube уже превысило 3 млрд, а на аккаунты телеканала подписались более 3 млн человек. По количеству просмотров всех языковых аккаунтов на YouTube телеканал RT более чем в 2 раза опередил CNN, более чем в 3 раза — Euronews и более чем в 10 раз — BBC. В 2013 г. аккаунт RT International первым из новостных телеканалов набрал 1 млрд просмотров на видеохостинге.

По данным компании ComScore, лидирующей на рынке измерений онлайн-аудитории, в ноябре 2015 г. совокупное число уникальных пользователей всех сайтов телеканала RT и его аккаунтов на YouTube составило 49 млн человек. При этом самая большая доля онлайн-аудитории RT приходится на США (9,1 млн человек). Недавно экс-кандидат в президенты США Митт Ромни особо отметил масштаб информационного влияния телеканала RT. Отвечая на вопрос, в чем заключается стратегия Владимира Путина, Ромни заявил: «Российское телевидение. В том смысле, что я включаю здесь, в США, телевизор, а там RT!»

Отметим также, что 3 ноября 2015 г. американские сенаторы два часа обсуждали угрозу, которая якобы исходит от информационной холодной войны, которую проводит Кремль. Неоднократно в ходе заседания упоминался и канал RT. Так, на вопрос сенатора Рона Джонсона, «где находятся США по шкале от 1 до 10 баллов, где 10 баллов — самые действенные меры холодной войны», вице-президент Центра стратегических и международных исследований США Хизер Конли ответила: «Думаю, нас можно оценить на 3 или 4 балла», в то время как телеканал RT «на 7–8 баллов». Далее она добавила: «Нас ждет долгий путь, прежде чем мы станем настолько же вездесущи и влиятельны, как современная Россия» [21].

Приведенные данные являются ярким свидетельством успеха RT в продвижении российского дискурса политических медиаобразов, в возрастании влияния России в мировом информационном пространстве. Именно эти достижения и были зафиксированы в конкретных рейтинговых показателях российской «мягкой силы».

Весьма немаловажен вопрос о стратегических эффектах дискурса политических медиаобразов как проявлений «мягкой силы». Нам представляется, что дискурс любого медиаобраза, каким бы «мягким» он ни был, в условиях существования конфликта и связанного с ним информационного противостояния может вызвать совершенно противоположные по своей смыслопорождаемой

направленности стратегические эффекты. Стратегическими они являются потому, что, во-первых, производимые дискурсивные эффекты заранее обстоятельно планируются, а во-вторых, интенцией любого дискурса является продвижение собственной модели образа реальности в целях получения конечного устойчивого положительного отклика от общественности. При этом ни один дискурс не может рассчитывать на получение однозначно позитивного эффекта от своего символического воздействия на общественное сознание. Очень часто, вступая в конфликт с другими медиадискурсами (конфликт интерпретаций), дискурс, продвигающий определенное видение реальности и рассчитывающий на поддержку медийной аудитории, получает совершенно противоположный эффект — оценочный эффект со знаком минус.

В качестве примера возьмем такой параметр «мягкой силы», как Olympics, учитывающий спортивные достижения страны и ее вклад в мировое олимпийское движение. В 2016 г., как известно, подготовка к Олимпийским и Паралимпийским играм в Рио-де-Жанейро сопровождалась множеством скандалов. Самым крупным, вызвавшим бурную реакцию спортсменов, спортивных комитетов, общественности, был так называемый допинговый скандал. В его эпицентре оказалась российская олимпийская сборная, которая была обвинена WADA (Всемирное антидопинговое агентство) в массовом применении допинга. В связи с этим МОК (Международный олимпийский комитет) не допустил к участию в Олимпиаде в Рио значительную часть сборной России. Скандал прошел ряд этапов. Каждый этап сопровождался появлением в СМИ, на экранах TV и в Интернете медиаобразов, создающих противоречивое представления о причинах конфликта, о характере выдвигаемых обвинений, об их справедливости или несправедливости, о «героях» и «антигероях» допингового скандала. Наибольший эмоциональный отклик у участников конфликта, заинтересованных наблюдателей и журналистов вызвал доклад независимого эксперта Р. Макларена 18 июля 2016 г. В докладе утверждалось, что российские власти сознательно осуществляли государственную программу сокрытия допинг-проб. В итоге в период с 2012 по 2015 г. были подтасованы результаты тестов 643 спортсменов из 30 видов спорта [5].

Те, кто через медиаканалы внимательно отслеживал процесс развертывания конфликта и пытался выстроить его целостную картину, прибегая к разным информационным источникам, в итоге оказывались в ситуации когнитивного диссонанса. Разнообразные дискурсы медиаобразов скандала были столь альтернативны по своим стратегическим интенциям, что их эффекты (аттрактивность и отторжение медиаверсий происходящего) приводили к обескураженности читателей и зрителей.

В качестве свидетельства столь смешанного впечатления, исходящего от медиаобразов, сконструированных различными СМИ, приведем высказывания в блоге «Страна Россия» Нила Мартина: «Странное чувство, правда. На прошлой неделе я смотрел новости по телевизору и читал газеты в Великобритании, где многие журналисты и спортсмены, бывшие и нынешние, выступили за полное отстранение сборной России. Россия с ее программой допинга нарушила все принципы Олимпийских игр, и нельзя допустить такую сборную до соревнований

в Бразилии. Но два дня спустя на экране своего телевизора в Санкт-Петербурге я увидел Елену Исинбаеву, которая расплакалась в Кремле на встрече с президентом и рассказала о том, как у нее и у всех других российских легкоатлетов нагло и грубо “отобрали мечту”. И соответственно о том, что отстранение многих спортсменов сборной России нарушило все принципы Олимпийских игр, и все это, мягко говоря, часть западного политического давления на Россию. Или, если вы предпочитаете, это “бандитизм”, как выразился тренер сборной России по тяжелой атлетике Давид Ригерт.

Поэтому у меня возникает вопрос: возможно ли здесь понять обе стороны? Черное и белое. С одной стороны, допустим, что российское государство поддерживало масштабную программу допинга. Согласно докладу здесь существовал допинг не просто в случае нескольких человек. Речь идет о системе, организованной на уровне государства. Значит — да, все. В ответ на вопрос: “Почему за допинг наказывают только Россию?” — я бы объективно сказал, что нет, не только Россию наказывают за допинг. Многие атлеты из всех стран, в том числе, конечно, и Великобритании, были отстранены за допинговые нарушения за последние 30 лет.

Однако здесь совсем другое дело. Наказание всей сборной можно оправдать, потому что именно государство якобы организовало эту программу и именно государство должно быть наказано. И именно правительство должно ответить за международный позор перед своим российским народом, который оно так подвело.

Но, с другой стороны, действительно ли правильно наказывать чистых атлетов за грехи других? Да, они бы принимали участие под флагом Российской Федерации, но каждая дисциплина также является индивидуальным конкурсом между спортсменами на самом высоком уровне. Если российский атлет совсем чистый и никогда не имел никакого отношения к допингу в своей жизни, даже ничего не знал об этом и он посвящает огромную часть жизни спорту и особенно Олимпиаде, почему он должен страдать? Или “при чем тут я?” — как было написано на плакатах, которые российские атлеты держали в руках в течение видео, которое я посмотрел после возвращения в Россию» [14].

Как следует из текста, автор не может присоединиться ни к медиаверсиям конфликта, которые отстаивают позицию WADA, ни к медиаверсиям, в которых российские спортсмены предстают в роли жертв несправедливых решений WADA.

Приведем еще один пример столкновения альтернативных стратегий дискурса политического медиаобраза, но уже связанного с недопуском в полном составе к Паралимпийским играм российской сборной. Речь пойдет о символическом жесте, сделанном на открытии Паралимпиады в Рио сборной Белоруссии, а именно о демонстрации государственного флага России, который белорусские спортсмены тайно пронесли на стадион. Буквально сразу после данной акции последовала реакция со стороны официальных лиц и СМИ. Пресса и эфир наполнились высказываниями, прямо противоположными по своим оценочным суждениям относительно столь эффектно выполненного перформанса. На сайтах RT и других телевизионных российских каналов появились весьма зрелищные сюжетные ролики. Смысл стратегических эффектов транслируемых медиаобразов

был совершенно прозрачен и понятен: это восхищение поступком команды Белоруссии, которая продемонстрировала своим символическим актом солидарность с российскими паралимпийцами. Это горькое негодование по поводу отсутствия россиян на Играх в Рио.

Все это нашло свое отражение в разнообразных комментариях. Так, пресс-секретарь президента России Д. Песков сказал, что поступок члена белорусской сборной, развернувшего российский флаг, достоин восхищения [26]. Официальный представитель МИД России Мария Захарова, открывая традиционный брифинг, заявила: «Позволю себе сделать несколько ремарок не в качестве официального представителя МИД РФ, а просто как человек. У нас сегодня появился герой. Герои могут быть разные, сегодня для нас это человек, который в Рио на открытии Паралимпийских игр достал российский флаг в честь тех, кого подло и бесчеловечно не пустили на Паралимпиаду. Такие вещи не забываются» [7]. Одна из статей газеты «Аргументы и факты» вышла с подзаголовком «Спасибо, братья! Сборная Белоруссии пронесла флаг России на Паралимпиаде: Белорусские партизаны в Рио: миссия выполнима!» [23].

Совсем иную реакцию вызвал перформанс белорусской команды у ряда авторитетных западных СМИ. В них жест демонстрации российского флага преподносился как запланированная провокация, как акт неповиновения, как нарушение официального запрета на ее проведение и как помеха наслаждению происходящим зрелищем [6].

Эхо допингового скандала еще долго будет будоражить общественное сознание. Вполне вероятно, что в скором времени наступит его новая фаза. Российские СМИ уже заранее к этому готовятся, мобилизуя дополнительные резервы для очередной стадии информационной битвы за такой важных ресурс «мягкой силы», как спортивные успехи.

-
1. *Богдан Е. Н.* Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2007.
  2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Зарубежная политическая метафорология : моногр. Екатеринбург, 2008.
  3. *Виноградова Н. С.* Политико-психологический анализ образа России в англо-американских печатных СМИ (исследование 2008–2009 гг.) : дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12. М., 2010.
  4. *Гаджиев К. С.* Идеолого-информационная составляющая имиджа государства // *Имидж России в СМИ и общественном мнении Запада.* М., 2008.
  5. Доклад Р. Макларена на сайте ВАДА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/doping-control-process/mclaren-independent-investigations-report-into-sochi-allegations> (дата обращения: 03.10.2016).
  6. Западные СМИ о флаге РФ в руках белорусских паралимпийцев — демонстрация неповиновения [Электронный ресурс]. URL: <http://news-front.info/2016/09/08/zapadnye-smi-o-flage-rf-v-rukax-belorusskix-paralimpijcev-demonstraciya-nepovinoveniya> (дата обращения: 03.10.2016).
  7. Захарова считает героем белоруса, вышедшего с флагом России на Паралимпиаде [Электронный ресурс]. URL: <http://sprintnews.ru/a/2842048> (дата обращения: 03.10.2016).
  8. *Киселев И. Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // *ПОЛИТЭКС: политическая экспертиза.* 2007. № 3. С. 253–260.

9. Королева В. А., Владимирова А. В., Трунина А. А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестн. междунар. организаций. 2014. Т. 9, № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipamm.hse.ru/upload/download/library/Вестник_2014_2_3.pdf (дата обращения: 03.10.2016).

10. Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bosch-stiftung.de/content/language2/html/50174.asp> (дата обращения: 03.10.2016).

11. Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.

12. Малинова О. Ю. Символическая политика: осмысление предметного поля // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М., 2015. С. 191. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной).

13. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 34–36.

14. Нил Мартин. Блог «Страна Russia». Допинговый скандал перед Олимпиадой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/blog-strana-russia-36955609> (дата обращения: 03.10.2016).

15. Ольховикова Ю. А. Метафорическое моделирование образов России в СМИ Великобритании, Германии и США в период с 2012 по 2016 г. // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 26–30 сент. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. С. 157–160.

16. Россию включили в ТОП-30 рейтинга государств «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/06/14/rossiyu-vklyuchili-v-top30-reytinga-gosudarstv-myagkoy-sily.html> (дата обращения: 03.10.2016).

17. Россия впервые вошла в рейтинг «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/06/160614_russia_soft_power (дата обращения: 03.10.2016).

18. Россия впервые вошла в ТОП-30 рейтинга стран «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/news/322559-rossiya-vpervye-voshla-v-top-30-reytinga-stran-myagkoi-sily> (дата обращения: 03.10.2016).

19. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.

20. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2011. С. 4–5.

21. Сенат США обсудил «угрозу», исходящую от телеканала RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/127865> (дата обращения: 03.10.2016).

22. Смирнова А. Г. Образ государства во внешней политике и международных отношениях: опыт социологического исследования / под ред. проф. И. Ю. Киселева. СПб., 2011. С. 5.

23. Спасибо, братья! Сборная Белоруссии пронесла флаг России на Паралимпиаде [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/olymp2016/reviews/spasibo_bratya_sbornaya_belorussii_pronesla_flag_rossii_na_paralimpiade (дата обращения: 03.10.2016).

24. Тейн А. Ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М., 2013. С. 51–52.

25. Телеканал RT еженедельно смотрят 70 млн человек по всему миру [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/152810> (дата обращения: 03.10.2016).

26. Флаг России на Паралимпиаде: героизм белорусов против «настоящего фашизма» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2796563> (дата обращения: 03.10.2016).

27. Цилторик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008–2012 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013 [Электронный ресурс]. URL:

<https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.mediascope.ru%2Ffiles%2Ftsiryulik-autoref250913.doc&name=tsiryulik-autoref250913.doc&lang=ru&c=58916497b461> (дата обращения: 03.10.2016).

28. Черных А. И. Медиа и ритуалы. М. ; СПб., 2013. С. 107–108.

29. Шевцова Д. А. От публицистического образа к медиаобразу: движение научной мысли // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23609> (дата обращения: 03.10.2016).

30. Li Anshan. «In Defense of China: China's African Strategy and State Image» // World Economy and Politics. 2008. № 4. P. 65.

31. McClory J. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010. P. 3–18 [Electronic resource]. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/about-us> (accessed: 03.10.2016).

32. Romashkan D. How Countries Use Te Media as a Soft Power [Electronic resource]. URL: <http://www.bosch-stiftung.de/content/language2/html/50174.asp> (accessed: 03.10.2016).

33. Soft power in 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishcouncil.org/organization/policy-insight-research/insight/soft-power-2016> (accessed: 03.10.2016).

34. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.

Рукопись поступила в редакцию 4 октября 2016 г.

УДК 323.2 + 323.39 + 316.462

А. Г. Наронская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме влияния коррупции на деятельность политических институтов. По мнению автора, политическая коррупция неизбежно приводит к неформальной институционализации, а значит, к деградации государственных институтов. Автор делает вывод о том, что контроль со стороны гражданского общества, совершенствование механизмов подотчетности власти могут предотвращать и сдерживать проявления политической коррупции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая коррупция, конфликт интересов, формальные и неформальные институты, политический процесс.

В последние годы в российской политической науке были сделаны серьезные шаги в изучении феномена коррупции. Внимание политологов к данному вопросу определяется влиянием коррупции на российский политический процесс. Многочисленные социологические данные последних лет убедительно свидетельствуют об институционализации коррупции в современной России, о том, что это явление приобрело системный характер.

Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает следующее определение коррупции: «Коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное

незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [11]. Очевидно, что коррупция прежде всего является экономической проблемой, вместе с тем коррупционные отношения зачастую носят нелинейный характер и могут проявляться под воздействием самых разных процессов, в том числе и политических.

В контексте данной статьи ключевая гипотеза автора состоит в том, что системное влияние коррупции на политическую систему неизбежно приводит к разрушению политических институтов, а значит, препятствует общественно-политическому развитию государства. Почему это происходит?

Во-первых, политическая коррупция — это верхушечный тип коррупции, который предполагает, что лица, занимающие высшие государственные должности (как назначенные, так и избранные), используют доверенные им ресурсы власти не в интересах общества, а в личных, корыстных целях — для своего политического обогащения.

Во-вторых, уровень, те или иные формы политической коррупции и, как следствие, качество политической системы всегда определяются институциональным дизайном, соотношением формальных и неформальных институтов.

В результате явление политической коррупции зачастую является негативным эффектом неформальной институционализации [2, 6–24]. В связи с этим стоит обратиться к основам неинституционального подхода, разработанного Д. Нортон, Р. Коузом, Дж. Бьюкененом и другими авторами. В рамках неинституционализма под «институтом» понимаются «правила игры» или «созданные человеком ограничительные рамки, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между людьми, а также уменьшают неопределенность в межличностных взаимодействиях» [7, 17]. Существуют формальные и неформальные институты. Формальные институты включают в себя правовые нормы, имеют универсальный характер, а их соблюдение гарантируется государством [5, 54]. Неформальные институты — это обычаи, которые регулируют поведение представителей как власти, так и общества. Если изменение формальных институтов может происходить достаточно быстро, через введение новых правил игры, то неформальные институты весьма устойчивы, изменяются постепенно и медленно. Доминирование формальных институтов означает готовность основных групп общества следовать универсальным нормам и правилам. Наоборот, отсутствие верховенства права означает преобладание неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах (таких, как клиентелизм и коррупция) [Там же, 21].

Неформальная институционализация, или вытеснение формальных институтов неформальными правилами, представляет собой непрерывный процесс систематической «порчи» институтов в ходе институционального строительства [2, 10]. В этом случае формальные институты просто становятся фасадом неформальных институтов. Там, где правительство не подотчетно парламенту,

важнейшие решения принимаются не выборными представителями граждан, а узкими властными группами; там, где политические партии не способны обеспечить политическую взаимосвязь элиты и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «партии власти» и т. д. [1, 16–29].

Существуют различные виды и формы проявления политической коррупции; перечислим наиболее распространенные из них:

1. Злоупотребления со стороны действующей власти во время избирательного процесса. Ю. А. Нисневич называет данный вид коррупции электоральной коррупцией. Электоральная коррупция — это создание преимуществ представителям правящих политических сил и групп, подавление их политических конкурентов и искажение свободного волеизъявления граждан посредством противоправного использования в ходе избирательного процесса государственных структур, их должностных лиц и ресурсов [6].

К электоральной коррупции относятся:

— подкуп голосов избирателей во время выборов путем использования средств государственного бюджета, а также сознательного создания материальной, финансовой зависимости избирателей от их электорального поведения; шантаж руководителей трудовых коллективов с угрозой экономических санкций, если результаты голосования не будут удовлетворительными [4, 136];

— пресечение критики действующей власти вплоть до закрытия независимых средств массовой информации [6], что приводит к неравенству кандидатов в использовании эфирного времени, в частности, в ходе избирательной кампании;

— ограничения либо отказ в государственной регистрации кандидатов (поводом могут быть «недействительные» собранные подписи, неверно заполненные подписные листы и т. п.);

— незаконное финансирование политической кампании, неправовое использование как государственных, так и частных средств и ресурсов для деятельности конкретных политических партий.

2. Злоупотребления ресурсами власти, которые наносят ущерб интересам общества и граждан. Данный вид коррупции можно обозначить термином «приватизация власти» [Там же], т. е. использование чиновниками управленческих ресурсов в своих собственных интересах. Формой проявления «приватизации власти» является *конфликт интересов*. Конфликт интересов — это ситуация, при которой политики используют государственные должности в личных финансовых интересах.

Статья 10 Федерального закона РФ 2008 г. «О противодействии коррупции» определяет конфликт интересов как «ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного или муниципального служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного или муниципального служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства» [11].

Перечисленные нами формы проявления политической коррупции неизбежно приводят к таким последствиям, как снижение политической конкуренции, деформации политических институтов государства, а также падение легитимности власти.

В результате возникает вопрос об эффективных механизмах противодействия политической коррупции.

Основным методом противодействия политической коррупции являются ограничение и сдерживание политической власти, что, в свою очередь, предполагает целый ряд институциональных изменений. Перечислим наиболее важные из них.

Во-первых, это *обеспечение системы разделения ветвей власти*, при котором ни одна из политических групп не обладает монополией на принятие важнейших политико-экономических решений [7, 193].

Во-вторых, *совершенствование судебной-правовой системы*, прежде всего обеспечение *независимости судебной системы*. Изменение судебной-правовой системы должно включать в себя целый комплекс мер, направленных на коррекцию законодательства (т. е. создание четко сформулированных, общепонятных законов), изменения в кадровом составе судейского корпуса, ускорение судопроизводства, обеспечение открытости судебной системы и т. п.

В-третьих, *совершенствование избирательного законодательства*. Здесь нет универсальных рекомендаций, так как многое зависит от организации выборного и законодательного процессов, а также от методов финансирования кампаний, принятых в том или ином государстве [8, 168]. Но в любом случае главная цель состоит в обеспечении открытости и прозрачности института выборов. Для этого необходимо создать систему эффективного контроля над процессом финансирования избирательной кампании, в частности, в вопросах сбора частных пожертвований, размеров избирательных фондов, расходов кандидатов и т. п.

В-четвертых, *усиление подотчетности политиков и высших государственных чиновников гражданскому обществу*. Так, статья 13 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции¹, которая называется «Участие общества», указывает, что каждое «государство-участник принимает надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз» [3].

Какие механизмы могут укреплять участие гражданского общества в противодействии политической коррупции?

Конвенция ООН устанавливает следующие меры, направленные на расширение гражданского участия: а) усиление прозрачности и содействие вовлечению

---

¹ Конвенция ООН против коррупции была принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года, Россия ратифицировала конвенцию в 2006 г.

населения в процессы принятия решений; б) обеспечение для населения эффективного доступа к информации; в) проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции; д) уважение, поощрение и защита свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции [3].

Таким образом, совершенствование политических институтов, а также контроль со стороны гражданского общества, нетерпимость граждан к закрытости и непрозрачности власти могут предотвращать и сдерживать проявления политической коррупции.

Проблема воздействия коррупции на политические институты имеет особое значение для современной России. Очевидно, что в последние годы идет борьба с многочисленными проявлениями политической коррупции. Так, в 2008 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором прописаны понятия коррупции, конфликта интересов, а также определены основные принципы противодействия коррупционным нарушениям. В апреле 2014 г. Президентом РФ был утвержден Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.» [10]. Стоит отметить, что подобные планы принимались на 2008–2009, 2010–2011, а также на 2012–2013 гг. Исполнителями указа определены федеральная и региональная власти. Новый указ расширяет и конкретизирует те меры борьбы с коррупцией, которые предлагались прежними нормативно-правовыми актами. Среди новых антикоррупционных мер предлагается ввести автоматизированную систему мониторинга деклараций; наладить систему сбора информации о том, есть ли у госслужащих высших категорий иностранные счета или вложения в финансовые инструменты; разработать законопроект по защите заявителей о коррупции от действий тех, о чьих правонарушениях они сообщают [Там же]. Особое внимание в указе уделяется общему и профессиональному антикоррупционному просвещению.

Вместе с тем значительного улучшения ситуации не происходит и уровень коррупции остается в современной России аномально высоким. Большинство экспертов полагают, что многочисленные правовые нормы, призванные ограничить коррупцию, носят в большей степени декларативный характер и не создают эффективных механизмов политической подотчетности. Например, существующая в России система декларирования доходов является формальной процедурой, а не эффективным инструментом противодействия коррупции. В поданных декларациях проверяются правильность, полнота и достоверность предоставленной информации, при этом политики и чиновники имеют неограниченные возможности по внесению изменений и дополнений к представленным сведениям. Более того, отсутствует проверка на индикаторы коррупции, главный из которых — соответствие доходов и расходов чиновника. Что касается гражданского контроля, то подавать запросы для проведения проверки деклараций могут правоохранительные органы и иные госорганы, руководящие органы политических партий, общероссийских общественных объединений и Общественная палата [9]. В этом списке отсутствуют СМИ, НКО, а также обычные граждане.

При этом именно расширение и укрепление возможностей гражданского участия сигнализирует власти о готовности общества к системным реформам, установлению новых правил игры, т. е. к реальному противодействию политической коррупции.

1. *Гельман В. Я.* Постсоветские политические трансформации // Полис. 2001. № 1.
2. *Гельман В. Я.* «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2(57).
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 15.09.2016).
4. *Крыштановская О. В.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
5. *Либман А. М.* Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
6. *Нисевич Ю. А.* Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы : материалы междунард. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 193–201 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/1/1408091666d9c39732edc57c864452e29af50e63ff/Artnis89.pdf> (дата обращения: 15.09.2016).
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
8. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. М., 2003.
9. Стенограмма научно-практического семинара «Институт декларирования доходов и имущества публичными должностными лицами как инструмент противодействия коррупции: зарубежный опыт и российские реалии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/359-----9122011 (дата обращения: 15.09.2016).
10. Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://img.rg.ru/pril/article/95/05/57/94816.pdf>; <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/putin-utverdil-plan-protivodeistviia-korruptcii-na-2014-2015-gody> (дата обращения: 15.09.2016).
11. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html> (дата обращения: 15.09.2016).

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ: УРОВНИ, ИНСТИТУТЫ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье актуализируется проблема информационной открытости парламента, которая является одним из главных атрибутов демократической политической системы и необходимым условием легитимации политической власти. Политика информационной открытости парламента предполагает предоставление гражданам возможности доступа к информации о деятельности парламента, получения и распространения информации в сфере политико-властных отношений. В то же время современные парламента практически повсеместно подвергаются справедливой критике за закрытость их деятельности, нарушение прав граждан на доступ к информации о законотворчестве, невозможность для экспертов, структур гражданского общества и самих граждан принимать участие в законотворческой деятельности. В статье анализируется сущность системы парламентской информационной открытости, исследуются основные условия и факторы ее эффективного функционирования. Особое внимание уделяется характеристике основных уровней, институтов и условий реализации информационной открытости парламента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парламентаризм, парламента, парламентская деятельность, информационная открытость, культура открытости.

Информационная открытость парламента является одним из главных атрибутов демократической политической системы. Она предполагает предоставление гражданам возможности доступа к информации о деятельности парламента, поиска, получения и распространения информации в сфере политико-властных отношений.

Анализ проблем информационной открытости парламента как базового элемента демократического общества предполагает выделение в ее структуре нескольких уровней.

Первый уровень связан с доступностью информации о деятельности парламентского учреждения. Доступность информации, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, о функционировании парламента для общества в социально-политическом смысле имеет огромное значение. Располагая достоверной информацией о деятельности парламента, электорат получает возможность для взвешенного выбора в период парламентских выборов и в меньшей степени подвергается влиянию политтехнологических манипуляций. Информационная открытость косвенно ставит под общественный контроль деятельность парламента, создает условия для адекватной оценки его работы со стороны общества.

Следующий уровень информационной открытости парламента характеризуется возможностью реализации гражданами своего права участия в процессе принятия решений. Наличие информации позволяет гражданам стать активными участниками политической жизни и принимать участие в обсуждении общественно значимых проблем. Осознанное участие населения в общественно-политической

жизни государства создает атмосферу ответственности каждого члена общества за принимаемые законы и гарантирует легитимность принимаемых решений.

Наконец, следующий уровень информационной открытости парламента связан с процедурными моментами принятия решений и их открытостью.

Парламентская информационная открытость, как уже упоминалось выше, предполагает доступность информации для граждан и создание условий для их вовлечения в парламентскую работу. В основу концепции информационной открытости парламента должно быть положено выполнение таких задач, как распространение культуры открытости, обеспечение прозрачности парламентской информации и ее доступности.

Культура открытости должна быть ориентирована на выполнение задач по поощрению участия граждан в парламентской деятельности, распространению знаний в сфере парламентаризма, предоставлению гражданам своевременной информации о деятельности парламентского учреждения.

Для внедрения культуры открытости и повышения у населения уровня знаний о парламентаризме в большинстве парламентов мира создаются информационные центры, проводятся дни открытых дверей и организуются различные мероприятия. Основная идея этих мероприятий заключается в организации непосредственного контакта с парламентариями и обеспечении физического доступа в здание парламента. Посредством этих мероприятий население получает информацию о парламенте и его деятельности. Так, например, в Австрии парламентский информационный центр имеет интерактивные информационные станции, где посетителям на конкретных примерах демонстрируют, как разрабатываются законы, там же имеются тесты для граждан, по которым можно проверить свои знания в сфере законотворчества и парламентской деятельности. Конгресс США также располагает огромным информационным центром, который вмещает выставочный зал, два информационных кинозала, где демонстрируются фильмы о Капитолии и двух палатах Конгресса. Только с марта по апрель 2009 г. Конгресс посещали 15,5 тыс. человек ежедневно. После открытия в 2008 г. центр принял 2,3 млн посетителей, что в два раза больше количества людей, приходивших в Капитолий в 2007 г. [7].

С того времени как ООН в 2008 г. учредила Международный день демократии, более 70 парламентов используют его как возможность установить контакты с гражданами, в особенности с молодежью. В честь празднования этого дня проводятся разнообразные мероприятия, начиная от самых скромных и заканчивая всеобщим проведением специальных занятий по демократии в школах, как делают, например, в Уругвае и Греции [6].

Особого внимания заслуживает опыт Канады, где функционирует Институт изучения парламентской демократии. Этот институт предлагает возможность профессионального развития для учителей и преподавателей средних школ и колледжей. Программа обучения предусматривает недельный курс изучения работы парламента изнутри. На занятиях с экспертами участники работают вместе, разрабатывая стратегии преподавания парламентской демократии, управления, прав и обязанностей гражданина [8].

Особое место в системе развития культуры информационной открытости занимают программы по просвещению молодежи относительно роли и цели парламента. С этой целью во многих странах мира функционируют молодежные парламента. Например, заседания молодежного парламента голландского Фолькетинга, норвежского «Mini Ting», исландского «Solathing» и шведского «Демократического семинара» стали виртуальными при наличии интерактивных компонентов, предназначенных для пробуждения интереса молодежи к парламентской деятельности [7]. Целью этих начинаний является вовлечение граждан в процесс обучения демократии в юном возрасте. Кроме того, в некоторых странах мира молодежные парламента являются ответом на возрастающий абсентеизм, а в ряде же стран вовлечение молодежи в политический процесс подчинено цели примирения охваченного конфликтами общества. Но во всех случаях существует осознание того, что молодежные парламента являются жизненно важными для развития демократии.

Парламентская информационная открытость предполагает обеспечение прозрачности и доступности парламентской информации. С этой целью парламент должен принять нормы, обеспечивающие публикацию и раскрытие парламентской информации о планировании заседаний, голосовании в комитетах, на пленарных заседаниях и парламентских дебатах и любую иную информацию, имеющую отношение к деятельности парламента. Кроме того, парламент должен предоставлять информацию о собственном управлении и администрировании так же, как и информацию о деловых связях членов парламента, их помощников, включая информацию об имуществе парламентариев, источниках дохода и потенциальных конфликтах интересов. В дополнение к вышесказанному парламент должен обеспечить публикацию протоколов заседаний комитетов и комиссий, стенограмм пленарных заседаний парламента, публичных отчетов и стенограмм парламентских слушаний, за исключением тех случаев, которые касаются вопросов, содержащих информацию о государственной тайне. Для обеспечения информационной открытости и создания атмосферы доверия к парламентскому учреждению периодически должны быть обнародованы и данные о поименном голосовании депутатов по важным социально-политическим и экономическим проблемам. Не должна оставаться без внимания общественности и информация о бюджете самого парламента. Вся эта информация должна быть доступна общественности в цельном виде, с обобщениями на доступном языке, разъяснениями или отчетами, помогающими гражданам в понимании информации.

Важнейшим каналом обеспечения открытости является привлечение граждан к разработке законов и их предварительному анализу. Проекты законов должны быть публичными и публиковаться сразу же после их представления. Признавая потребность граждан в полной информации о законопроекте и для получения отклика на рассматриваемые вопросы, парламент должен предоставлять общественности результаты предварительного парламентского анализа законопроектов. Так, в США существует практика обеспечения рабочими документами членов Палаты представителей только после того, как материалы будут предоставлены прессе и общественности [9, 66].

Главной проблемой в обеспечении взаимодействия парламента и общественности на стадии обсуждения законопроектов является поиск оптимальных форм и механизмов участия в данном процессе граждан. Обычно людей больше беспокоят проблемы и пути их решения, чем технические стороны этих процессов. Поэтому неудивительно, что наибольшую заинтересованность у них вызывают вопросы, затрагивающие их собственные интересы. В современном мире все большее количество граждан начинает более четко понимать и определять для себя приоритетные проблемы. Каналами реализации общественных интересов выступают гражданские проекты, ходатайства и референдумы, которые позволяют непарламентским организациям частично определять законодательную повестку дня.

Эти механизмы, среди которых немалое место занимают референдумы, в развитых странах мира все чаще применяются на практике. Так, в 2003 г. только в обществах США было зарегистрировано почти 10 тыс. референдумов. В 53 странах, включенных в исследовательский проект «World Values Survey» 2008 г., 41 % респондентов утверждали, что возможность граждан изменять законы с помощью референдумов является «очень важной характеристикой демократии». В восьми странах эта цифра превысила 60 %, и только в Малайзии, Нидерландах, Таиланде и Великобритании она опустилась ниже 20 % [4]. Как видим из приведенных данных, референдумы являются популярным механизмом участия народа в законотворческом процессе. Безусловно, они стали одним из важнейших инструментов реализации гражданами своего права участия в принятии решений, однако необходимо признать, что инструменты прямой демократии работают лучше всего, дополняя процесс представительства, а не заменяя его. Как сказано в международном руководстве Института демократии и поддержки избирательных систем, «механизмы прямой демократии и механизмы представительной демократии могут дополнять и улучшать друг друга, а не восприниматься как противоположные» [10].

В то же время необходимо отметить, что частое обращение к практике референдумов вызывает негативную ответную реакцию со стороны парламента и парламентариев. Вместо института референдумов они больше ориентируются на парламентские ходатайства, используя их как инструмент выражения общественных проблем. Многие парламента мира, например, парламента Австралии, Болгарии, Чехии, Германии, Индии, Словении и Южной Африки, имеют парламентские комитеты, которые занимаются получением, рассмотрением и реализацией общественных ходатайств. Однако уровень использования и влияния таких ходатайств во всех парламентах разный. Например, в германском Бундестаге с введением механизма интернет-ходатайств произошло значительное увеличение зарегистрированных ходатайств, а в парламентах стран Центральной и Восточной Европы доля таких ходатайств незначительна [2, 46]. Таким образом, эти факты демонстрируют противоречивость природы института ходатайства, имеющего прямую зависимость от уровня развития политической культуры и степени реализации в обществе основополагающих принципов демократии.

Ряд других парламента пытаются использовать механизмы участия как часть консультационных мероприятий. Например, в 2008 г. после экономического

кризиса в Исландии серия протестов завершилась уходом правительства в отставку. В ноябре 2009 г. группа сотрудников исследовательского центра «Муравейник» собрала 0,5 % всего населения на национальную конференцию, посвященную будущему страны [3]. В процессе волеизъявления «большая часть общественного внимания была направлена на тот факт, что Исландия никогда не имела настоящего демократического дискурса согласно ее Конституции» [Там же]. В ответ на это исландский парламент, альтинг, предпринял беспрецедентный шаг, приняв закон о создании Конституционного комитета, в обязанность которого входила организация Национального форума для обсуждения различных законопроектов. Исландский вариант парламентской открытости, как показывает практика, содействует прямому участию граждан в процессе улучшения парламентской деятельности.

В ряде парламентов мира широко распространенной является практика организации мониторинга парламентской деятельности. Например, Конгресс Аргентины сотрудничает с фондом «Юридическое содействие», который проводит мониторинг деятельности аргентинского парламента. Как считается, эта мера направлена на достижение парламентской открытости и пропаганды утверждения роли законодательной ветви власти в жизни общества [2, 47].

Таким образом, приведенные выше механизмы участия граждан в парламентской деятельности ориентированы на обеспечение информационной открытости и упрощение системы получения достоверной информации. Реализация этих механизмов на практике призвана убедить граждан в преимуществах участия в законодательном процессе и заверить их, что они имеют реальную возможность влиять на процесс принятия решений.

Несомненно, что парламент мог бы извлечь огромную пользу из механизмов участия граждан в нормотворческой деятельности, укрепляя свои центральные функции через обеспечение электронного доступа к парламентской информации и ее анализа с использованием новых технологий для создания постоянного диалога между гражданами и парламентами. Отмечая потенциал коммуникационных технологий, С. Коулман справедливо замечает, что «Интернет предоставляет возможность перейти от так называемой “мегафонной” политики, когда люди могут только слушать, к политике, основанной на двусторонней коммуникации и обсуждении» [5]. Однако факты свидетельствуют о том, что парламента в неполной мере используют данный потенциал интернет-технологий. Всемирный отчет организации «Электронный парламент» за 2010 г. отмечает, что 97 % парламента мира представлены во Всемирной сети, 91 % парламентских комитетов используют веб-сайты, чтобы сообщать информацию, и только 2 % используют их, чтобы работать с предложениями. Среди малоиспользуемых инноваций также можно обнаружить интернет-консультации по законодательному процессу, интернет-консультации по политике и онлайн-дискуссии [11].

Самое большое количество инноваций по части парламентской информационной открытости появляется в Латинской Америке. Например, в Боливии проект «Vota por tu parlamentario» позволяет гражданам оценивать деятельность парламента, а в Перу проект «Parlamento Virtual Peruano» предлагает информацию

о законодательном процессе, пропагандирует дебаты по законопроектам, находящимся на рассмотрении, и служит средством выражения общественного мнения. Точно так же чилийский проект «Senador Virtual» позволяет посетителям парламентского веб-сайта следить за подсчетом голосов по рассматриваемому законопроекту и отправлять предложения на рассмотрение комитетов. Веб-сайт бразильской Палаты представителей позволяет гражданам автоматически «следить» за отдельными членами парламента в разделе «Acompanhe seu Deputado», получая информационные сообщения об их деятельности [2, 99].

В Восточной Европе заслуживает особого внимания опыт Македонии, где реализуется проект «Электронный парламент». Один из его авторов, Я. Макрадули, отмечает, что парламентская ИКТ-стратегия (ИКТ – информационно-коммуникативные технологии) «охватывает весь законодательный процесс, включая автоматизацию работы руководства парламента, членов фракций и комитетов, заседаний и процесса задавания вопросов членам парламента. Система “Электронный парламент” также содержит общественный веб-портал, парламентское веб-телевидение, карточки показателей эффективности деятельности и ключевые показатели эффективности. Система “Электронный парламент” дает гражданам возможность участвовать в процессах представительной демократии. Система позволяет избирателям связываться с избранными представителями, чтобы проголосовать за или против рассматриваемого законопроекта или решения. Ускорение принятия решений и сокращение бюрократии – вот что может быть достигнуто с помощью информационных систем, которые предоставляют доступ к информации любому человеку, откуда угодно и с любого устройства» [Там же].

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что главной целью реализуемых проектов является предоставление гражданам доступа к процессу принятия решений, включая молодежь и членов групп меньшинств, которые не имеют большого интереса к политике и власти. Использование ИКТ обеспечивает постоянный диалог между обществом и властью. Однако здесь потребуются проведение разъяснительной работы среди населения, чтобы достижения новейших информационных технологий были приняты и усвоены обществом.

В завершение необходимо отметить, что максимальной прозрачности парламентской открытости можно достичь только путем повышения уровня политической культуры населения. Как отмечал В. Айхлер, «демократия невозможна без демократов, а демократы воспитываются только через политическое образование» [1, 114]. Трудно не согласиться с данным утверждением. Действительно, обеспечение парламентской открытости и подчинение парламента интересам народа невозможны без политической социализации граждан и формирования у населения демократической политической культуры.

---

1. Айхлер В. Демократия как лучшая и сложнейшая форма жизни общества. СПб., 1999.

2. Глобальный парламентский отчет: Изменяющийся характер парламентского представительства. Ташкент, 2012.

3. *Зигмундоттир А.* Технически подкованная Исландия — онлайн для обсуждения новой конституции [Электронный ресурс]. URL: http://www.usatoday.com/money/world/2011-06-12-Iceland-constitution-online_n.htm (дата обращения: 10.08.2016).
4. Исследование мировых ценностей. 2011 (World Values Survey, 2011) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAalyzeStudy> (дата обращения: 10.08.2016).
5. *Коулман С.* Выборы, при которых голосующие могут отстранять от должности должностное лицо [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/briefings/snpc-05089.pdf> (дата обращения: 10.08.2016).
6. Межпарламентский союз. 2011а. База данных PARLINE по Национальным парламентам. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp> (дата обращения: 10.08.2016).
7. Общество «Хансард». Аудит политического взаимодействия-2010 [Электронный ресурс]. URL: www.hansardsociety.org.uk/blogs/parliament_ (дата обращения: 10.08.2016).
8. Общество «Хансард»: Уроки из зарубежья: Как парламенты по всему миру взаимодействуют с общественностью. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipu.org/splz-e/asgp10/UK.pdf> (дата обращения: 10.08.2016).
9. *Шадрин А. Е.* Направления и параметры российской административной реформы // *Политика*. 2003. № 4. С. 59–71.
10. Direct Democracy: The International IDEA Handbook, Stockholm: International IDEA. 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.idea.int/resources/analysis/> (accessed: 10.08.2016).
11. World e-Parliament Report — 2010 [Electronic resource]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan> (accessed: 10.08.2016).

Рукопись поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

УДК 323.1(5-11) + 341.231

А. С. Исаков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС

Статья посвящена анализу концептуального генезиса политической модернизации в странах исламского Востока. Исследование базируется на методологии, предполагающей выделение и анализ трех основных форм политической модернизации: турецкой, египетской и иранской. Каждая форма описывается по следующим параметрам: причины возникновения потребности в модернизации, источник политических изменений, основной актор реализации изменений, основные изменения в ходе политической модернизации, долгосрочные последствия данных изменений, современная актуальность и хронологические рамки формы политической модернизации. Автор полагает, что волнения в мусульманском мире, так называемая «арабская весна», стали следствием неэффективности проведения политической модернизации и отсутствия ее четких институциональных моделей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая модернизация, «арабская весна», страны исламского Востока, исламская революция, Турция, Египет, Иран.

Актуальные изменения на Ближнем Востоке ставят ряд академических вопросов о том, каким будет политическое будущее государств региона и как

изменится политический дискурс в рамках всей исламской уммы. События «арабской весны», череда волнений и революций в мусульманских странах показали неэффективность многих режимов, демонстрируя отсутствие в них способности к динамическим изменениям и адаптации к актуальным вызовам современности.

Нивелирование возникшего кризиса и достижение поступательного развития самого института государства, обеспечение воспроизводства политической системы возможно только при масштабных политических изменениях. Совокупность данных изменений, реализуемая на институциональном уровне и имеющая концептуальный характер, представляет собой политическую модернизацию проектного и антикризисного характера.

Классическое понимание политической модернизации можно свести к следующему определению: политическая модернизация — это «синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений» [12, 170]. В качестве такой шкалы представляется тот исторический путь, который был пройден государствами, достигшими наибольшего благополучия в современном мире.

Подобный универсалистский подход также предполагает, что для ускорения производимых изменений нет необходимости проходить эквивалентный исторический путь выбранной за эталон общественно-политического развития страны, необходимой является институциональная рецепция общепринятых политической ценностей и практик, а также стремление к их освоению социумом. Цивилизационные и культурные различия при этом могут игнорироваться. Так, концепция политической модернизации Самюэля Хантингтона, являющаяся эвристическим фундаментом для универсалистских проектов, предполагает следующие составляющие шкалы улучшений: рационализация власти, дифференциация структур и рост политической активности населения [10, 127].

Стоит заметить, что именно реализация данных принципов стала источником для революционного движения и привела к дестабилизации региона. На сегодняшний день отсутствуют универсальные подходы и решения, применение которых способствовало бы нормализации политического развития в нестабильном регионе Ближнего Востока. Традиционные догматические институциональные концепции политической модернизации, предлагаемые в качестве идеала общественно-политического развития, не способны удовлетворить утилитарные нужды политических режимов. Это позволяет констатировать концептуальный кризис идей политической модернизации, вынуждающий режимы искать собственные аутентичные модели. Зачастую в результате этого появляются затяжные конфликты, обремененные вооруженным противостоянием. Примерами таких конфликтов могут служить Йемен, Ливия, Ирак, Сирия.

Основным критерием успешной политической трансформации в условиях современности является не имплементация конкретной теории, а адаптация определенного успешного опыта исторического развития. В странах исламского Востока данный исторический опыт также связывается с религиозными практиками, которые являются источником социально-политических изменений и способом их легитимации. Это делает актуальным обращение к исторической

ретроспективе реализации политической модернизации в мусульманском мире — анализ наиболее видных концепций и академическое конструирование общего генезиса политической модернизации. На основании этого можно понять качественное состояние дискурса политической модернизации, содержащего в себе концептуальную аксиологическую основу для любых политических изменений.

Основной интерес представляют концепции политической модернизации, оказавшие влияние на развитие мусульманского мира в долгосрочной перспективе. Их анализ и интерпретация возможны по следующим направлениям: причины возникновения, идейные источники, основные акторы, основные политические изменения, долгосрочные последствия реализации концепции политической модернизации и ее современная актуальность. Компаративный анализ данных показателей у разных исторических моделей политической модернизации приводится в таблице.

Формирование непосредственной потребности в политической модернизации неизменно связано с геополитическими катаклизмами, приводящими к радикальному изменению баланса сил. В случае с исламским Востоком это имело место на рубеже X–XIII вв., а именно в эпоху Крестовых походов. Следствием политической модернизации становится начало затяжной социальной, экономической и культурной деградации, в свою очередь, приводящей к деформации политического пространства. Изменившийся баланс сил привел к окончанию так называемого «золотого века ислама», основными характеристиками которого было культурное, военное и научное превосходство восточной исламской политики, олицетворяемой халифатом и иными значимыми государственными образованиями.

Окончательный упадок и закрепление подчиненного положения происходят при формировании колониальной системы, когда большинство исповедующих ислам народов попали в зависимость от той или иной европейской метрополии. Исключение составила Османская империя, последовательно пытавшаяся занять место в «европейском концерте». Однако после Первой мировой войны возникает риск раздела государства согласно сферам влияния держав-победительниц.

Именно тогда формируется потребность в институциональной концепции политической модернизации, эффективное претворение которой становится критерием выживания государства. До этого также было несколько попыток провести реформы, имевшие цель вернуть исламскому миру конкурентоспособность. Авторами наиболее значимых концепций были ханбалитский теолог Ибн Таймийя и его последователь Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб. Их идеи оказали значимое влияние на исламскую религиозно-политическую мысль, но касались исключительно Аравийского региона и не сформировали универсальных концепций политической модернизации, применимых в качестве идеала общественного развития.

Автором именно такой концепции в Турции стал отец-основатель государства Мустафа Кемаль Ататюрк. Перед ним стояла задача сохранения турецкой государственности, возникшей в результате стимулируемого извне распада Османской империи. Так как страна в военном и экономическом плане проиграла странам

Запада, то их опыт исторического развития был воспринят в качестве трансцендентного идеала. Опыт собственного исторического развития был ревизионистски оценен как несоответствующий вызовам современного мира.

Основные формы политической модернизации в странах исламского Востока

Параметры	Формы политической модернизации		
	Турецкая	Египетская	Иранская
Причины потребности в политической модернизации	Поражение Турции в Первой мировой войне, экономическая отсталость, обострение национального вопроса	Поражение в войне с Израилем (1948–1949), бедность, коррупция, постколониализм	Попытка вестернизации, высокий уровень различия в доходах, репрессии в отношении духовенства
Источник политических изменений	Европейский опыт	Социалистический опыт	Шиитская концепция «велеят-е факих»
Основной актор	Турецкие националисты	Египетская армия	Шиитское духовенство
Основные изменения	Возникновение национального турецкого государства, вестернизация, латинизация языка, секуляризация, экономическая модернизация	Упразднение монархии, национализация крупного капитала (в том числе Суэцкого канала), курс на панарабизм и арабский социализм, экономическая модернизация	Создание Исламской Республики, упразднение монархии, «культурная революция», окончательная национализация нефтяной промышленности
Долгосрочные последствия	Создание европейского государства, светский характер управления, ориентация на вступление в ЕС	Закрепление в статусе регионального лидера, стабилизация политического развития	Создание модели стабильного шиитского государства, закрепление в статусе регионального лидера
Современная актуальность	Низкая (неактуальна после прихода к власти ПСР)	Средняя (актуальна в измененном виде)	Высокая (воспроизводится в Иране, существуют попытки экспорта)
Хронологические рамки	1923–2016	1952 — настоящее время (искл. 1970–1981 и 2011–2014)	1978 — настоящее время

Принципом нового государства стал отказ от монархических теократических традиций государственной власти, являющихся несостоятельными: в 1922 г. был упразднен султанат, в 1924 — халифат. В 1925 г. попали под запрет дервишские

ордена и реализована новая система образования, опиравшаяся на европейские светские традиции. В 1926 г. турецкие женщины получают равные права с мужчинами, что закрепляет принятие новых уголовного и гражданского кодексов, а в 1928 г. проведена реформа турецкого языка, в результате которой перешли с арабской на латинскую письменность, созданную на основе латинского языка, религия была официально отделена от государства. Несмотря на то что данные изменения принято считать секуляризацией, де-факто мусульманское духовенство не было отчуждено от государственной вертикали, оно было в нее интегрировано: муфтии получили статус государственных служащих, а содержание их проповедей согласовывалось с органами государственной власти.

Кроме того, происламские силы не были полностью отстранены от власти, достигнутый в ходе демократических преобразований плюрализм допускал участие умеренных исламистов в политической системе при условии признания ими светского характера государства. «Турецкая модель» тем самым, представляется синтезом двух на первый взгляд несоотносимых друг с другом явлений — модернизации и секуляризации государства, с одной стороны, и ислама, допущенного благодаря созданной в результате модернизации и либерализации конкурентной политической системы к управлению страной, с другой» [8, 119].

Показателем особых взаимоотношений государства и религии может служить сам факт возможности прихода к власти в современной Турции происламской Партии справедливости и развития. Также интересной является роль мечетей при попытке военного переворота в 2016 г., когда призывы к гражданам защищать конституционный строй были озвучены с минаретов.

Конкретный анализ турецкой концепции политической модернизации можно представить следующим образом. Для компаративного сравнения модель приведена в таблице.

Основной причиной возникновения потребности в политической модернизации служит необходимость сохранения турецкого государства как суверенного политического актора на международной арене в границах ареала проживания этнических турок. Угроза утраты данного статуса возникла после подписания Северского мирного договора, де-факто подразумевавшего раздел государства. Данное политическое решение стало возможным из-за экономической отсталости и обострения национальных противоречий в самой империи.

Основным источником политических преобразований послужил передовой европейский опыт. Мустафа Кемаль предполагал экстенсивную реализацию вестернистских преобразований, способных в краткий исторический период уменьшить уровень дивергенции между Турцией и странами-лидерами мирового развития. Впоследствии институционально закрепляется вектор на интеграцию государства в европейскую семью, кульминативным выражением чего стала заявка Турции на вступление в ЕС в 1987 г.

Основным актором, способствовавшим воплощению турецкой формы политической модернизации, являлись национально-ориентированные слои турецкого населения, обычно обозначаемые как «кемалисты». Быстрые темпы этногенеза турецкого населения были вызваны кризисом имперской формы османской

государственности, а его политизация имела агональный характер, воспроизводимый за счет противопоставления националистически настроенной молодежи активизировавшимся меньшинствам: грекам, армянам и курдам. Основными целями кемалистов являлись создание национального турецкого государства и его защита. Значимую роль в данном процессе сыграла армия, призванная нивелировать влияние происламских сил, которые потенциально были способны реализовать идеологический откат.

Основными изменениями в рамках турецкой формы политической модернизации являются возникновение Турции как субъекта международного права, масштабная вестернизация, переход языка с арабской вязи на латиницу, секуляризация и модернизация экономики. Попытки кардинально пересмотреть результаты реформ Ататюрка и приоритеты развития страны неоднократно нивелировались в ходе военных переворотов.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в создании полноценного светского европейского государства, что доказывает его ключевая роль в таких региональных форматах, как ОБСЭ, Совет Европы, НАТО и т. п. Однако неудовлетворенные амбиции по вступлению в ЕС постепенно снизили популярность европейского вектора. На сегодняшний день большее предпочтение отдается аутентичным идеям и концепциям, основой для которых является ислам. «Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты» [11, 250].

Таким образом, актуальность данной формы политической модернизации в современном мире является низкой и находится под вопросом. С ее помощью были решены необходимые исторические задачи, современное руководство страны в лице Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития бросило вызов устоявшемуся консенсусу политической системы касательно преемственности идеям кемализма: национализму, светскому характеру государства и европейскому вектору развития.

Фундамент взятого на исламизацию курса зиждется на переосмыслении отброшенного Ататюрком исторического опыта Османской империи. За новым политическим курсом, основанным на исторических аналогиях, закрепляется название «неоосманизм». Он предполагает региональное лидерство Турции, основанное на превосходстве в экономическом, социальном и культурном развитии. «Неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством “мягкой силы”, за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [1, 74]. Использование османского наследия для продвижения страны на международной арене подтверждается самими турецкими исследователями [13, 25–44]. В основном этот процесс затрагивает тюркские страны, имея в перспективе арабскую ойкумену. «Внешне сложившаяся в Турции ситуация достаточно привлекательна для арабских исламистов, которые склонны видеть в Анкаре “модель” для своего развития» [8, 130].

При этом демократические традиции обуславливают существование концептуального плюрализма и в отношении того, каким должен быть политический ислам. Единая ранее идеологическая платформа на сегодняшний день разделилась между внутренними концепциями, продвигаемыми самим Эрдоганом и Ахметом Давутоглу, и внешней альтернативой в лице идеолога турецкого гуманитарного воздействия Фетхуллага Гюлена. Если для правящей элиты ислам является способом решения утилитарных проблем внешней политики, экономики и консолидации политической элиты, то для Гюлена и его последователей религия — главный инструмент преобразования турецкого государства и его превращения в новую Османскую империю, колыбель тюркизма и ислама; также «в отличие от сторонника президентской республики Эрдогана Гюлен является сторонником теократии иранского типа» [5, 74].

Расхождение вариантов реконцептуализации современного политического развития Турции вкупе с повышением авторитета и популярности Гюлена позволили Эрдогану объявить его виновником неудавшегося военного переворота в июле 2016 г. Основным результатом попытки переворота является увеличение власти и популярности президента, осуществляющего реставрацию османского наследия. Это позволяет сделать вывод о том, что историческая турецкая форма политической модернизации, разработанная и воплощенная Ататюрком, более не существует.

В разное время такие государства, как Алжир, Тунис, Египет, Марокко, Иордания, Иран и др., производили реформы, руководствуясь турецким опытом. Данный вариант политической модернизации может также иметь насильственный характер, что происходит при включении страны-реципиента в сферу влияния одной из мировых держав или в процессе прямой военной интервенции с ее стороны.

Историческая альтернатива апробированной в Турции вестернизации как универсума политического развития мусульманской страны появилась вследствие эскалации холодной войны и интенсификации советского присутствия в Ближневосточном регионе. Для создания прочных политических связей с социалистическим блоком представлялась необходимой экстраполяция моделей политического развития, аффилированных с СССР.

Идейной основой такой экстраполяции служит переосмысление религиозной идеи абсолютной справедливости на предмет ее концептуального созвучия с теорией социализма. Кроме того, ориентация на советский блок потенциально могла позволить арабским странам достигнуть высококотируемого уровня социально-политического развития, не прибегая к интеграции с западными странами, экспансия со стороны которых традиционно рассматривается как основная причина упадка.

Первый опыт социалистических преобразований относят к 1956 г., когда президентом Египта Гамаль Абдель Насером была проведена национализация Суэцкого канала и провозглашены некоторые принципы социализма. Несмотря на то что основной причиной формирования вектора на просоветскую ориентацию являлись политические мотивы, необходимость защиты государства от англо-французской экспансии, в стране существовал запрос на закрепление нового институционального вектора развития, на политическую модернизацию.

Египетская форма политической модернизации концептуально предполагала ограничение личностных прав с акцентом на особой роли социума как гаранта сохранения истинно религиозной гегемонии и саморегулирования, обеспечивающего сохранение единства уммы. Вера здесь выступает гарантом социальной справедливости, что является фундаментальной основой социально-политической доктрины ислама. «Иными словами, ислам служил идеологическим подкреплением проводимых реформ, а не фундаментом для преобразования народного хозяйства той или иной страны в соответствии с принципами шариата. Во многом это был осознанный выбор: просоветски настроенные лидеры арабских государств меньше всего хотели исламизации как в экономике, так и в других сферах общественных отношений» [3, 16].

Тематический репертуар социальных, политических и экономических преобразований был выбран соответствующий [9, 412]. В стране были ликвидированы крупная сельскохозяйственная собственность, крупный капитал, возросла доля мелкой собственности. И если ранее основной капитал был ориентирован на внешние страны, то выкристаллизованная Насером прослойка мелких собственников была абсолютно национально ориентированной. Кроме того, возросла политическая роль работников сельского хозяйства, им предоставили возможности создавать различные объединения. Увеличились роль кооперативов и участие рабочих в управлении компаниями. Законодательно закрепилось право на всеобщее бесплатное образование, в идеологическом пространстве велась антиколониальная пропаганда, направленная на дискредитацию эксплуататоров.

Общий масштаб конъюнктурных изменений не привел к тотальному реформированию государства, но установил для его развития новые цели, а за общей концепцией закрепилось наименование «арабский социализм». Модернистская составляющая арабского социализма предполагала рецепцию положений материнской советской модели общественно-политического развития, за исключением необходимости атеизма. Религия в мусульманском обществе традиционно играла значимую роль, и без апелляции к канонам ислама воплощение политических изменений представлялось невозможным. При этом отмечается, что «единой экономической концепции арабские социалисты так и не выработали. Понятие “арабский социализм” могло включать в себя разного рода экономические теории: от научного социализма (минус диалектический материализм) до концепций, основанных на идеях социалистов-утопистов. Как правило, ислам здесь служил лишь способом легитимации этих теорий» [3, 15].

Особый акцент делался также на национальной повестке. Если в СССР была предпринята попытка создания новой советской культуры, то национальная составляющая в Египте была выдвинута на передний план. Это привело к неоднократным попыткам объединения нескольких стран, Египта и Сирии, Египта и Ливии, с последующим созданием Объединенной Арабской Республики. Таким образом, «идея арабского социализма была основана на национализме и стала своего рода наследницей идеи панарабизма» [2, 182].

Конкретный анализ египетской формы политической модернизации может быть представлен следующим образом.

Основной причиной появления потребности в политической модернизации в Египте служит его поражение в войне с Израилем 1948–1949 гг. Оно усугублялось социально-экономическим состоянием страны — коррупцией и крайне высоким уровнем бедности, особенно в среде сельского населения — феллахов. В экономическом плане катализатором выступило нарастание постколониальной экспансии со стороны английского и французского капитала, в особенности контроль за главной транспортной артерией страны — Суэцким каналом.

Основным источником изменений послужил передовой опыт развития социалистических стран. Однако, несмотря на концептуальную близость, говорить о полной рецепции и преобразовании Египта по советскому образцу не приходится: данная форма модернизации отличалась высоким уровнем автохтонных черт, основной из которых являлся акцент на религии и национализм.

Важнейшим актором реализации египетской формы политической модернизации является армия, в частности, средний командный состав, идеологически объединенный в группу «Свободные офицеры». Этим же объясняется стремление к экстенсивной модернизации вооруженных сил как приоритет развития государства с последующим реваншем в отношениях с Государством Израиль.

Основные изменения заключаются в упразднении монархии и провозглашении республики, в том числе с попытками создания ирредентистских проектов вроде Объединенной Арабской Республики, национализации крупных капиталов и изменения социально-экономической структуры населения. Проводимые реформы способствовали появлению мелких собственников и их дальнейшей коллективизации, также характерны высокий уровень урбанизации и частичное стирание классовых различий. Экономическая повестка включала в себя экстенсивную индустриализацию.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в закреплении за Египтом статуса регионального лидера и образовании им собственного лимитрофа из ориентированных на социализм мусульманских стран. Также претворение политической модернизации позволило сформировать стабильный политический режим, способный к динамичному воспроизведению собственных качественных характеристик.

Актуальность египетской формы политической модернизации в современном мире может быть оценена как средняя. Попытки переосмыслить опыт реформ Гамаль Абдель Насера были предприняты его преемником Анваром Садатом. Курс нового президента и его однозначная ориентация на страны Запада не были популярны среди населения, что привело к его убийству в 1981 г. Пришедший после этого к власти Хосни Мубарак отчасти продолжил насеровский курс, однако избегал излишнего сближения с советским лагерем, а после распада СССР провел в Египте множество качественных реформ, при том что главной проблемой страны и ее модернизации стал религиозный фундаментализм, приведший к кризису и окончательному упразднению данной формы в ходе событий «арабской весны».

Нынешний президент Абдул-Фаттах Ас-Сиси условно может считаться преемником Мубарака и насеровских идеалов. Тем не менее окончательную характеристику его политического курса не позволяет дать вынужденный акцент

на сохранении государства и противодействии религиозному экстремизму, появление и популяризация которого отчасти являются побочным эффектом данной формы модернизации. «Панарабизм... суживал сферу действия исламской исключительности и “исторической миссии ислама” рамками арабского региона. Но, являясь разновидностью “укрупненного” национализма, враждебно был встречен панисламистами» [4, 11]. Структурная декомпозиция данной формы политической модернизации в компаративных целях также представлена в таблице.

На сегодняшний день можно констатировать, что былой статус безусловного регионального лидера Египтом был утрачен, вакантную сферу влияния последовательно пытаются занять Саудовская Аравия и Турция, а в сфере взаимодействия с шиитскими общинами — Иран. Проекты социалистических преобразований, основой для которых послужил египетский опыт, в разное время проводились в Ливии, Алжире, Южном Йемене, Ираке, Египте, Сирии. Также отдельные черты именно египетской модели лежали в основе политической модернизации в Сомали [3, 16] во время правления Сиада Барре (1969–1991), результатом чего стал фактический распад государства.

Условия биполярного мира ключевым образом повлияли на формирование постколониальной исламской идентичности и основные векторы политического развития стран исламской восточной политики. Однако турецкая форма политической модернизации, имевшая своим источником вестернизацию, стала восприниматься многими мусульманскими обществами как деструктивная для религиозных ценностей. Предложенная Египтом социалистическая альтернатива лишь усугубила противоречия между региональным национализмом и панисламистским представлением о мироустройстве. Наличие подобного противоречия обуславливает возникновение внутрисистемного аутентичного варианта модернизации. Данный вариант заключается в институционализации политического ислама и придании его идеям концептуального характера.

Подобная форма предполагает противопоставление исламизма капиталистическим и социалистическим ценностям, разрушающим традиционное мусульманское общество. Политическим реципиентом новой формы становится Иран, управляемый династией Пехлеви.

Правитель государства в 1925–1941 гг. Реза-шах был однозначным поклонником реформ Мустафы Кемале, согласно социально-политическим взглядам которого проводилась политическая модернизация Ирана. Преемственность этих идей сохранил его сын Мохаммед Реза Пехлеви, правивший в 1941–1979 гг.; его реформы коснулись принципов землевладения, в Иране установился авторитарный режим, в стране осуществлялась пропаганда европейской культуры и ценностей. Проводимый им государственный курс не соответствовал нормам ислама и игнорировал позицию шиитского духовенства, имевшего значимый авторитет среди населения. При этом возраставшее недовольство населения сдерживалось репрессивным аппаратом.

Соразмерно росту напряжения в обществе набирали силу и исламистские силы, побудившие народ на свержение власти в 1978 г. Неформальными лидерами протеста стали видные представители муджахидов — верхушки шиитского

духовенства. «Главной причиной антишахской революции стало единство самых разных социальных сил, в колоссальной степени пострадавших от модернизации в аграрном секторе и на какое-то время сплотившихся вокруг духовенства» [6, 85].

Исламская революция — следствие неудач в управлении государством и неэффективной экономической политики. Возможность для возникновения собственной исламской формы политической модернизации обусловлена отказом учитывать культурные особенности проживающих в Иране мусульман при проведении политических реформ.

Следствием революции стало формирование новой модернистской альтернативы, основой которой служит аутентичный опыт развития исламской уммы. Были полностью упразднены принципы светского государства. Произошло полномасштабное прекращение вестернизации, спровоцировавшее рост фундаментализма. Авангардом новой общественной системы стало исламское духовенство, лидером которого был Рухолла Мусави Хомейни. Первостепенным направлением политики преобразований иранской формы модернизации становится создание качественно новой политической системы и вертикали государственного управления, основанных на религиозном каноне шиитского направления в исламе.

Главенствующую роль в новой системе получает Рахбар, верховный глава Ирана — факих, учитель, опекающий народ. Светскую власть представляют президент, премьер-министр и парламент — меджлис. Подчеркивается теократичный характер самого государства, а значит, позиции светских властей вторичны и находятся в подчиненном положении. Такое «правление является политическим идеалом нации единоверцев и единомышленников, в котором целомудренные имамы выносят фетвы исполнения исламских установлений» [7, 199].

Поскольку основным инструментом легитимации политической власти в шиитском исламе является наследственность Пророку, была выстроена уникальная система легитимации политических институтов, основанная на идее, что до появления его наследника, «имаме века» или «сокрытого имама», управление государством должно осуществляться высшим духовенством. Данная концепция была разработана и предложена в качестве идеологического фундамента созданной после революции 1978–1979 гг. Исламской Республики великим аятоллой Рухолой Хомейни и получила название «веляят-е факих». В свою очередь, эта концепция является переосмыслением применяемого в шиитском обществе одноименного исламского принципа, предполагающего передачу под опеку духовенства наименее социально защищенных слоев населения. «В большей части шиитской истории Ирана “веляят-е факих” легализовывал временную опеку представителей духовенства над ограниченной частью населения: больными, сиротами и другими социально уязвимыми членами общества, незащищенными государством» [14, 27].

Таким образом, сложившаяся система предполагает, что управленческие функции осуществляются республиканскими институтами, а духовенство определяет основные векторы социально-политического развития. Иным значимым наследием исламской революции стало возрастание политической активности

населения, за счет которой обеспечивается легитимность харизматического и рационально-легального порядка всем политическим институтам. Такая система управления резко отличается от соответствующих политических механизмов в суннитских странах, где существует историческая возможность использования иных механизмов управления, заложенных традициями и иницируемыми электоральными процедурами.

Конкретный анализ иранской формы политической модернизации может быть представлен следующим образом.

Основными причинами возникновения потребности в политической модернизации в Иране послужила попытка всесторонней вестернизации, в том числе секуляризации, традиционного шиитского общества. Ситуацию в обществе усугубляла неблагоприятная экономическая обстановка: высокий уровень различия доходов, бедность. Наиболее доходные отрасли промышленности, такие как нефтедобыча, являлись собственностью иностранных компаний. В отношении агрегирующего народное недовольство представителей духовенства применялись репрессии, что также способствовало радикализации протестных настроений.

Основным источником изменений послужил аутентичный исламский опыт, представленный в виде переосмысления шиитской концепции «велеят-е факих». В большей степени данное действие имело реакционный характер и идеологически противопоставлялось влиянию как США, так и СССР, а значит, как турецкой, так и египетской формам политической модернизации.

Основным актором реализации иранской формы выступило шиитское духовенство. Его представители заняли все ведущие управленческие посты, а от первоначальной попытки союза со светскими силами, в послереволюционный период представленными первым президентом Исламской Республики Иран Абольшасаном Банисадром, впоследствии отказались, а ему самому пришлось покинуть страну.

Основные изменения заключались в упразднении монархической формы правления и создании Исламской Республики, предполагавшей принципиально новую структуру управления страной. За политическими изменениями последовали преобразования также в экономической и социальной сферах: проведение окончательной национализации нефтяной и других значимых областей промышленности, сочетание рыночных и плановых методов ведения экономической деятельности в зависимости от региональных особенностей, системные социальные изменения, получившие название «культурная революция», имевшие цель нивелировать культурное влияние Запада и пропаганду традиционных мусульманских ценностей.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в создании функционирующей модели Исламской Республики. Это позволило сформировать работающий механизм передачи политической власти, а также обеспечить реализацию внутреннего потенциала развития страны. Это вывело Иран на позицию регионального лидера, способного противостоять наиболее влиятельным странам, а также противостоять Саудовской

Аравии и Турции, наращивая свою сферу влияния среди шиитских общин в суннитских государствах.

Актуальность данной формы политической модернизации в современном мире может быть оценена как высокая. Это доказывает крайняя жизнеспособность Исламской Республики как таковой. Несмотря на то что попытки экспортировать иранский опыт не увенчались успехом, его гуманитарное воздействие прослеживается во многих странах исламского мира: в Сирии, Пакистане, Афганистане, Бахрейне, Азербайджане, Ираке, Саудовской Аравии, а в Йемене и Ливане существуют влиятельные политические силы, выступающие за полноценную рецепцию иранской формы политической модернизации. Компаративный анализ данной формы также представлен в таблице и соотнесен с турецкой и египетской формами.

Современный политический ландшафт Исламской Республики характеризуется высоким уровнем плюрализма. Поскольку в стране отсутствует традиционная партийная система, данный плюрализм локализуется в ряде внутренних политических фракций, агрегирующих идеи определенных социальных групп. Данные фракции являются неформальными, но тем не менее имеют высокий уровень внутренней организации и собственных лидеров. Это позволяет режиму сохранять высокий уровень адаптивности.

Наличие перспективных проектов экспорта, представляемых повесткой ливанской группировки «Хезболлах» и йеменской «Ансар Алла», вкупе с возрастающим влиянием и уровнем развития Ирана обеспечивает данной форме политической модернизации высокий уровень поддержки — как внутренний, так и зарубежный.

Нынешний президент Исламской Республики Хасан Роухани отказался от предшествующей показательной конфронтации с западными странами и делает акцент на сотрудничество. Следствием этого стало снятие большинства международных экономических санкций, а также укрепление позиций страны в качестве необходимого партнера по диалогу в урегулировании вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии. Также после начала российской военной операции в регионе Иран является ключевым партнером РФ.

Рассмотренные три формы — турецкая, египетская и иранская — составляют концептуальный генезис политической модернизации в странах исламского Востока. Любые современные концепции, формы и модели модернизации имеют гибридный характер и, как правило, основываются на опыте рассмотренных в статье стран. Выбор конкретного вектора политического развития обычно происходит под влиянием политических факторов.

Общей константой политического развития и политической модернизации как проектного формата является попытка реализации присущей мусульманской умме идеи об абсолютной справедливости. Актуальность данной идеи и необходимость ее реализации на институциональном уровне обусловлена усугублением социально-экономического положения мусульман в мире.

Возникновение на данной почве религиозного экстремизма является абсолютизацией потребности в абсолютной справедливости и носит кризисный характер. Кризис вызван отсутствием относительно универсальной концепции, потенциальная реализация которой в институциональном векторе политического развития

была бы способна эффективно интегрировать мусульманское государство в международную систему и улучшить социально-экономическое положение его граждан.

Отсюда следует, что истоки религиозного экстремизма и террора, как его максимального проявления, лежат в области проблемы обеспечения благополучия мусульманской уммы. Террор не направлен против каких-либо конкретных государств или стран Запада в целом, он является способом решения политических задач и своей конечной целью имеет изменение баланса сил в мировом масштабе.

Единственным способом профилактики использования религии в политических целях являются светские концепции модернизации. Появление концепций такого рода возможно в результате сочетания заинтересованности внешних акторов и актуализации внутреннего потенциала стран исламского Востока. В данной же ситуации единственным ответом на рост социального неблагополучия является обращение к аутентичным механизмам мобилизации социума — религии и создание модернистских проектов на ее основе.

---

1. *Аватков В. А.* Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3(1645).

2. *Аллахкулиев М. Г.* Арабский социализм в контексте современной социально-политической ситуации в Египте // Власть. 2013. № 1.

3. *Беккин Р. И.* Исламские теории социально-экономического развития в мусульманском мире: сходства и различия // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2012. Сер. 5, № 4.

4. *Жданов Н. В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

5. *Замов Э. А.* Два пути политической мысли современной Турции // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 1(149).

6. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006.

7. *Манучихри А.* Политическая система Ирана. СПб., 2007.

8. *Сергеев В. М., Саруханян С. Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Ежегодник ИМИ. 2013. № 1(3).

9. *Фаязова С. С.* Сравнительный анализ социально-политических процессов в Египте и Марокко в контексте демократизации // Личность. Культура. Общество. 2006. № 4–6(44–45).

10. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

11. *Шлыков П. В.* Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты // Нации и национализм на мусульманском Востоке / под ред. В. Я. Белокреницкого, Н. Ю. Ульченко. М., 2015.

12. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

13. *Çelenk A. A.* Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case // International Journal of Turcologia. 2015. № 10.

14. *Nader A., Thaler D. E.* The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran. Santa Monica, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2016 г.

УДК 342.553(44) + 342.553(470)

М. Л. Лебедева**МЕСТНЫЙ УРОВЕНЬ ВЛАСТНОЙ ПРАКТИКИ ФРАНЦИИ**

Предметом исследования статьи является властная практика применения технологий управления политическими институтами местного уровня власти Французской Республики. В качестве объекта исследования выступают органы местного самоуправления современной Франции. Комплексное изучение всех аспектов организации местного самоуправления Франции позволило автору выделить возможные направления рецепции и совершенствования организации муниципальной власти в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: власть, практика, технологии, местное самоуправление.

Опыт создания и деятельности органов местного самоуправления, наработанный в мире, представляет интерес и реальную возможность разумной трансформации властных технологий организации муниципальных образований в России. Понимание природы местного самоуправления вызывает многочисленные дискуссии. Поднимается вопрос о возможности реорганизации основ управления на местах.

Согласно Конституции России принцип горизонтального разделения властей дополняется вертикальным делением на уровни: федеральный (центр), субъекты Федерации (регионы) и муниципальный (муниципальные образования). Поскольку местное самоуправление выделяется как уровень, оно обособлено от государственно-властного механизма. Приходится говорить о «публичной власти» и «власти государственной» как о разных категориях. Соответственно вертикальное разделение властей базируется на государственной децентрализации и на децентрализации, не носящей характер государственной, т. е. негосударственной [7, 6]. Вопрос соотношения уровней власти решается через согласование предметов ведения, полномочий и ответственности в рамках обеспечения реального единства власти [2, 226].

В отличие от органов государственного управления органы местного самоуправления не назначаются сверху, их система и структура определяются населением. Они не являются агентами правительства и других вышестоящих государственных органов, не включены в централизованную иерархическую систему, не отделены от населения [7, 14].

Система местного самоуправления занимает особое место в государстве в силу своей общественно-политической природы. В первую очередь система осуществляет связь между государством и населением. Поэтому институт местного самоуправления с одной стороны — институт власти, а с другой — общественный институт. Все основные признаки государства, такие как территория, население, публичная власть, являются характеристиками муниципального образования. Однако характер власти как таковой на различных уровнях неодинаков: государственная власть суверенна, а муниципальная власть подзаконна [Там же, 15].

Институт местного самоуправления в России рассматривается Р. Ф. Туровским с точки зрения модели «принципал — агент», которую автор считает наиболее релевантной для исследования современных тенденций государственно-муниципальных отношений. Автор приходит к выводу, что местное самоуправление не выполняет имманентные ему функции агента локального общества и вместо этого стало агентом государственной власти, как федеральной, так и региональной [9, 35].

Местное самоуправление в России является одним из самых неустойчивых политических институтов. Конституция РФ ликвидировала правовую основу интегрированной советской модели местного самоуправления, а также систему Советов как органов государственной власти в целом, теоретически создав при этом систему управления на местах, ранее не существовавшую в России [8, 27]. Более года осуществление местного самоуправления регламентировалось на федеральном уровне положениями Конституции РФ и нормами, содержащимися в указах президента РФ. За этим последовало формирование законодательной базы как в центре, так и в регионах. После введения системы прямых выборов главы региона сложилась уникальная ситуация утраты прямого административного подчинения нижестоящего руководителя вышестоящему. Другой особенностью российской модели местного самоуправления стал механический перевод федеральным законодательством всех субрегиональных территорий в разряд муниципальных образований при установлении запрета на соподчиненность друг другу [Там же, 29]. Процесс приспособления муниципального управления к меняющейся политической среде становится постоянным признаком политической системы современного развития.

В мировой практике сложилось два основных типа муниципальной организации: романский (континентальный) — формируется снизу, в силу прежде всего гражданской инициативы населения, и англосаксонский — строится сверху, под контролем государства.

Континентальная модель утвердилась в странах континентальной Европы, франкоязычных странах Африки, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Родоначальницей этой модели является Франция.

Особенностью модели региональной политики современной Франции является сочетание функций государственного управления на местах и функций местного самоуправления в органах власти [6, 286]. Представители государственной администрации наблюдают за деятельностью органов местного самоуправления при сохранении соподчиненности органов самоуправления различных уровней [4, 210–212].

Конституция Франции 1958 г. содержит раздел XII «Административно-территориальные образования», раскрывающий содержание системы местного самоуправления в республике [3, 127–132]. Она построена в соответствии с административно-территориальным делением. Цель такого деления государственной территории на определенные части — наиболее рациональное управление государством. В основе деления лежит удобство управления, естественно-географические и демографические факторы, национальный или этнический характер населения, особенности бытового уклада, религиозного характера, факторы экономического

характера и политической жизни. В соответствии с административно-территориальным делением строится и система органов управления этими единицами.

Первичной основой территориального устройства общества является территориальная система расселения, на базе которой формируется территориальное устройство любого общества. Поселение — это первичный элемент территориального устройства. Любое общество для удобства управления делит свою территорию на более крупные части — регионы (штаты, коммуны, районы и пр.), которые образуют региональную организацию общества.

Во Французской Республике сложилось административно-территориальное деление на коммуны, кантоны, округа, департаменты, регионы. Франция насчитывает 96 внутренних (в метрополии), 5 заморских департаментов и 5 заморских территорий (заморские департаменты, заморские территории, территории с особым статусом); статус автономии (территориальная общность) имеет Корсика (остров в Средиземном море).

Основы современной системы управления на местном уровне были заложены в период Французской буржуазной революции (1789–1799). В результате проведенных реформ управления были закреплены три принципа: централизация управления, унификация правового статуса и структуры местных властей, организация самоуправления путем выборов в местные органы власти в сочетании с постоянным контролем со стороны центра.

Регионы Франции, коммуны, департаменты, заморские территории объявлены Конституцией Франции (ст. 72) «территориальными сообществами» — социально-политическими образованиями, включающими население и органы власти [1]. Указанные территориальные единицы были наделены полномочиями формирования самостоятельного бюджета, отстаивания своих интересов в суде. Кроме того, был закреплен политический статус территориальных сообществ — «свободно управляются избранными советами», что сводится к возможности ими самостоятельно принимать решения в рамках общей компетенции [5, 116]. Подчеркнут также управленческий статус местных сообществ.

Правовую основу современного статуса местных органов власти Французской Республики составляют Конституция Французской Республики 1958 г.; Закон от 2 марта 1982 г. о правах и свободах коммун, департаментов, регионов; Закон от 7 января 1983 г. о распределении компетенций между государством и коммунами, департаментами и регионами; Закон от 6 января 1986 г. о выборах в региональный совет; Закон от 3 февраля 1992 г. о статусе местных депутатов; Закон от 6 февраля 1992 г. о территориальном управлении Республики; Закон от 21 февраля 1996 г. и др. [Там же].

Базовой единицей административно-территориального деления Франции, звеном, обеспечивающим представительство и присутствие государства на местах, являются департаменты. Департамент — это одновременно и административная единица, во главе которой стоит префект, представляющий государство и выступающий руководителем его разукрупненных служб на территории департамента, и автономный местный коллектив, управление которым осуществляет выборный орган — Генеральный (департаментский) совет, возглавляемый председателем.

На уровне местного самоуправления здесь действуют Генеральные советы — руководящие выборные органы департаментов. Выборы в него проходят по так называемым кантонам [11, 439]. Каждый кантон избирает в Генеральный совет одного представителя. Всего в настоящее время во Франции насчитывается 4039 кантонов. Генеральный совет управляет делами департамента, местным и междугородным транспортом, социальной и медицинской помощью малоимущим, департаментскими государственными службами, школьными делами, библиотеками. Он принимает бюджет на текущий финансовый год, может оказывать финансовую помощь предприятиям, испытывающим затруднения. Генеральный совет утверждает бюджет и договоры с другими департаментами о создании хозяйственных и иных объединений, определяет судьбу ассигнований, выделяемых центром, осуществляет опеку над общинами, избирает председателя совета и контролирует его деятельность.

Председатель Генерального совета является главой местной исполнительной власти. Он организует работу Совета и обеспечивает выполнение его решений, руководит всеми административными службами департамента и департаментской административной полицией, а также производит назначения на должности, создаваемые департаментом. Председатель Совета одновременно является главой представительного органа и главой администрации, что демонстрирует отсутствие четкого разделения властей. Он подготавливает и исполняет решения Совета, несет ответственность за управление департаментом, является распорядителем кредитов, а также главой административных и технических служб департамента.

На уровне департаментов правительством назначаются должностные лица — комиссары республики. Они контролируют деятельность территориальных подразделений министерств. Комиссар республики крупнейшего департамента в регионе является одновременно и комиссаром республики на уровне региона — региональным комиссаром республики, который контролирует уже функции территориальных подразделений министерств на уровне всего региона.

Низовой административно-территориальной единицей является коммуна (община). Статус коммун закреплен в Кодексе коммун. Это основа местного управления во Франции, ее старейшее территориальное образование (законодательство Франции закрепляет понятие коммуны с 1789 г.). В своем большинстве коммуны возникли из церковных приходов и крупных деревень, поэтому они носят старинные исторические названия. В 1884 г. была принята Коммунальная хартия, в которой подтверждена определенная самостоятельность коммуны. Законами о децентрализации от 2 марта и 22 июля 1982 г. муниципальный совет и мэр коммуны освобождаются от опеки со стороны префекта, являющегося представителем государственной власти в департаменте. Территориальные границы коммун определены государством. Современная Франция насчитывает 36 766 коммун. Все они имеют одинаковые полномочия, источники ресурсов и статус (за исключением Парижа, Лиона и Марселя).

Возглавляет коммуны выборный представительный орган — Муниципальный совет. Функциями Муниципального совета являются управление коммунальной собственностью, утверждение займов на покрытие расходов бюджета,

осуществление страховой политики, координация деятельности различных муниципальных служб. Все эти функции Совет может передать мэру, который в данном случае будет нести ответственность перед ним за их осуществление. Однако делегированные полномочия в любое время могут быть отозваны Советом.

Муниципальный совет избирает из своего состава мэра и его заместителей. Мэр является главой исполнительной власти коммуны и одновременно представителем центральной власти в коммуне. В качестве представителя государства мэры городских округов занимаются регистрацией актов гражданского состояния, выполняют функции представителя общей полиции, публикуют государственные законы и постановления, организуют выборы, удостоверяют подписи, составляют списки военнообязанных и организуют гражданскую оборону, осуществляют контроль над обязательным школьным обучением, выдают разрешение на застройку и пр. На практике исполнение многих указанных выше полномочий делегируются мэром представителям муниципальной администрации.

В городах Париже, Марселе и Лионе система местного самоуправления имеет некоторые особенности: кроме совета города имеются и советы городских районов; соответственно избираются мэры города и районов.

12 июля 1999 г. был принят закон о межкоммунальном сотрудничестве, в соответствии с которым коммуны часто образуют объединения в целях реализации хозяйственных задач и проектов. Предусмотрено три вида межкоммунальных объединений: сообщество коммун для сельских районов, сообщество поселений с численностью населения от 50 тыс., городское сообщество с численностью населения от 500 тыс. человек. Налицо согласованная политика в области экономического развития и обустройства территории, большая эффективность от реализации проектов, управления службами общего значения и пр.

Во Франции нет такого отграничения местного самоуправления от государственной системы управления, как в России [5, 287]. Первое направление в сфере совершенствования местного самоуправления в России — необходимость укрепления вертикали власти в стране. Следует взять за основу государственную теорию, согласно которой органы местного самоуправления признаются разновидностью государственных органов, реализующих функции государства на местном уровне [Там же]. Второе направление — осуществление государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления. Европейская хартия местного самоуправления закрепляет положение о том, что за органами местного самоуправления может быть установлен любой административный контроль вышестоящими органами власти не только с целью обеспечения законности и соблюдения конституционных принципов, но и с целью контроля над целесообразностью задач, выполнение которых поручено органам местного самоуправления [10]. Российское законодательство предполагает государственный контроль только за выполнением переданных полномочий [4, 210–214].

Необходимо учесть опыт создания, деятельности, применения властных технологий уровня местного самоуправления, наработанный в мире, в частности во Французской Республике, в рамках совершенствования сложившегося в России института местного самоуправления. Организованное соотношение

практики функционирования всех уровней государственного управления есть залог успешной деятельности государственной власти и укрепления вертикали управления «центр – регион».

---

1. Конституция Французской Республики : официальный сайт Конституционного совета Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/la-constitution-du-4-octobre-1958.5071.html> (дата обращения: 31.03.2016).

2. *Лебедева М. Л.* Компаративный анализ региональных аспектов политических процессов (Россия–Франция) // Наука и современность-2010 : сб. материалов VII Международ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2010.

3. *Лебедева М. Л.* Государственное регулирование территориального развития (на примере Французской Республики) // Экономические и правовые аспекты регионального развития: история и современность : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Елабуга, 2010.

4. *Лебедева М. Л.* Проблемы применения практики французского регионализма в России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3.

5. *Лебедева М. Л.* Французский регионализм: политико-правовое исследование // Бизнес в законе : Экономико-юрид. журн. 2015. № 2.

6. *Лебедева М. Л.* К вопросу о содержании региональной политики (Россия–Франция) // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6.

7. *Тимофеев Н. С.* Местное самоуправление – кризис развития или кризис идеи? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11 : Право. № 6.

8. *Тихонов Д. А.* Об эволюции политико-правового статуса местного самоуправления в постсоветской России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Политические науки. 2001. № 4.

9. *Туровский Р. Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2.

10. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ (ред. от 09.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 1999. 18 окт. № 42. Ст. 5005; Собрание законодательства РФ. 2009. 6 апр. № 14. Ст. 1576.

11. *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2008.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

УДК 329:019 + 329.8 + 323.213(676.2)

А. С. Чесноков

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КЕНИИ

Основное внимание в статье уделено анализу эволюции партийной и политической системы современной Кении, начиная с этапа, предшествовавшего обретению независимости от Великобритании, до настоящего времени. Подробно раскрывается ключевое значение этнического фактора в кенийской политике, в том числе через призму различных положений конституции страны. Анализируется переход Кении от однопартийного авторитарного режима при президентах Дж. Кениатте и Д. Мои к многопартийности и демократическому политическому процессу при президентах М. Кибакви и У. Кениатте. Раскрывается роль оппозиции в формировании современной политической системы Кении, а также показываются особенности кенийского партийного строительства. Подчеркивается исключительно высокое значение этнической мобилизации как в электоральном процессе, так и в функционировании основных государственных институтов. В завершение статьи дается характеристика текущей политической ситуации в стране.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кения, эволюция политической системы, политические партии, парламент, этнополитика, конституция, выборы.

Для полноценного понимания политического ландшафта современной Кении необходимо прежде всего иметь представление о некоторых демографических константах, которые начали оказывать влияние на протекающие в стране политические процессы еще в годы существования Колонии и Протектората Кения (с 1920 по 1963 г.), а после обретения страной независимости стали устойчивыми основаниями кенийской политики. Речь идет о колоссальном влиянии этнического и, в меньшей степени, религиозного факторов буквально на все проявления политической активности. Впрочем, как известно, это объективное обстоятельство характерно не только для кенийской политической жизни, но и вообще для всех стран, расположенных в Африке к югу от Сахары [15].

Последняя перепись населения в Кении была проведена в 1999 г., и с тех пор социально-политическая и этноконфессиональная ситуация в стране, разумеется, несколько изменилась, но отнюдь не кардинальным образом. Поэтому данные этой переписи [7] вполне отражают современные реалии. Согласно переписи в Кении насчитывается 42 этнические группы общей численностью 38,5 млн человек (к началу 2016 г. население страны достигло 45 млн человек). Наиболее многочисленными из них являются кикуйю (17 %), луйя (13 %), календжины (12 %), луо (10 %), камба (10 %), сомалийцы (6 %), кисии (5 %), миджикенда (5 %), меру (4 %), туркана (2,5 %) и масаи (2 %).

Следует сказать несколько слов еще о двух общинах, несмотря на их более чем скромную численность. Первая из них — индийская, составляющая менее 0,2 % населения Кении, но имеющая колоссальное влияние в экономической жизни страны. Потомкам переселенцев из Индии в Кении принадлежат крупнейшие торговые

сети, промышленные, строительные и инвестиционные компании. В Кении также функционирует значительное количество созданных и управляемых кенийскими индийцами религиозных, медицинских и образовательных учреждений, большая часть которых сконцентрирована в столице страны — г. Найроби. Вместе с тем из представителей индийской общины в политике участвуют лишь несколько десятков человек. Вторая община — кенийские граждане европейского и американского происхождения. Их общая численность составляет около 7,5 тыс. человек. Абсолютное большинство из них являются либо землевладельцами, либо хозяевами объектов гостиничного и туристического сектора. В политической жизни Кении они совершенно не участвуют и своего представительства ни на каком уровне не имеют.

В плане вероисповедания подавляющее большинство населения Кении — христиане (48 % — протестанты, 24 % — католики, 12 % — представители других направлений христианства, в том числе православные). Ислам исповедуют около 11 % населения, которое в силу исторических причин сконцентрировано на побережье Индийского океана, а также в северо-восточных регионах, граничащих с Сомали. Вместе с тем значительная часть кенийцев продолжает придерживаться патриархальных и анимистских традиций, при этом большее значение люди придают их общественно-политической, а не религиозной составляющей. Именно поэтому в Кении повсеместно распространены и имеют очень большой авторитет некоторые традиционные социальные институты: для большинства населения это советы старейшин своих этнических групп [5], а в мусульманской среде — шариатские суды кади.

Интересно отметить, что ст. 170 конституции Кении закрепляет существование в судебной системе мусульманских судов кади наравне со светскими судами. Впрочем, эти религиозные суды существовали в Кении еще в колониальную и даже доколониальную эпоху.

Большинство современных кенийских политических обозревателей уверены, и не без основания, в том, что представители крупнейших этнических групп — кикуйю, луйя, календжины, луо и камба, в совокупности составляющие около 2/3 населения страны, фактически доминируют в политической сфере, не только оттесняя всех остальных от процесса принятия наиболее существенных политических решений, но и превращая политику в поле межэтнического противостояния в борьбе за власть [4]. Современный кенийский политолог М. Нгуньи, анализируя итоги всеобщих выборов 2013 г., ввел в оборот понятие «тирания численности», подразумевая под этим тот очевидный, по его мнению, факт кенийской политической жизни, что избиратели практически всегда голосуют за кандидатов той же этнической группы, к которой принадлежат сами [17]. В этом смысле наибольшие шансы быть избранными в парламент Кении, а также на должность главы государства существуют у представителей наиболее многочисленных народностей Кении. Как считает М. Нгуньи, это правило справедливо как в отношении общегосударственных выборов, так и выборов, проводимых на местном уровне. О трайбализме как характерной и неотъемлемой черте кенийской политики местные аналитики говорят как о чем-то само собой разумеющемся, хотя и относятся к этому феномену по-разному [6, 8, 13, 16, 20].

Формально в действующей кенийской конституции в достаточной мере отражен демократический подход к регулированию в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений. Помимо фиксации недопустимости каких-либо ограничений в социально-экономической сфере по этническому и религиозному признаку основная закон содержит четкие императивы равенства всех граждан и в политической сфере. Так, например, партийные списки идущих на выборы партий должны отражать региональное и этническое разнообразие кенийского народа (ст. 90, п. с); партийные организации не могут основываться на религиозных, этнических или региональных принципах (ст. 91, п. а); парламент обязан принимать законы, поощряющие равное представительство всех этнических и иных меньшинств во всех сферах общественной жизни (ст. 100, п. d); персональный состав всех органов исполнительной власти должен отражать этнорегиональное разнообразие Кении (ст. 130, п. 2); условия поступления на государственную службу должны быть равными и одинаковыми для всех этнических групп (ст. 232, п. 1); наконец, в ст. 241, п. 4 и ст. 246, п. 4 зафиксирован принцип равного доступа представителей всех этнических групп на службу в Вооруженные силы и структуры МВД Кении.

В действительности уже то обстоятельство, что 13 статей конституции напрямую касаются темы установления равенства в этноконфессиональных отношениях, позволяет предположить, что именно она для Кении является одной из наиболее сложных и проблемных. Политическая эволюция Кении после достижения страной независимости, равно как и современный ее этап, подтверждает это в полной мере, что позволяет с высокой степенью уверенности, следуя известной классификации Г. Алмонда и С. Вербы, назвать политическую культуру кенийцев патриархальной [3].

Этнический фактор стал играть важную роль в кенийском политическом процессе еще в поздний колониальный период. Институциональная основа первой национальной кенийской политической партии — КАНУ (Кенийский африканский национальный союз) — была заложена в 1944 г., когда возник Кенийский африканский союз, сформированный представителями образованного чернокожего населения Колонии и Протектората Кения, которые выступали с критикой британского колониализма и ратовали за независимость. Тем не менее вплоть до 1957 г. прямые выборы в колониальный парламент, Законодательный совет, в стране отсутствовали, и черное население было представлено в нем лишь несколькими депутатами, назначенными губернатором.

Уже на этапе формирования КАНУ лидерство в организации фактически захватили представители народностей кикуйю и календжин. В 1947 г. КАНУ возглавил этнический кикуйю Дж. Кениатта, ставший в 1963 г., после обретения Кенией суверенитета, первым главой страны. В 1960 г. Кенийский африканский союз объединился с рядом других политических организаций, также выступавших за независимость, и возник КАНУ. В этом же году, в качестве политического противовеса КАНУ, возникла партия КАДУ (Кенийский африканский демократический союз), сформированная из числа представителей народностей календжин, масаи, туркана и самбуру. Однако вскоре (в 1964 г.) КАДУ самораспустился, а его члены

влились в КАНУ. Всего три года, с 1966 по 1969 г., просуществовала еще одна партия — Кенийский народный союз, которую возглавил один из старейшин народа луо — О. Одинга (занимал должность вице-президента Кении в 1964–1966 гг.). Таким образом, после 1969 г. и на протяжении двух последующих десятилетий КАНУ оставалась в Кении единственной политической партией, председатель которой избирался на безальтернативной основе президентом страны.

С именем О. Одинги, который симпатизировал Советскому Союзу и коммунистическим идеям, связана попытка объединить и возглавить кенийские просоциалистические силы. Не случайно после провозглашения независимости первыми Кению признали именно страны социалистического лагеря — ГДР, СССР и КНР. Однако после отставки О. Одинги президент Дж. Кениатта (1963–1978), а затем Д. Мои (1978–2002), поддерживая существование в стране довольно жесткого однопартийного режима, управляли Кенией строго в фарватере внешнеполитического курса Великобритании и США.

После провозглашения Кенией суверенитета Дж. Кениатта занял должность премьер-министра, которая просуществовала всего один год, поскольку «Конституцией независимости», принятой в 1963 г., предусматривалось создание президентской республики и соответственно учреждение должности президента взамен упраздняемой должности премьер-министра. Таким образом, Дж. Кениатта из премьера превратился в президента, поскольку президентские выборы 1964 г., а также в последующих 1969 и 1974 гг. происходили на безальтернативной основе: единственным кандидатом в президенты выдвигался бессменный председатель партии КАНУ Дж. Кениатта.

После смерти Дж. Кениатты в 1978 г. его преемником стал календжин Д. Мои (вице-президент в 1967–1978 гг.), избранный на пост главы КАНУ и поэтому автоматически занявший президентский пост. Так же как и его предшественник, он на безальтернативной основе в качестве председателя единственной правящей партии выигрывал выборы в 1979, 1983 и 1988 гг. Более того, в 1982 г. после подавления попытки государственного переворота Д. Мои добился внесения в действовавшую конституцию (принятую в 1969 г.) поправок, которые юридически закрепили де-факто уже давно сложившийся к тому времени однопартийный режим.

В начале 1990-х гг. Д. Мои начал постепенную либерализацию режима: в 1991 г. парламент исключил из конституции статью об однопартийности и почти сразу же в Кении возникло несколько новых партий. Поэтому выборы 1992 и 1997 гг. проходили уже на многопартийной основе. Несмотря на это, Д. Мои на обоих выборах получил более 40 % голосов избирателей, каждый раз сохраняя за собой пост президента. Разумеется, и КАНУ в обоих случаях по итогам голосования получила больше половины мест в парламенте, однако медленно, но верно ширились и представительство, и политическая активность оппозиционных партий. Этому способствовало то, что после 1997 г. широко развернулся процесс демократической ревизии законодательства в области политических прав и свобод, существовавшего еще с колониальных времен и носившего в сущности репрессивный характер.

В условиях уже развитой многопартийности проходили парламентские выборы 2002 г., на которых стремительно терявшая популярность КАНУ смогла

набрать всего 29 % голосов избирателей и получила лишь 64 депутатских мандата из 212. Более того, на проходивших одновременно президентских выборах почти с двукратным перевесом победил лидер демократической оппозиции кикуйю М. Кобаки (вице-президент Кении в 1978–1988 гг.), одержавший верх над кандидатом от КАНУ, также кикуйю, У. Кениаттой — сыном первого кенийского президента и протеже Д. Мои (62 % против 31 % голосов избирателей). После поражения 2002 г. партия оправиться уже не смогла и, будучи на грани раскола, не только не выставила своего кандидата на президентских выборах 2007 г., но и постепенно превратилась в карликовую партию, хотя в ее руководство в настоящее время входит Г. Мои, сын второго президента Кении Д. Мои, который, несмотря на свой 90-летний возраст, продолжает оставаться одной из наиболее авторитетных фигур кенийской политики.

После 2002 г. в Кении был запущен процесс конституционной реформы, в ходе которого представители кикуйю и луо, представленные соответственно М. Кобаки и Р. Одингой (сыном первого вице-президента Кении О. Одинги), одинаково уверенные в необходимости модернизации конституции 1969 г., попытались договориться о содержании нового основного закона страны, однако стояли они при этом на сильно различавшихся позициях. Кикуйю выступали за сохранение централизованного государства при сильной президентской власти, а луо настаивали на федерализации и распределении президентских полномочий между собственно президентом, премьер-министром (должность предлагалось восстановить) и парламентом. Такой расклад политических предпочтений обуславливался, конечно, не большей «демократичностью» одной этнической группы в сравнении с другой, а стремлением кикуйю закрепить достигнутые властные позиции после победы своего представителя на президентских выборах, в то время как луо рассчитывали на децентрализацию как способ противодействия доминированию кикуйю и календжинов в политической сфере. Несмотря на широкие общественные дебаты вокруг проекта новой конституции, на референдум 2005 г. все-таки был вынесен текст, в сущности сохранявший президентскую форму правления, однако 58 % кенийцев, принявших участие в голосовании, этот проект отвергли, что стало своего рода прологом к масштабному политическому кризису конца 2007 — начала 2008 г., охватившему Кению сразу после переизбрания М. Кобаки на президентский пост [2].

События, которые не просто оказали кардинальное трансформирующее воздействие на всю политическую жизнь тогдашней Кении, но и продолжают играть немаловажную роль в современном политическом процессе, произошли вскоре после того, как Избирательная комиссия Кении провозгласила М. Кобаки, набравшего 46 % голосов избирателей, победителем на президентских выборах 2007 г. Однако лидер оппозиции, луо Р. Одинга, набравший всего на 2 % меньше, счел результаты выборов сфальсифицированными и, при полной поддержке стран Запада, отказался их признать, заодно призвав своих сторонников к гражданскому неповиновению. Таким образом, с декабря 2007 по февраль 2008 г. страна оказалась охвачена межэтническими столкновениями, в результате которых около 1100 человек были убиты и порядка 650 тыс. стали вынужденными

переселенцами [18]. Характерно, что большая часть погибших принадлежала к этническим группам кикуйю и луо (по 25 %) и луйя и календжины (по 15 %), что свидетельствует не только о том, что эти народы составляют большинство населения Кении, но и о том, что именно их представители ведут ожесточенную схватку за власть в стране.

Этнополитический конфликт существенно осложнился неблагоприятной социально-экономической обстановкой. По данным ЮНИСЕФ, при уровне ВВП, составлявшем в 2015 г. около 60 млрд долларов США, 46 % населения Кении продолжало проживать за чертой бедности [19]. При этом в стране насчитывается порядка 8,5 тыс. долларовых миллионеров. Негативную роль сыграла и очередная вспышка многочисленных и постоянно тлеющих конфликтов между проживающими в центральной, северо-западной, западной и, отчасти, прибрежной частях страны племенами из-за доступа к дефицитным пастбищам и водным ресурсам под видом возвращения «земель предков». Масштабы погромов и столкновений оказались таковы, что в Кению примирять стороны прибыли председатель Африканского союза Дж. Куфуор, бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан и только что вступивший в эту должность Пан Ги Мун, при посредничестве которых М. Кобаки и Р. Одингга подписали Договор о национальном согласии и примирении, одним из главных пунктов которого стали возрождение поста премьер-министра и формирование коалиционного правительства.

Последствия так называемых поствыборных беспорядков оказались настолько значительными, что расследованием совершенных в это время преступлений в конце 2009 г. занялся Международный уголовный суд (МУС). В рамках «кенийского досье» были возбуждены дела против обвинявшихся в причастности к организации этих беспорядков тогдашних вице-премьера кикуйю У. Кениатты и бывшего функционера партии КАНУ календжина У. Руто (которые после выборов 2013 г. заняли должности соответственно президента и вице-президента Кении). В результате проведенного расследования МУС не смог собрать доказательств виновности обоих и был вынужден снять обвинения — в декабре 2014 г. с У. Кениатты, а в апреле 2016 г. с У. Руто.

В рамках инициированного в 2008 г. процесса примирения противоборствующих этнополитических коалиций был заново запущен диалог по реформированию конституции, который на этот раз благополучно завершился принятием новой конституции на референдуме 2010 г. За новый проект конституции на одной стороне выступили как кикуйю, так и луо, луйя и камба, а противниками стали календжины Д. Мои и У. Руто, что в итоге отразилось на результатах референдума: хотя проект нового основного закона и был поддержан в целом 68 % принявших участие в голосовании кенийцев и получил большинство голосов в семи из восьми тогдашних провинций Кении, в регионе Рифтовой долины, где большинство составляют календжины, против проекта проголосовали почти 2/3 избирателей.

Частью Договора о национальном согласии и примирении, отражавшей достигнутый между соперничающими этнополитическими группами компромисс, стало восстановление должности премьер-министра, на которую был назначен Р. Одингга. Эта должность просуществовала с 2008 по 2013 г. и была упразднена

одновременно со всеобщими выборами 2013 г., проведенными в соответствии с новой конституцией. Таким образом, в 2008–2013 гг. страна находилась под коалиционным управлением двух главных этнополитических блоков, «рассадивших» своих представителей на ключевые государственные посты: президент — кикуйю М. Кобаки, вице-президент — камба К. Мусиока, премьер-министр — луо Р. Одингга и два вице-преьера — кикуйю У. Кениатта и луйя М. Мудавади.

На президентских выборах 2013 г. победу одержал У. Кениатта, набравший 50,5 % голосов избирателей [1]. Лишившийся поста премьер-министра и шанса на занятие президентского кресла Р. Одингга снова попытался взять реванш, но на этот раз безуспешно: Верховный суд Кении отказал ему в удовлетворении иска о пересмотре итогов выборов, и массовых выступлений в свою поддержку ему также организовать не удалось. На этом попытки лидера оппозиции оспорить победу У. Кениатты не закончились: к концу 2015 г. возглавляемая Р. Одинггой коалиция собрала почти 1,5 млн подписей в поддержку инициативы проведения общенационального референдума, целью которого является внесение изменений в статьи конституции, касающиеся финансирования региональных органов власти, деятельности Избирательной комиссии, обеспечения безопасности на местном уровне. Однако особенности современной этнополитической ситуации в Кении таковы, что изменение конституции привело бы не к повышению эффективности функционирования соответствующих институтов, а к углублению и без того существующего раскола страны по этническому признаку. После того как в марте 2016 г. кенийский избирком признал часть подписей фальшивыми и отказал оппозиции в инициировании референдума, в апреле 2016 г. Р. Одингге удалось вывести своих сторонников на улицы в городах Найроби и Кисуму (административный центр одноименного округа, являющегося одним из региональных оплотов оппозиции, поскольку абсолютное большинство его жителей — луо), где они попытались штурмом взять офисы избирательной комиссии, но не преуспели в этом, — атаки протестующих были отбиты лояльными президенту специальными полицейскими подразделениями.

Конституция 2010 г. содержала еще одно весьма важное новшество, которое было направлено на уравнивание политического представительства различных этнических групп — однопалатный парламент становился двухпалатным. Согласно конституции 1963 г. Кения имела двухпалатный парламент, состоявший из верхней палаты — Сената и нижней — Национальной ассамблеи. Однако в 1966 г. верхняя палата была упразднена, а ее состав объединен с нижней палатой. В таком виде кенийский парламент просуществовал до 2013 г., когда после всеобщих выборов Сенат снова стал его верхней палатой.

Конституцией установлено, что срок полномочий депутатов обеих палат составляет 5 лет, т. е. столько же, сколько и у президента страны. В настоящее время в Сенате заседают 67 человек: 47 сенаторов избираются от соответствующего количества административно-территориальных единиц, еще 20 сенаторов назначаются представленными в Сенате партиями, пропорционально размеру их фракций, из них должно быть 16 женщин, 2 человека должны представлять молодежь и еще 2 человека должны быть лицами с ограниченными возможностями.

В Национальной ассамблее 349 мест. На них 290 депутатов избираются от одномандатных избирательных округов, формируемых в границах 47 административно-территориальных образований. Дополнительно избираются 47 женщин (по одной от каждого административно-территориального округа). Еще 12 депутатов назначаются партиями пропорционально размерам их фракций.

В настоящее время 44,7 % мест в Сенате — за пропрезидентской «Юбилейной коалицией» и 41,8 % — за оппозиционной «Коалицией за реформы и демократию» (КОРД), 9 % — за коалицией «Амани». Еще три места заняты представителями других партий. В Национальной ассамблее 47,8 % мест у «Юбилейной коалиции», 40,4 % — у КОРД, 6,8 % — у «Амани» и 17 мест занимают представители других партий.

На сегодняшний день в Кении зарегистрировано 59 партий, но в политической жизни участвуют лишь часть из них (так, в текущий 11-й созыв парламента только 21 партии удалось провести хотя бы одного своего кандидата). Необходимо при этом понимать специфику партий в контексте местных политических реалий. Они, как правило, состоят не из людей разных национальностей, разделяющих общие идеологические ценности, а, наоборот, из представителей преимущественно одной этнической группы, возглавляемой своим представителем, чьи идеологические позиции не столь важны для электората, сколь его этническое происхождение.

Поскольку ни у одной этнической группы в Кении нет решающего превосходства над другими в количественном отношении, сложилась практика формирования межэтнических союзов, из которых естественным образом складываются политические коалиции. Именно это и составляет главную особенность современной партийно-политической системы страны.

Рассмотрим кратко две ключевые этнополитические коалиции, которые состоят из партий, по большей части созданных на рубеже 2012–2013 гг. под всеобщие президентские и парламентские выборы, которые прошли в марте 2013 г. В правящую «Юбилейную коалицию» входят пять партий, состоящих из представителей народов кикуйю, календжин и меру (в совокупности это около 1/3 потенциальных избирателей). Лидерами блока являются президент Кении, кикуйю У. Кениатта и вице-президент календжин У. Руту. КОРД — это объединение 14 партий, представляющих народы луо, луйя и камба (также около 1/3 избирателей). Лидерами коалиции являются луо Р. Одинга, луйя М. Ветангула и камба К. Мусиока. Еще одной политической группировкой, хотя и сильно уступающей по численности и влиянию первым двум, но все же превышающей по возможностям другие партии, является коалиция «Амани», состоящая из трех партий, изначально объединившихся для поддержки представителя народа луйя М. Мудавади, баллотировавшегося в президенты.

Все остальные политические партии являются карликовыми и имеют узко-локальную поддержку в границах концентрации тех или иных малочисленных этнических общностей. Вместе с тем для обеих доминирующих этнополитических коалиций малые партии имеют очень большое значение, поскольку именно от них, а точнее от того, какую позицию займут лидеры этих партий, зависит увеличение

электоральной базы той или иной коалиции, а значит, и их победы на выборах разных уровней.

Имеется, впрочем, и еще один немаловажный нюанс: далеко не у всех кенийцев есть удостоверения личности [14], в основном это касается жителей провинциальных сельских территорий, а также весьма многочисленных городских трущоб. Дело в том, что гражданину для внесения в списки избирателей необходимо пройти предварительную регистрацию в территориальных органах Избирательной комиссии Кении, что невозможно без соответствующего документа. Таким образом, многие кенийцы, не имеющие документов и/или не зарегистрированные в списках избирателей, лишены возможности голосовать, — число таких «абсентеистов» по состоянию на конец 2015 г. превысило 8 млн человек. Конечно, нетрудно догадаться, что лидеры крупнейших партий, крайне заинтересованные в увеличении своего электората, базу которого составляет та или иная этническая группа, постоянно и целенаправленно ведут этническую мобилизацию не только в формате политической агитации, но и в формате поощрения к регистрации.

Заинтересованные в поддержке, но не заинтересованные в конкуренции обе доминирующие коалиции, в сущности, используют в своих интересах так называемый Фонд для политических партий, созданный еще в 2011 г. и формируемый из средств государственного бюджета. До настоящего времени право на финансирование из этого фонда имели партии, получившие 5 % голосов избирателей на последних парламентских выборах (данная мера изначально преследовала цель ликвидации «партий-однодневок», созданных под какого-либо конкретного человека, и соответственно поддержки массовых партий). Помимо этого, согласно действующему законодательству, партия должна иметь представительства не менее чем в 24 округах Кении, т. е. более чем в половине регионов. В результате после выборов 2013 г. оказалось, что на государственную поддержку могут претендовать лишь три партии: партия президента У. Кениатты «Национальный альянс», партия вице-президента У. Руто «Объединенная республиканская партия» и партия лидера оппозиции Р. Одингги «Оранжевое демократическое движение». В последнее время в парламенте идут дискуссии о необходимости смягчения условий финансирования с тем, чтобы доступ к нему имелся не только у крупных партий, однако тенденция к монополизму пока берет верх [11]. Это означает, что партийно-политическая сфера по-прежнему остается под контролем крупнейших этнических групп страны.

Этническая составляющая кенийской политики ярко проявляется не только в законодательной ветви власти, но и в исполнительной. По данным Кенийской комиссии по государственной службе [10], проведенное в 2014 г. обследование 168 министерств, комиссий, департаментов и агентств, входящих в структуру органов центральной государственной власти (это почти 95 тыс. человек), выявило, что 23 % мест занимают кикуйю, 13 % — календжины, 12 % — луйя, 11 % — камба, 10 % — луо, 7 % — кисии, 6 % — миджикенда и 4 % — меру. Прочие этнические группы представлены в гораздо меньшей степени. Сопоставление количества госслужащих определенной этнической группы с ее общей долей в населении страны позволяет сделать вывод, что народы кикуйю, календжин, кисии и миджикенда

представлены в несколько большей мере, чем того требовало бы правило строгого соблюдения пропорциональности. Народы камба, луо и меру представлены пропорционально их доле в населении Кении. В то же время представительства недостает луйя и масаи и особенно сомалийцам, которых на госслужбе в 3,5 раза меньше, чем в целом в населении Кении.

Результаты аналогичного обследования 2015 г. показали, что ситуация с доминированием в государственных учреждениях кикуйю, календжинов, луйя и камба практически не изменилась. По сравнению с предыдущим годом было отмечено лишь, что в представительстве несколько потеряли миджикенда, зато существенно прибавили луо, что, впрочем, общей картины не меняет [12]. Данные еще одного государственного ведомства, Комиссии по национальному сплочению и интеграции Кении, также свидетельствуют об укоренившейся традиции существования этнических преференций во властных институтах на местах: на сегодняшний день в 29 из 47 округов страны более 70 % служащих региональных органов власти рекрутируется из той этнической общины, которая составляет в соответствующем регионе большинство, что противоречит кенийскому законодательству [9].

В компетенцию Комиссии по национальному сплочению и интеграции, кроме прочего, входит и постоянный мониторинг этнической принадлежности кандидатов на занятие должностей государственной службы, проводимый с целью обеспечения наиболее взвешенного представительства в органах власти всех этнических групп Кении [21]. Это лишний раз подчеркивает не столько демократичность кенийской политики, сколько ее патриархальность в вопросах, касающихся этничности.

Подводя итоги, отметим, что политический процесс в Кении, в том числе электоральная его составляющая, а также все формы политического участия и представительства находятся в значительной зависимости от этнического фактора. Хотя такой вывод и может показаться парадоксальным, но сравнительно высокая степень демократичности и плюральности кенийской политики (по сравнению с большинством других африканских государств), в которой прочное место занимают достаточно развитая партийная система вкупе с независимыми СМИ и НПО, обусловлена тем, что политический ландшафт страны складывается из борьбы за власть нескольких крупных этнополитических коалиций, ни одна из которых ни в финансовом, ни в количественном отношении не сильна настолько, чтобы подавить своих конкурентов. Таким образом, трайбализм в Кении хотя и является своего рода двигателем политической конкуренции, но в конечном счете препятствует становлению и укреплению единой кенийской нации.

Отличительной чертой кенийской партийно-политической системы является ее высокая динамичность. В Кении до настоящего времени не сложился институт политической партии как устойчивой организации, на протяжении длительного времени представляющей и последовательно продвигающей определенные идеологические ценности и приоритеты какой-либо социальной группы. Напротив, в кенийской политике партия — это, как правило, создаваемая под фигуру определенного политика структура, которая либо моноэтнична по своему составу, либо опирается на базу (электорат), состоящую из представителей определенной

этнической группы. Приоритеты деятельности таких партий целиком определяются их руководителями, авторитет и лидерство которых не оспариваются рядовыми членами, исходя из текущей политической конъюнктуры. В этом смысле кенийские партии, будучи, по существу, личными политическими проектами того или иного этнического лидера, постоянно появляются и исчезают.

Учитывая, что в одиночку такие партии на электоральный успех в масштабах страны претендовать не могут, самое обычное явление в процессе партийного строительства — это периодическое формирование и распад партийных коалиций, в том числе и таких, в которых или непримиримые противники становятся под одни знамена, или многолетние соратники «с треском» разрывают партнерство, если того требуют целесообразность политического момента и расчет на скорое извлечение политических дивидендов. «Перетасовка» партийного состава коалиций происходит последние два десятилетия регулярно — каждый раз в преддверии всеобщих выборов, очередное проведение которых намечено на 2017 г.

1. *Karandashova S. A.* Анализ результатов президентских и парламентских выборов 4 марта 2013 г. в Кении [Электронный ресурс]. URL: regional-science.ru/wp-content/uploads/2013/06/2013Kenya_Karandashova.pdf (дата обращения: 25.04.2016).
2. *Пускунова Н. И.* Кения: динамика этнического противостояния [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.mgimo.ru/news/experts/document243377.phtml> (дата обращения: 25.04.2016).
3. *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N. J., 1963.
4. *Githongo J.* Tribe and patronage: bitter fruit of the Gikuyu-Kalenjin union // The Star. 2016. Febr. 12.
5. *Kajikwa G.* Youth prefer councils of elders to courts, survey shows // The Standard. 2016. March 3.
6. *Kanyinga K.* National cohesion remains a dream // Sunday Nation. 2015. Jan. 18.
7. Kenya National Bureau of Statistics. Census 2009 Summary of Results [Electronic resource]. URL: http://www.knbs.or.ke/index.php?option=com_content&view=category&id=112&itemid=638 (accessed: 25.04.2016).
8. *Kiai M.* To safeguard his legacy, Uhuru must write a different script on tribalism // Saturday Nation. 2015. Jan. 17.
9. *Kivisu H.* Ethnicity devolved to counties // People Daily. 2015. May 5.
10. *Maina S.* Revealed: how ethnic groups share public jobs // Daily Nation. 2015. Jan. 8.
11. *Mathenge O.* Big parties block small parties from getting political funding // The Star. 2016. Apr. 21.
12. *Mbaka J.* Kikuyu, Kalenjin, Luo dominate state jobs // The Star. 2016. Febr. 12.
13. *Mutua M.* Tribal barons have lost much of their influence // The Standard. 2016. March 20.
14. *Okeyo V.* The politics of identity cards in Kenya, and how registration law promotes sour ethnic divisions // Daily Nation. 2015. Nov. 10.
15. *Onyango-Obbo Ch.* Looking at 50 years, scholars find it pays to have president from your tribe // Ibid. Jan. 29.
16. *Opalo K.* We need a policy to de-ethnicise our minds // The Standard. 2015. Jan. 10.
17. *Plato O.* Whether a professor of political science or a goat herder, a Kenyan always votes for his tribesman // The Star. 2015. May 2.
18. UN General Assembly. Human Rights Council. Nineteenth Session. Report of the Special Rapporteur on the human rights of internally displaced persons, Chaloka Beyani, on his mission

to Kenya (19–27 September 2011) [Electronic resource]. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/IDPersons/A.HRC.19.54.Add%20_en.pdf (accessed: 25.04.2016).

19. UNICEF Kenya. Kenya at a Glance [Electronic resource]. URL: http://www.unicef.org/kenya/overview_4616.html (accessed: 25.04.2016).

20. Wanga J. Tribalism more rampant now than before // Daily Nation. 2015. March 22.

21. Were C. Political factors key in market performance // Business Daily. 2015. January 19.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

УДК 342.518:327 + 327.8 + 327.33

Р. С. Мухаметов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИД РФ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена приоритетным областям сотрудничества российского внешнеполитического ведомства с некоммерческими неправительственными организациями (НКО). Автор выделяет пять главных направлений их взаимодействия. Много внимания уделено экспертно-аналитическому обеспечению и консультативному сопровождению российской внешней политики. Установлено, что МИД РФ привлекает НКО к реализации внешнеполитического курса страны. Автор полагает, что вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс призвано повысить эффективность и результативность внешней политики РФ.

Ключевые слова: общественная дипломатия, экспертная дипломатия, внешняя политика России, МИД РФ, некоммерческие организации, неправительственные организации.

В Концепции внешней политики Российской Федерации содержится тезис о необходимости широкого вовлечения институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс в целях повышения эффективности российской внешней политики. При подготовке внешнеполитических решений федеральные органы исполнительной власти на постоянной основе взаимодействуют с неправительственными организациями, экспертным и научным сообществом [3].

Как нам представляется, можно обозначить несколько направлений взаимодействия МИД РФ и некоммерческих неправительственных организаций.

Первое направление сотрудничества между российским внешнеполитическим ведомством и НКО — это информирование российских властей и общественности о международных и региональных проблемах, внешней и внутренней политике того или иного государства, межгосударственных отношениях Российской Федерации с той или иной страной. В этом плане некоммерческие неправительственные организации для МИД РФ являются источником ценной информации. Они передают лицам, принимающим внешнеполитические решения, информацию, которая дополняет, уточняет и верифицирует сведения, которые внешнеполитическое ведомство России имеет от своих посольств, консульств и представительств

за рубежом. Так, например, Институт стран СНГ имеет филиалы и представительства в Белоруссии (Минске), Киргизии (Бишкеке), Армении (Ереване), на Украине (Киеве) и т. д. Информационно-аналитическая работа Российского института стратегических исследований (РИСИ) ведется представителями института в Польше, Финляндии, Франции, а также постоянным представительством РИСИ в Сербии и аналитическим центром в Приднестровье. Некоммерческая организация «Институт Евразийских исследований» располагает филиалами в следующих странах: Азербайджан, Армения, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и др.

Второе направление — участие в формировании внешнеполитического курса страны через экспертно-аналитическое обеспечение и консультативное сопровождение российской внешней политики. Представители неправительственных некоммерческих организаций входят в общественные советы, экспертные рабочие группы при Министерстве иностранных дел, Россотрудничестве (Федеральном агентстве по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству), Совете безопасности РФ.

В частности, Научный совет при МИД РФ действует в целях проведения научной экспертизы актуальных вопросов российской внешней политики и международных отношений, вовлечения экспертного сообщества в процесс выработки оптимальных внешнеполитических решений. В состав совета входят руководители и эксперты профильных институтов РАН, руководители ряда ведущих российских научных институтов и аналитических центров, видные политологи.

Научный совет при СБ РФ образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения его деятельности [10]. В состав совета входят, например, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН А. А. Дынкин, директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ В. А. Мау, директор Института США и Канады РАН С. М. Рогов, директор Института Дальнего Востока РАН М. Л. Титаренко, научный руководитель фонда «Институт современного развития» И. Ю. Юргенс и др. [12].

Негосударственные аналитические центры оказывают влияние на выработку внешней политики страны через предоставление Администрации Президента РФ, палатам Федерального собрания, Совету безопасности, аппарату правительства, министерствам и ведомствам экспертных оценок, рекомендаций, информационно-аналитических материалов и т. д. Иными словами, выводы исследований, проведенных аналитическими центрами, могут учитываться при принятии внешнеполитических решений.

Среди авторитетных организаций в области внешней политики называют Центр политических исследований России (ПИР-Центр), Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Институт современного развития (ИНСОП), РИСИ и др.

Третье направление взаимодействия — участие в реализации внешнеполитического курса страны. Некоммерческие организации привлекаются МИД РФ на конкурсной основе к реализации различных внешнеполитических инициатив и проектов.

Российское внешнеполитическое ведомство оказывает поддержку НКО через фонд «Русский мир» и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Так, фонд «Русский мир» дает гранты на реализацию проектов, направленных на популяризацию русского языка и культуры и поддержку программ изучения русского языка. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, предоставляет гранты на реализацию проектов, направленных на оказание соотечественникам, проживающим за рубежом, методической, информационной, организационной, юридической помощи и материальной поддержки при защите их прав, свобод и законных интересов в странах проживания.

Можно обозначить следующие приоритеты деятельности отечественных НКО внешнеполитического характера.

Первый приоритет — популяризация в иностранных государствах русского языка и культуры. Как сказано в концептуальных документах, посвященных внешней политике РФ, российское культурное присутствие в зарубежье должно «способствовать утверждению за нашей страной достойного, сообразного ее истории, геополитическому положению, совокупной мощи и ресурсам места на мировой сцене» [9]. С точки зрения российского руководства, поддержка и продвижение русского языка за рубежом рассматриваются как средство формирования позитивного образа Российской Федерации, инструмент российского влияния в мире [4]. Российское культурное присутствие за рубежом должно создать условия для роста числа позитивно настроенных к современной России граждан других государств [5].

Вторым приоритетом является защита прав и законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом. Это обусловлено тем, что Российская Федерация считает данную задачу «своим моральным долгом». Глава внешнеполитического ведомства России Сергей Лавров отметил, что «Министерство иностранных дел и российские НКО ведут работу, нацеленную на то, чтобы соотечественники были равноправными гражданами в государствах проживания, сохраняли гарантированные права на свою этнокультурную самобытность, могли поддерживать связь с Отечеством, а при желании — вернуться на Родину» [14].

Министерство иностранных дел РФ придает большое значение задействованию потенциала российских НКО (главным образом правозащитных) в деле реагирования на острые и проблемные вопросы обеспечения законных прав и интересов соотечественников. Речь идет об объективной «оценке дискриминационных действий, предпринимаемых в отношении наших соотечественников в ряде государств, прежде всего на постсоветском пространстве» [Там же].

На этом треке большую роль играет Московский Фонд международного сотрудничества им. Юрия Долгорукого, который был создан в целях экономической, социальной и правовой помощи в деле соблюдения прав человека, равноправия и защиты законных интересов русскоязычного населения, проживающего в странах СНГ и Балтии.

Третьим приоритетом деятельности российских НКО выступает противодействие попыткам переписывания истории в зарубежных странах. Работа

по продвижению российских подходов по тем или иным спорным историческим темам является частью повседневной деятельности российского внешнеполитического ведомства; МИД РФ рассчитывает и на более активную вовлеченность в эту сферу научно-экспертного сообщества, общественных организаций и СМИ. По мнению Москвы, в ряде зарубежных стран наблюдаются примеры переписывания истории Второй мировой войны, которые выражаются в следующих формах:

- отрицание холокоста и преступлений против человечности;
- провокационные фальсификаторские заявления представителей политических элит ряда западных и восточноевропейских стран о причинах, ходе и итогах Второй мировой войны;
- принятие законодательных актов, в том числе на уровне конституций, которые уравнивают агрессию, военные преступления, преступления против человечности, совершенные нацистами, с политикой СССР;
- навешивание на ветеранов СССР, участвовавших в войне со странами оси, оскорбительных ярлыков преступников и агрессоров, возбуждение против них надуманных политизированных уголовных дел [8].

Следующим, четвертым, приоритетом общественной дипломатии является сопровождение развития связей с СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. Для России отношения с соседними странами, с государствами ближнего зарубежья имеют приоритетное значение. С точки зрения Москвы это продиктовано не пресловутыми «имперскими амбициями», которые страны Запада пытаются ей приписать. Национальные интересы России в ближнем зарубежье имеют также отнюдь не эмоциональную и не конъюнктурную окраску. Они основываются не на сиюминутных, прикладных или ведомственных задачах, а на постоянных приоритетах.

Можно выделить как геоэкономические интересы (продвижение интересов российского бизнеса, сотрудничество в сфере реализации крупных энергетических, инфраструктурных, промышленных проектов), так и геополитические приоритеты евразийской интеграции (повышение международного статуса государства, укрепление конкурентоспособности России по отношению к другим центрам силы в современном мире) [7].

Пятый приоритет — содействие распространению объективной информации о современной России и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения за рубежом. Москва заинтересована в распространении объективной информации о правах человека в стране; МИД РФ рассчитывает, что «НКО будут... противодействовать политизации этих дискуссий (о правах человека. — Р. М.) на площадках международных неправительственных организаций, будут помогать доносить объективную картину о положении с правами человека в России» [6]. По мнению Москвы, тема прав человека превращается некоторыми западными представителями в инструмент давления и продвижения своих политических интересов. Западные государства занимаются очернением положения дел с правами человека в России, а им следует обратить внимание на решение огромного массива своих проблем в области прав человека [1].

Наконец, приоритетом является и борьба с проявлениями неонацизма в отдельных странах Европы. Москва выделяет следующие формы выражения современного фашизма и нацизма:

- проведение неонацистских маршей, факельных шествий с демонстративным использованием нацистской символики, цитированием А. Гитлера и других теоретиков и деятелей нацизма;

- проведение при покровительстве, поддержке или попустительстве государственных органов власти акций ветеранов-нацистов, подчас в форме, с орденами и медалями, выданными им в награду за истребление мирных жителей и совершенные военные преступления во время Второй мировой войны;

- подчеркнутое оказание почестей нацистским преступникам — проведение торжественных церемоний их захоронения (порой с государственными почестями), поминальных церковных служб, молебнов и т. д.;

- возведение мемориалов легионерам «Ваффен-СС», в том числе на месте разрушаемых мемориалов советским воинам-освободителям;

- объявление днями траура дней освобождения от оккупации нацизма;

- стремительное увеличение количества организаций и группировок, преследующих цель продвижения идей нацизма, расового превосходства или ненависти [8].

Для российского внешнеполитического ведомства важно обеспечить весомое участие российских политологических центров, специализирующихся на международной проблематике, в формировании мирового общественного мнения по актуальной международной проблематике.

Четвертое направление взаимодействия МИД РФ и НКО — помощь российским некоммерческим организациям в получении консультативного статуса при Экономическом и социальном совете (ЭКОСОС) ООН. На данный момент лишь 64 организации имеют такой статус [13]. Некоммерческие организации, аккредитованные при ЭКОСОС, имеют право участвовать в ряде мероприятий, включая регулярные сессии ЭКОСОС, заседания функциональных комиссий и других подотчетных органов. Некоммерческие организации могут

- принимать участие в официальных встречах;

- подавать письменные заявления перед началом сессий;

- выступать с устными заявлениями;

- участвовать во встречах с официальными делегациями правительств и представителями НКО;

- организовывать и посещать параллельные мероприятия, проходящие во время сессий;

- участвовать в обсуждениях, интерактивных диалогах, панельных дискуссиях и неформальных встречах [2].

Пятое направление — обеспечение неформальных связей и каналов взаимодействия между странами. Переговоры, общение, консультации проходят не между официальными представителями государств (дипломатами), а между частными лицами (экспертами) и неправительственными организациями. Так, Евгений Примаков как руководитель негосударственной, некоммерческой организации

«Торгово-промышленная палата Российской Федерации» выполнял важные внешнеполитические поручения руководства страны, миротворческие и посреднические миссии. Например, за несколько дней до вторжения войск США и их союзников в Ирак Примаков летал в Багдад для встречи с иракским лидером Саддамом Хусейном (ему предлагалось добровольно уйти с поста президента Ирака, чтобы предотвратить войну) [11]. С 2007 по 2009 г. функционировала российско-американская рабочая группа «Россия — США. Взгляд в будущее», куда входили высокопоставленные бывшие министры, официальные лица и военачальники из России и США. С российской стороны эту группу возглавлял Евгений Примаков, с американской — бывший госсекретарь Генри Киссинджер. Цель группы состояла в ослаблении антагонистических аспектов российско-американских отношений, в поиске возможностей для развития сотрудничества, формирования позитивной повестки в российско-американских отношениях. В июне 2011 г. президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Кирсан Илюмжинов в статусе неформального представителя России встретился в Триполи с лидером ливийской революции Муаммаром Каддафи. В ноябре 2016 г. Владимир Жириновский встретился с президентом Турции Реджепом Эрдоганом. Все это является примером неформальных каналов взаимодействия между государствами, неофициального политического диалога.

Таким образом, во взаимоотношениях между властью и НКО внешнеполитического характера существует своего рода паритетное сотрудничество. Взаимодействие МИД России с НКО способствует обеспечению единой внешнеполитической линии страны, повышению согласованности и эффективности продвижения ее интересов на международной арене.

---

1. Выступление Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К. К. Долгова на слушаниях подкомитета Европейского парламента по правам человека «Права человека в России», Брюссель, 20 февраля 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/121098 (дата обращения: 12.12.2016).

2. Консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peacefond.ru/news/?id=918> (дата обращения: 12.12.2016).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1033095/#ixzz4S2bfPKOj> (дата обращения: 12.12.2016).

4. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 12.12.2016).

5. Концепция «Русская школа за рубежом» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=6238> (дата обращения: 12.12.2016).

6. Лавров: МИД готов помогать российским НКО получить консультативный статус при ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/3329826> (дата обращения: 12.12.2016).

7. Мухаметов Р. С. Причины создания Евразийского экономического союза: экономика или политика? // *Studia Humanitatis* : электрон. науч.-образоват. журн. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-prichiny-sozdaniya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ekonomika-ili-politika> (дата обращения: 23.07.2016).

8. Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права : доклад МИД России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/8bWtTfQKqtaS/content/id/1278647 (дата обращения: 23.07.2016).

9. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://lawgu.info/dok/2010/12/18/n36129.htm> (дата обращения: 12.12.2016).

10. Положение о Научном совете при Совете безопасности Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/53.html> (дата обращения: 12.12.2016).

11. Примаков: Путин предлагал Хусейну добровольную отставку [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/russia/2003/04/11/primakov/> (дата обращения: 12.12.2016).

12. Состав Научного совета при Совете безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/persons/sections/17/> (дата обращения: 12.12.2016).

13. Список российских неправительственных организаций, имеющих консультативный статус при ЭКОСОС ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/rossia-nepravitelstvennye-organizacii-i-oon/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/1953138 (дата обращения: 12.12.2016).

14. Тезисы выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций. Москва, 18 февраля 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/meropriatia-mid-rossii/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/262470 (дата обращения: 12.12.2016).

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2017 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7:551.58 + 551.588(063)

Ю. Ю. Ковалев
А. В. Степанов
А. С. Бурнасов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается эволюция климатической дипломатии в период 1992–2016 гг. Показаны особенности переговорного процесса на климатических конференциях (конференциях сторон), сложности формирования общей климатической политики. Характеризуются основные этапы развития механизмов международной защиты климата. Анализируются главные документы международной климатической дипломатии — Киотский протокол и Парижское соглашение. Подчеркивается роль крупных государств, группировок в формировании повестки дня конференций. Изучаются целевые, стратегические программы развития США, Германии, ЕС в рамках климатической парадигмы до 2050 г. Исследуется развитие климатического политического дискурса в России и его отражение в постановлениях правительства. Показана взаимосвязь между структурой экономики России и ее климатической дипломатией. Рассматриваются пути достижения климатических целей в России и в мире.

К л ю ч е в ы е с л о в а: климатическая дипломатия, конференция сторон, защита климата, парниковые газы, Киотский протокол, Рамочная конвенция по защите климата, Парижское соглашение, зеленая экономика, экологический императив.

Сегодня уже мало кто сомневается в реальности глобального изменения климата нашей планеты. Ежегодно фиксируемые температурные рекорды нагревания твердой поверхности Земли и вод подтверждают тезис о перманентном потеплении атмосферы. В докладе Межправительственной комиссии по изучению изменения климата (ИРСС) за 2014 г. названа главная причина глобального потепления — парниковые газы антропогенного происхождения [14]. Увеличение их концентрации в атмосфере фиксируется многочисленными метеорологическими службами стран мира, исследовательскими спутниками Земли НАСА, ЕСА (Carbon Observatory, CryoSat). За последние 300 лет (с 1700 по 7 ноября 2016 г.), согласно исследованиям Института Скриппа в США, концентрация CO₂ возросла

с 280 до более чем 402 ppm [1]. Особенно начиная с 1960-х гг. наблюдается резкое увеличение содержания углекислого газа в атмосфере. Его концентрация выросла с 1960 г. на 21,6 %. Многие исследователи связывают это с прогрессирующими процессами индустриализации, увеличения торговых и пассажирских перевозок между странами, интенсификации агропроизводства, которые повлекли за собой рост выбросов парниковых газов.

Действительно, хозяйственная деятельность человека является основным источником нарастания доли «искусственного» углерода в процессах его глобальной циркуляции. В период 1960–2014 гг. антропогенные выбросы CO₂ выросли в мире на 135 % (с 15 до 35,3 млрд т CO₂), а средняя температура воздуха Земли — более чем на 0,7 °C [27, 48]. Их неуклонное увеличение является дестабилизирующим фактором для всей современной глобальной экосистемы. Выводы доклада ИРСС указывают на то, что изменение климата Земли уже является реальностью. Мы все являемся очевидцами его экологических, социальных и экономических последствий. Его проявления многогранны: в отдельных регионах мира изменяются ритмичность и характер выпадаемых осадков, что ведет к опустыниванию местности, деградации хозяйственной деятельности человека. В других регионах, наоборот, экстремальная засуха, лесные пожары сменяются разрушительными ливнями, вызывающими катастрофические наводнения.

Ураганные штормы, тропические циклоны невиданной до сего времени силы ежегодно уносят тысячи человеческих жизней. Уровень Мирового океана повышается, грозя затопить целые государства в Океании. Все это обостряет социальные конфликты, перерастающие в локальные и региональные войны. По данным К. Ширмайера (Q. Schiermeier), возникновение 1/5 всех гражданских вооруженных конфликтов в мире в период 1950–2004 гг. было связано с нарушениями в циркуляции атмосферы Земли [30].

Исследователи Университета Рур видят основную причину развития политического конфликта в Сирии в сокращении количества выпадаемых осадков в зимнее время в период 1998–2010 гг. По данным метеорологов, они уменьшились в это время на 30 %, что повлекло за собой засухи и неурожаи. Обнищавшие массы сельского населения вынуждены были мигрировать в города, где их недовольство своим социальным положением и религиозный фундаментализм трансформировались в открытый конфликт с государственной властью [31]. Естественно, что сирийский конфликт имеет не только эту причину. Он комплексен, многогранен. Однако экологическая составляющая играет в нем огромную роль. При дальнейшем повышении температуры воздуха многие регионы нашей планеты (особенно аридные и семиаридные) превратятся в безжизненные пространства, что приведет к увеличению социальных конфликтов, количеству войн, массовой миграции, росту политической напряженности между странами и политическими блоками.

Проблема глобального изменения климата занимает сегодня одно из ключевых мест в международной политической повестке дня. Однако осмысление данной проблемы, ее оценка, ее движение к «центру» международного политического дискурса происходили в очень сложных условиях международных переговоров, консультаций, споров, отстаивания узких, эгоистичных, кратковременных

национальных интересов отдельными государствами, борьбы взглядов, идеологий, преодоления взаимного недоверия, стереотипов. Проблема изменения климата Земли породила климатическую дипломатию. Уже в 1979 г. на первой климатической конференции ООН в Женеве была принята первая программа действий по стабилизации климата. В 1988 г. при ООН была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC). С 1992 г. ежегодно в различных городах нашей планеты проводятся климатические конференции ООН, которые собирают представителей практически всех независимых государств мира.

Климатическая дипломатия превратилась в инструментарий принятия коллективных решений, поиска компромиссов, заключений, устраивающих все стороны переговоров. Как отмечает немецкий журналист Н. Раймер, «система климатической дипломатии — демократия в ее чистейшей форме. Ни один другой мультилатеральный процесс в мире никогда не содержал в себе столько демократических принципов. Каждое государство имеет один голос, все равно, имеет ли оно население в 1,3 млрд чел., как Китай, или 1,6 тыс. чел., как тихоокеанское островное государство Ниуэ. Каждая группа стран имеет доступ к переговорам и может контролировать деспотов, разоблачать партикулярные интересы, которые могут повлиять на принятие решений. Ни один другой процесс в истории человечества не протекал так транспарентно, как климатическая дипломатия под патронажем ООН. Ни один другой процесс в мире не имел таких широких возможностей влияния гражданского общества на правительства стран мира, как климатическая дипломатия» [29, 87]. Цель данной статьи — проследить эволюцию климатической дипломатии, формирование механизмов решения климатической проблемы в мире и определить роль России в данном процессе.

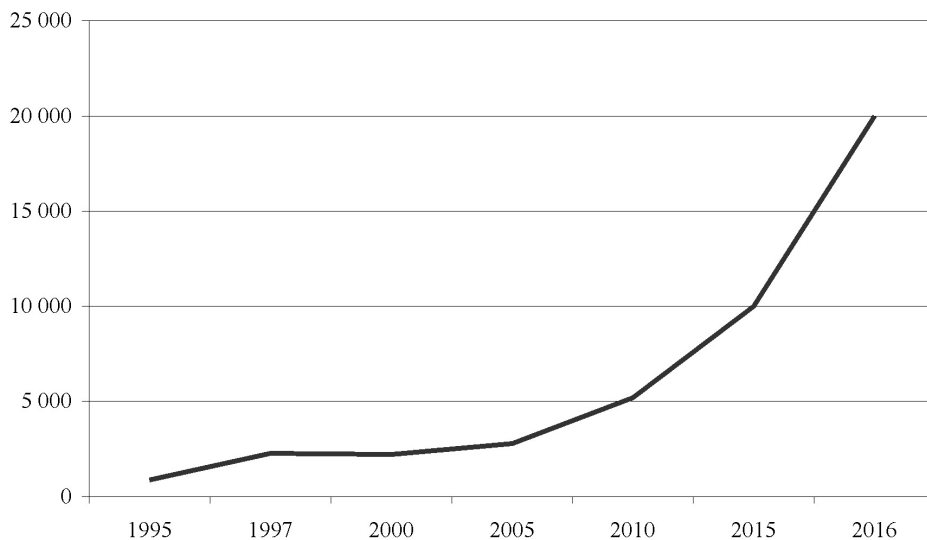
Эволюция климатической дипломатии: от Киотского протокола к Парижскому соглашению

Датой рождения климатической дипломатии считается 1992 г. В этот год на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция по защите климата нашей планеты (United Nations Framework Convention on Climate Change UNFCCC). В документе впервые отмечается, что нагревание атмосферы является предметом общей озабоченности для человечества [8]. Более 196 государств мира подписались под тезисом «защитить климатическую систему в интересах нынешнего и будущих поколений» [Там же]. В конвенции главными виновниками глобального изменения климата были названы развитые страны. Выбросы парниковых газов в результате более 200-летней истории индустриализации этих стран стали главной причиной сдвигов в глобальной экосистеме. Прогресс в повышении уровня жизни населения этих стран сопровождался регрессом и разрушением окружающей среды, в том числе и на глобальном уровне. Поэтому развитые страны должны помогать развивающимся в вопросе защиты климата. Для этого был предусмотрен финансовый, технологический, научный трансфер из стран «Севера» в государства «Юга». Кроме того, индустриально развитые страны должны стать мировым авангардом

в деле защиты климата, принять амбициозные программы, способствующие сокращению выбросов парниковых газов [8].

В статье 7 данной конвенции учреждается новая форма сотрудничества стран в области защиты климата — Конференция сторон (Conference of the Parties), или климатические конференции (COP). Цель данных конференций — «рассмотрение вопросов об осуществлении Конвенции и любых связанных с ней правовых документов, которые могут быть приняты Конференцией сторон»; конференция «выносит, в пределах своих полномочий, решения, необходимые для содействия эффективному осуществлению Конвенции» [Там же]. Для осуществления этой цели в документе обозначены основные задачи конференций.

В 1995 г. в Берлине состоялась первая климатическая конференция. С этого времени климатические конференции проводятся два раза в год в различных уголках нашей планеты. Как правило, цикл конференций начинается в развитых странах, потом переходит в государства Южной или Центральной Америки, затем — Африки, Азии, стран Восточной Европы и заканчивается снова в развитых государствах мира. К 1 декабря 2016 г. в мире было проведено 22 подобные конференции с практически постоянным ростом делегируемых странами представителей. На конференции в г. Марракеше в ноябре 2016 г. число участников превысило 20 тыс. человек (см. рисунок).

Источник: составлено авторами по [29].

Динамика численности представителей стран на конференциях ООН по климату в 1995–2016 гг.

Климатические конференции — одна из самых дискуссионных и эмоциональных совещательных площадок в структуре ООН. Климатическая проблема — глобальная проблема, и ее решение требует коллективных действий. Однако каждая

страна преследует и отстаивает свои узкие национальные интересы, будь то область экологии или экономики, иногда в ущерб общему долгосрочному развитию. Уже на первой конференции сторон (COP 1) в 1995 г. выявились со всей очевидностью явные противоречия в деле защиты климата между развитыми и развивающимися государствами, между группами островных государств (AOSIS) и нефтеэкспортирующими странами. Развивающиеся страны предлагали механизм принятия решений, в котором решения принимались, если за них положительно голосовали $\frac{3}{4}$ представителей стран. Нефтеэкспортирующие и индустриально развитые страны видели в этом «диктат» «бедного большинства» и были с этим не согласны. Кроме того, страны, чья экономика базировалась на нефтегазовых ресурсах, были категорически против всяких внешних ограничений на добычу и продажу этих ресурсов. И сегодня решения на климатических конференциях принимаются в форме консенсуса, когда они устраивают всех и нет качественных разногласий между странами [29].

Первый климатический договор был подписан 11 декабря 1997 г. в японском городе Киото. После 10 дней напряженных дискуссий страны пришли к согласию о принятии документа, который вошел в историю как Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Протокол предусматривал сокращение к 2012 г. выбросов парниковых газов (см. таблицу) в эквиваленте диоксида углерода в целом по миру на 5 % [2]. Однако это касалось только индустриально развитых стран и государств с так называемой переходной экономикой. Развивающиеся страны были освобождены от всех ограничений по эмиссиям парниковых газов. Страны Европейского союза обязались сократить свои выбросы на 8 %, США — на 7 %, Япония — на 6 % [Там же, 26]. России и Украине было предложено к 2012 г. оставаться на показателях уровня 1990 г. (к 1997 г. эмиссии CO_2 сократились в России на 30 % в результате свертывания промышленного производства) [16].

Крупным развивающимся странам (Китаю, Индии, Бразилии, Мексике, странам НИС) было разрешено увеличить выбросы парниковых газов. В Киотском протоколе учтено их «право на индустриальное развитие». Индустриализация рассматривалась в то время как решающий фактор в борьбе с бедностью и повышения благосостояния народов. Широкое промышленное производство во взаимосвязи с глобальной торговлей давало этим странам шанс достичь уровня социально-экономического развития государств Запада. В 1997 г. никто и не предполагал, что Китай и Индия станут к 2012 г. крупнейшими производителями парниковых газов в мире, а такие развивающиеся страны, как Индонезия, Бразилия, Иран, Мексика, Таиланд, войдут в первую двадцатку государств мира с наибольшими показателями выбросов CO_2 [Там же]. Поэтому опубликованный в 2007 г. Четвертый доклад Межправительственной комиссии по изучению изменения климата (IPCC) вызвал шок в дипломатических кругах. В нем утверждалось, что, несмотря на усилия отдельных стран мира, концентрация парниковых газов в атмосфере Земли не только не уменьшилась по сравнению с 1990 г., но, наоборот, возросла на 10 % [22].

**Обязательства отдельных государств
по сокращению парниковых газов к 2012 г. согласно Киотскому протоколу**

Страна	Обязательства по сокращению выбросов газов к 2012, % по отношению к 1990 г.	Итог выполнения
Австралия	+8	Ратифицирован в 2008 г. Не выполнен
ЕС	-8	Выполнен
США	-7	Не ратифицирован
Россия	0	Выполнен
Япония	-6	Выполнен
Канада	-8	Вышла в 2011 г.

Источник: [2].

Подписание Киотского протокола было первым крупным успехом международной климатической дипломатии. Однако главным препятствием на пути его реализации явилась ратификация обязательств стран через национальные парламенты. В Киотском протоколе было оговорено, что он вступает в силу, если будет ратифицирован не менее чем в 55 странах мира, на которые приходится не менее 55 % глобальных выбросов парниковых газов. Ратификация договора проходила очень медленно и болезненно. К декабрю 2000 г. он был ратифицирован лишь в 24 странах мира. Спорными вопросами оставались механизмы учета выбросов и поглощения парниковых газов, торговля лицензиями на эмиссии парниковых газов, развитие «чистых» технологий в развивающихся странах. Эти вопросы решались на последующих за Киото климатических конференциях (Буэнос-Айрес, 1998; Бонн, 1999; Гаага, 2000).

На конференции в г. Марракеше в 2001 г. удалось разработать детальную программу-дополнение к Киотскому протоколу, которая получила название «Марракешский аккорд», или Марракешское соглашение. В документе указывается на три главных механизма регулирования процессов индустриального развития и выбросов парниковых газов: 1) международная торговля эмиссиями парниковых газов; 2) стимулирование внедрения экологических технологий (Clean Development Mechanism) и 3) кооперация стран по реализации проектов (Joint Implementation). Благодаря большей ясности механизмов регулирования процесс ратификации Киотского протокола ускорился. К декабрю 2002 г. Киотский протокол подписали 62 страны, в декабре 2003 г. — 119 стран. В октябре 2004 г. Россия ратифицировала Киотский протокол и, таким образом, открыла прямой путь к реализации странами мира Киотских обязательств. В феврале 2005 г. после 88 месяцев трудных дипломатических переговоров Киотский протокол вступил в силу.

Киотский протокол послужил фундаментом для дальнейшего совершенствования механизмов глобального регулирования процессов изменения климата нашей планеты. Первый период действия Киотского протокола закончился в 2012 г. На конференции в г. Дохе (Катар) в том же году Киотский протокол был дополнен

новыми обязательствами стран до 2020 г. Дополнение предписывало еще более высокие требования по сокращению парниковых газов развитым и трансформационным странам. Страны ЕС, например, должны сократить свои выбросы на 30 % по сравнению с уровнем 1990 г., Украина — на 24 %, Австралия — на 15 %, Норвегия — на 30–40 %. Япония, Канада и Россия отказались принимать на себя какие-либо обязательства [17]. Интересно отметить, что и в протоколе 2012 г. быстроразвивающиеся страны — Китай, Индия, Бразилия, Мексика и др. — были снова освобождены от обязательств, хотя они были ответственны за более чем 40 % выбросов парниковых газов в мире [16]. Как известно, данные страны являются «производственными площадками» западных ТНК. Можно предположить, что ТНК не заинтересованы в каких-либо ограничениях их деятельности и лоббируют свои интересы в вопросах защиты климата даже на глобальном уровне.

Первая декада XXI в. была крайне неблагоприятной для политических решений в области защиты климата. Приход к власти консервативных правительств в Канаде в 2001 г., президента-неолиберала Дж. Буша в США, изменение курса консерваторов Австралии резко осложнили развитие международной климатической дипломатии. 28 марта 2001 г. Дж. Буш аннулировал подпись США под Киотским протоколом. Австралия и Канада заявили, что без США никакое спасение климата невозможно и поэтому они не будут ратифицировать договор. Глава правительства Австралии Джон Говард вообще не признавал сам феномен глобального потепления. Президент США Дж. Буш-младший скептически относился к проблеме глобального изменения климата и был ярким противником любых обязательств по линии ООН. А фронт президента США Дж. Буша против международной климатической дипломатии проявился в утверждении в 2007 г. Международного экономического форума по энергетической безопасности и изменению климата (Major Economies Meeting on Energy Security and Climate Change), целью которого стал поиск путей технологической редукции парниковых газов без замедления экономического роста [28]. Тем самым Дж. Буш хотел снизить роль ООН как главной организации по решению глобальной проблемы и взять под собственный контроль мировую климатическую политику. Кроме того, исламский терроризм, войны в Афганистане и Ираке, финансовый кризис 2007–2010 гг. отодвинули тему защиты климата Земли на периферию политического дискурса.

Энтузиазм 1990-х гг. сменился политической апатией и скепсисом. Практически ни одна конференция после подписания Киотского протокола (2005) не дала никаких существенных прорывов. На конференции сторон в городах Буэнос-Айрес (2004, COP 10), Монреаль (2005, COP 11), Найроби (2006, COP 12), о. Бали (2007, COP 13), Познани (2008, COP 14) переговоры велись лишь для принятия договоренностей о продолжении подобных переговоров. Апогей разногласий в международной климатической дипломатии был достигнут в декабре 2009 г. на конференции сторон в Копенгагене (COP 15). Немецкий философ П. Слотердейк назвал эту встречу дипломатов «консилиумом неверующих» [18]. Климатическая конференция в Копенгагене не имела аналогов в истории. В ней принимали участие более 10 тыс. дипломатов, ее освещали более 5 тыс. допущенных на нее журналистов. Число представителей гражданского общества,

подавших заявки на участие в конференции, превышало 13 тыс. человек. Кроме того, во время работы конференции вокруг нее проходили постоянные митинги, демонстрации сторонников радикальных мероприятий по защите климата. Во время беспорядков и стычек с полицией пострадало не менее 1 тыс. человек [29]. Трагедии вокруг конференции шли в унисон с драматическими событиями внутри конференц-зала.

Целью климатической конференции в г. Копенгагене являлась разработка нового протокола по защите климата Земли после 2012 г. Копенгагенский протокол должен был стать «наследником» Киотского протокола. Однако невозможность достижения компромисса в этом вопросе между индустриально развитыми и развивающимися странами, нежелание Индии и Китая принимать на себя конкретные обязательства, высокие требования бедных государств к финансовой помощи, беспокойство правительств развитых стран об экономических и социальных последствиях экологической трансформации предопределили сокрушительный провал конференции. Протокол не был подписан и делегации уехали ни с чем. Кооперации стран препятствовала также позиция отдельных государств глобального «Юга», видевших в странах Запада главную причину разнообразных экологических проблем. Экологические неправительственные организации стали проводить в различных регионах мира так называемые «климатические суды», в которых выдвигались требования к индустриальным странам по выплате компенсаций за нанесенный ущерб от природных катастроф. На страны глобального «Севера», которые начали свое промышленное развитие более 200 лет назад, приходится порядка 76 % «искусственного» углерода, находящегося в атмосфере. Доля развивающихся стран составляет порядка 24 % [20]. Страны «Севера» признали частично свою вину, говорили о создании климатического фонда в размере 100 млрд долларов, но вопросы, касающиеся того, какие государства и сколько должны платить в этот фонд, оставались открытыми.

Провал конференции в Копенгагене не означал, однако, провала климатической дипломатии. В 2010 и 2012 гг. состоялись важные конференции, которые готовили дорогу к Парижскому саммиту 2015 г. В 2010 г. в мексиканском городе Канкуне прошла 16-я конференция сторон. Важнейшим ее достижением стала договоренность о признании всеми странами мира абсолютных допустимых пределов нагревания атмосферы Земли — 2 °С. Страны обязались сделать все возможное, чтобы не допустить нагревания атмосферы к 2100 г. выше названной величины. В пределах этой границы еще возможен контроль над состоянием экологических систем Земли и последствия изменения климата не столь катастрофичны для ее социальных и экономических систем. Также на этой конференции был утвержден глобальный финансовый инструмент для борьбы с последствиями глобального изменения климата в развивающихся странах — Зеленый климатический фонд (Green Climate Funds).

Мировой банк подсчитал, что развивающимся странам потребуется с 2020 г. ежегодно от 70 до 100 млрд долларов для адаптации к изменяющимся климатическим условиям [29, 69]. Страны Запада дали согласие на формирование бюджета данного фонда. Кроме того, на конференции в Канкуне часть стран Запада (США,

Канада, Австралия, ЕС) высказали желание принять новые обязательства по ограничению выбросов парниковых газов. Новые обязательства, как мы уже отмечали выше, стали основой для заключения в г. Дохе (Катар) в 2012 г. дополнения к Киотскому протоколу 1997 г., регламентирующего выбросы парниковых газов до 2020 г. Тогда же встал вопрос о заключении договоренностей по стабилизации климата после 2020 г.

Ученые били тревогу: несмотря на декларируемые программы, глобальная температура воздуха над поверхностью суши и океанов с каждым годом повышается, концентрация CO_2 увеличивается. Глобальная политическая элита понимала, что без долгосрочных стратегий, без радикальных шагов в области технологической модернизации, развития социальных, экономических и экологических инноваций, без смены технологического уклада и «творческого разрушения» базовых отраслей экономики невозможно предотвратить наступающую катастрофу. Необходимы новые договоренности и решения. Эпилогом усилий дипломатов в этот период стало заключение Парижского соглашения на конференции сторон (COP 21) в Париже в 2015 г.

Конференция ООН по изменению климата в Париже стала по значимости одним из важнейших политических мероприятий в начале XXI в. Разработанный и утвержденный на конференции окончательный документ превзошел даже самые оптимистичные ожидания. В статье 2 Парижского соглашения была поставлена цель удержания прироста глобальной средней температуры «намного ниже» 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до $1,5^\circ\text{C}$, признавая, что это значительно сократит риски и воздействия на изменения климата [6]. Данное решение было названо в зарубежной прессе «историческим» [19]. Главным политическим инструментом в противодействии нагреванию атмосферы послужило принятие странами мира добровольных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 и 2050 гг. В этот период рост выбросов газов должен прекратиться и затем ежегодно уменьшаться [6, 4]. Для достижения поставленных целей к 2100 г., согласно докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) за 2014 г., необходимо сократить глобальные выбросы CO_2 в два-три раза по сравнению с уровнем 2010 г. [14, 22].

В абсолютных показателях эмиссии углекислого газа от сжигания горючих полезных ископаемых не должны превысить в этот период 890 млрд т. Это значит, что средний ежегодный выброс углекислого газа обязан быть на уровне чуть более 10 млрд т — в три раза ниже современного (глобальные эмиссии CO_2 2013 г. составили в мире 36,1 млрд т.) [4]. Достижение данных целей возможно лишь на основе радикальной перестройки экономик стран мира, повсеместного перехода к так называемой «зеленой экономике», отказа от использования горючих полезных ископаемых, гармонизации технологии с экологическими системами. Кроме того, ответственность за изменения климата должны нести не только индустриально развитые страны, но и все государства мира в целом. Без всеобъемлющего договора, включающего в себя принятие обязательств такими странами, как Китай, Бразилия, Мексика, Индия, Индонезия, ни о какой стабилизации климата нельзя

говорить. Эти страны должны принимать меры по противодействию глобальному потеплению. И эти страны согласились в Париже активизировать свою деятельность в этом вопросе.

Канцлер ФРГ А. Меркель (в начале своей политической карьеры — министр экологии) высказалась о создании нового «экономического и климатического порядка» на основе коллективной ответственности, равноправия партнеров, открытости и доверия. В соглашении значительное место отводилось также охране и повышению качества лесов и других структур абсорбции парниковых газов [6, 7]. В статье 7 Парижского соглашения признается, что глобальное изменение климата уже является реальностью и что необходимо адаптироваться всем странам мира к изменяющимся условиям. Адаптация — настоящий вызов, «стоящий перед всеми в местном, субнациональном, региональном и международном измерениях, и что она является ключевым компонентом долгосрочного глобального реагирования на изменение климата в целях защиты людей, средств к существованию и экосистем и вносит вклад в такое реагирование, принимая во внимание безотлагательные и срочные потребности сторон, являющихся развивающимися странами и которые являются особенно уязвимыми к неблагоприятным последствиям изменения климата» [Там же, 10–11]. Климатический фонд, утвержденный для этих целей, будет ежегодно после 2020 г. направлять около 100 млрд долларов в мероприятия по адаптации.

Парижский договор (соглашение) был подписан в Нью-Йорке 22 апреля 2016 г. и ратифицирован более 116 странами мира в течение 2016 г., в том числе такими крупными государствами, как США, Китай, Индия, Япония, Бразилия, и странами ЕС. 4 ноября 2016 г. он вступил в силу. Необходимо заметить, что если временной интервал между соглашением и вступлением в силу Киотского протокола составлял 88 месяцев (более 7 лет), то Парижское соглашение вступило в силу менее чем за 11 месяцев с момента его подписания.

На конференции в г. Марракеше в ноябре 2016 г. каждая из стран представила свои климатические цели на период 2030–2050 гг. Так, США обязались сократить выбросы парниковых газов на 80 % к 2050 г. по сравнению с уровнем 2005 г. [32, 7]. Для этой цели они предполагают довести долю возобновляемых источников энергии в общей выработке электроэнергии США до 55 %, ядерной — до 17 %. [Там же, 8]. Значительное место в программе отводится стратегиям расширения площади лесов как основного аккумулятора связанного углерода. Германия обязалась сократить выбросы парниковых газов к 2030 г. на 55 % по сравнению с уровнем 1990 г., а к 2050 — на 85–90 % [25]. Правительство Германии в представленной программе говорит об экологической трансформации экономики и общества к 2050 г. Обширнейшая программа охватывает такие стороны общественной жизни, как производство, энергетика, строительство, транспорт, жилье, сельское хозяйство и т. д.

Важнейшими проводниками климатической стратегии выступают предприниматели, государственные структуры, общественные организации. Германия планирует создать нейтральную в отношении парниковых газов экономику страны к этому времени. В ней практически нет места топливным полезным ископаемым, только в переходный период уделяется внимание развитию технологий на основе

природного газа [25, 53]. В ЕС намечено сокращение выбросов к 2030 г. на 40 % по отношению к 1990 г., увеличение доли возобновляемых источников энергии в структуре выработки электроэнергии до 27 %, увеличение энергоэффективности хозяйства также на 27 % [15]. Китай планирует к 2030 г. достичь пика выбросов парниковых газов и с того времени начать их сокращение. Главной задачей его правительства является экологическая эффективность развития экономики. В стратегиях развития Китая поставлена цель редукации эмиссий CO₂ к 2030 г. на 60 %, но лишь по отношению к единице производимой продукции уровня 2005 г. Тем самым упор делается на экологическую и энергетическую эффективность производства [13]. Мексика заявила о сокращении на 50 % парниковых газов к 2050 г. [26]. Сходные программы были приняты в Канаде, Бразилии, Норвегии и других странах. Россия не ратифицировала Парижское соглашение и обдумывает последующие шаги в своей климатической политике.

Россия в глобальной климатической политике

Международная климатическая политика России является следствием противоречий между реальной структурой российской экономики, проводимой внутренней экономической политикой страны, и внешнеполитическими амбициями российского руководства, стремящегося представить страну как важнейшего глобального актора в решении насущных мировых проблем. На практике это проявляется в активном участии России в международной климатической дипломатии и одновременно в инерции, пассивности во внутренней климатической политике. Россия лишь делает робкие шаги в направлении экологической модернизации. Одна из огромных проблем страны — зависимость экономической и социальной жизни от добычи и экспорта топливных полезных ископаемых. В 2014 г. на экспорт минерального сырья приходилось 70 % стоимости всего товарного экспорта страны [9, 632]. В рейтинге крупнейших по капиталообороту компаний России в 2016 г. верхние три позиции занимали сырьевые компании — Газпром, НК «Лукойл», НК «Роснефть». Их совместный объем реализации продукции составлял свыше 15 трлн руб. [12].

Газпром и Роснефть являются крупными государственными (полугосударственными) компаниями. Их структуры тесно переплетены с политической и экономической элитой страны. Газовая и нефтяная отрасли служат главным источником накопительной части государственного бюджета. Их сдерживание климатическими обязательствами грозит экономическим кризисом для всей страны. Не случайно в 2004 г. академики РАН направили письмо президенту России с призывом отказаться от подписания Киотского протокола. Главные доводы в нем были экономические. Лоббирование интересов сырьевых компаний проявляется как во внешней, так и — в большей степени — во внутренней политике России. Россия на международных переговорах по изменению климата находится в одной группе интересов с такими странами, как США, Япония, Канада, Австралия (Umbrella group), которые характеризуются сильным углеродным лобби (за исключением Японии) и умеренными шагами в области защиты климата (лишь

в последние годы можно видеть определенный прогресс в климатической политике этих стран). Усиление роли нашей страны в сфере защиты глобального климата будет, вероятно, происходить одновременно с процессами реструктуризации экономики, намеченной в программах развития России до 2030 г.

В развитии внутренней и внешней климатической политики страны можно выделить отдельные значимые события. В начале 1990-х гг. в первом Национальном сообщении в рамках конвенции ООН об изменении климата Россия признала угрозу глобального изменения климата Земли и негативную роль человека в этих процессах [21]. В 1997 г. Россия подписала Киотский протокол и в 2004 г. его ратифицировала. Без участия России не было бы Киотского протокола. Эксперты России активно сотрудничали с межправительственной комиссией ООН по изучению изменения климата. Однако данные мероприятия сопровождались бурными дискуссиями в научной среде. Большая часть российских ученых из Академии наук не признавала глобального потепления или отрицала роль антропогенного фактора в изменении климата (да и сейчас авторам часто приходится слышать на географических конференциях в России, что глобальное потепление — очередная выдумка Запада, хотя в США ряд политиков утверждают, что оно выдумка «левых» или китайцев) [23]. В Национальных сообщениях России все же доминировала точка зрения, что глобальное потепление — научно доказанный факт. В Шестом Национальном сообщении РФ в рамках конвенции ООН за 2013 г. с беспокойством говорится о прогрессирующем изменении климата на территории России: «данные наблюдений и модельных расчетов показывают, что климат территории России более чувствителен к глобальному потеплению, чем климат многих других регионов земного шара» [11, 31], «площадь арктического морского льда в сентябре за период с 2000 по 2012 г. сократилась почти в два раза» [Там же, 32].

Для сдерживания процессов глобального потепления президентом РФ в 2009 г. было обнародовано распоряжение «О климатической доктрине Российской Федерации». В ней отмечалось, что «изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI в., которая выходит за рамки научной проблемы и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации» [3]. В статье 23 говорится: «Российская Федерация максимально концентрирует усилия на снижении антропогенных выбросов парниковых газов и увеличении их абсорбции поглотителями и накопителями». С этой целью предусматривается реализовать меры, обеспечивающие: 1) повышение энергетической эффективности во всех секторах экономики; 2) развитие использования возобновляемых и альтернативных источников энергии; 3) сокращение рыночных диспропорций, реализацию мер финансовой и налоговой политики, стимулирующих снижение антропогенных выбросов парниковых газов; 4) защиту и повышение качества поглотителей и накопителей парниковых газов, включая рациональное ведение лесного хозяйства [Там же].

В апреле 2011 г. Правительство РФ утвердило план реализации климатической доктрины до 2020 г., согласно которой Россия обязуется осуществлять комплексную климатическую политику, принимать меры по адаптации к изменению

климата, смягчать антропогенные воздействия на климат, укреплять международное сотрудничество в этой сфере. Россия также обязуется сократить выбросы парниковых газов к 2020 г. на 25 % по сравнению с объемом выбросов 1990 г. Однако конкретных шагов предпринимается очень мало. По данным Ю. А. Русаковой, в период 2008–2012 гг. в России было субсидировано порядка 100 проектов по снижению выбросов парниковых газов в рамках Киотского протокола [10]. С 1 января 2015 г. действует обновленный Закон «Об охране окружающей среды» (219-ФЗ). Промышленность обязана к 2020 г. усовершенствовать экологическое нормирование и использовать в производстве только наилучшие доступные технологии (НДТ). Переоснащение предприятий новыми технологиями происходит очень медленно, а в связи с новой геополитической ситуацией отодвинуто на более поздний период (после 2019 г.).

Россия подписала Парижское соглашение, но не ратифицировала его. По данным общественной организации «Germanwatch», Россия по индикаторам защиты климата находится в группе стран с «очень плохой» климатической политикой [24]. «Зеленая революция» в российской экономике остается пока за кадром реальной политики. Топливные полезные ископаемые, энергоемкая промышленность будут и в ближайшем будущем определять экономическую специализацию России. Возникает вопрос: как долго такая экономика способна существовать и куда такая политика нас приведет?

***

На протяжении последних двадцати лет мы становимся очевидцами прогрессирующей экологизации социальных, экономических и политических структур человечества. Начиная с 1990-х гг. возрастает глобальное понимание того факта, что неуправляемая человеческая деятельность грозит уничтожением всей нашей планеты. Рождение международной климатической дипломатии — отражение духовной ситуации современности. За двадцать лет состоялось 22 климатические конференции в рамках Конвенции по защите климата ООН. Ограничение выбросов парниковых газов, адаптация общества к изменению климата, солидарность стран в решении климатической проблемы — главные темы политических дискуссий. Дипломатический процесс в области защиты климата, поиск общих решений сталкивается с трудностями преодоления национальных узких, конъюнктурных интересов государств. Но так как и в смене технологических укладов, социальных формаций, этапов экономического развития прослеживаются определенные универсалии, мы можем говорить, что и в политической сфере национальная парадигма действий все больше будет вытесняться мышлением единства, общности, ответственности за целостную планетарную судьбу человечества. Это требование сегодняшнего дня, которое получило название «экологический императив».

Экологический императив лежит в основе так называемой «зеленой экономики». Ее считают современным мотором экономического развития. Инвестиции в новые возобновляемые источники энергии, новые «умные» энергосберегающие дома, энерго- и ресурсоэкономные производства, новые виды экологически безопасного транспорта и транспортные сети достигают уже девятизначных величин

[7]. Во многих городах мира осуществляются программы по масштабной экологизации городского пространства. Однако инновации нужны не только в сфере технологического обновления. Необходимы полноценные социальные, духовные и политические преобразования. Это изменение потребительского поведения людей, новые модели проживания и мобильности, трансформация принципов школьного обучения, пропаганда и распространение экологического сознания, гуманизация и ноосферизация общества [5, 48]. Лишь на основе комплексных мероприятий человечество сможет достичь амбициозных целей по защите климата, определенных Парижским соглашением.

---

1. Институт Скриппа Калифорнийского университета [Электронный ресурс]. URL: https://scripps.ucsd.edu/programs/keelingcurve/wp-content/plugins/sio-blumoon/graphs/co2_800k_zoom.png (дата обращения: 09.11.2016).

2. Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Киото, 1997. С. 26.

3. Климатическая доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/files/part/9500_project_climate_doktrine.doc (дата обращения: 12.12.2016).

4. Ковалев Ю. Ю. В завершение саммита ООН по климату в Париже: неустойчивость территориальных систем и новые риски регионального развития // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2016. № 1.

5. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. М., 2005.

6. Парижское соглашение». Париж, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.11.2016).

7. Порфирьев Б. Н. Зеленые тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 5–16.

8. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Рио-де Жанейро. 9 мая 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 11.11.2016).

9. Российский статистический справочник 2015. М., 2015.

10. Русакова Ю. А. Климатическая политика Российской Федерации и решение проблем изменения глобального климата // Вестн. МГИМО. 2015. № 1(40) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/klimaticheskaya-politika-rossiyskoj-federatsii-i-reshenie-problem-izmeneniya-globalnogo-klimata> (дата обращения: 11.12.2016).

11. Шестое Национальное сообщение Российской Федерации (представленное в соответствии со статьями 4 и 12 Рамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и статьей 7 Киотского протокола) [Электронный ресурс]. URL: http://unfccc.int/files/national_reports/annex_i_natcom/submitted_natcom/application/pdf/6nc_rus_final.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

12. Эксперт 400 — рейтинг ведущих российских компаний [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (дата обращения: 06.12.2016).

13. China will Treibhausgase stärker reduzieren // Handelsblatt. 01.07.2015.

14. Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers. N. Y., 2015.

15. Climate Action [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2030_en (accessed: 10.12.2016).

16. CO₂ emissions (kt) — for all countries. Factfish [Electronic resource]. URL: <http://www.factfish.com/statistic/co2%20emissions> (accessed: 11.11.2016).

17. Doha Amendment to the Kyoto Protocol 2012 [Electronic resource]. URL: http://unfccc.int/files/kyoto_protocol/application/pdf/kp_doha_amendment_russian.pdf (accessed: 20.11.2016).

18. Das 21. Jahrhundert beginnt mit dem Debakel vom 19. Dezember // Süddeutscher Zeitung. 20.12.2009.
19. Das Abkommen zur Rettung der Erde // Stuttgarter Zeitung. 14.12.2015. № 289.
20. Ein Problem, viele Verursacher // Bundeszentrale für politische Bildung [Electronic resource]. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/umwelt/klimawandel/38474/industrie-und-entwicklungslander> (accessed: 23.11.2016).
21. First National Communication. Moscow 1995 [Electronic resource]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/rusnce1.pdf> (accessed: 04.12.2016).
22. IPCC Fourth Assessment Report: Climate Change 2007 [Electronic resource]. URL: http://www.ipcc.ch/publications_and_data/ar4/wg2/en/spm.html (accessed: 16.11.2016).
23. Klein N. This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate. N. Y., 2014.
24. Klimaschutz-Index. 2017. Gesamtergebnis [Electronic resource]. URL: <https://germanwatch.org/de/download/17037.jpg> (accessed: 12.12.2016).
25. Klimaschutzplan 2050 [Electronic resource]. URL: http://www.bmub.bund.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Klimaschutz/klimaschutzplan_2050_bf.pdf (accessed: 19.11.2016).
26. Mexico's Climate Change Mid-Century Strategy 2050. Mexico-City, 2016.
27. Paumen A., Küpper J. H. It's the Planet, Stupid! München., 2015.
28. President Bush's Invitation to Major Economies Meeting on Energy Security and Climate Change [Electronic resource]. URL: <https://2001-2009.state.gov/g/oes/rls/or/92160.htm> (accessed: 21.11.2016).
29. Reimer N. Schlusskonferenzen. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie. München., 2018.
30. Schiermeier Q. Climate cycles drive civil war // Nature. 24.08.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.nature.com/news/2011/110824/full/news.2011.501.html> (accessed: 25.07.2015).
31. Spanien verwüstet // StZ. 28.10.2016. № 251.
32. United States Mid-Century Strategy for deep Decarbonization. Washington, 2016.

Рукопись поступила в редакцию 27 декабря 2016 г.

УДК 327.5(1-15) + 327(450)

А. А. Первалова

«БЕЛАЯ КНИГА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ИТАЛИИ В СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОМ АЛЬЯНСЕ

В начале XXI в. Италия разворачивает амбициозную программу обновления военного потенциала страны. Законодательной базой обновления военной стратегии и проведения реформы модернизации вооруженных сил стала «Белая книга международной безопасности и обороны». В статье рассматривается содержание новой стратегической доктрины Италии и ее влияние на самопозиционирование страны в рамках НАТО, в том числе в вопросах обороны восточного и южного флангов Североатлантического альянса. Особое внимание уделяется проблеме приведения итальянской военной системы к стандартам НАТО. В свете итогов саммита НАТО в Варшаве (2016) и результата выборов нового президента США анализируются перспективы лидерства Италии в Евро-Средиземноморском регионе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Италия, Белая книга международной безопасности и обороны, коллективная безопасность, трансатлантическое сотрудничество, военно-политическая стратегия, НАТО, Евро-Средиземноморский регион, саммит НАТО в Варшаве.

Отправной точкой в официальном дискурсе оборонной политики Италии стала опубликованная в период правительства Маттео Ренци (февраль 2014 — декабрь 2016) «Libro Bianco per la sicurezza internazionale e la difesa» («Белая книга международной безопасности и обороны», далее — «Белая книга»). Новая военная доктрина была представлена президенту Республики и Высшему совету по обороне в апреле 2015 г. министром обороны Робертой Пинотти. Анализ геополитических амбиций Рима и имеющихся экономических ресурсов страны позволил авторам «Белой книги» обозначить настоящие позиции Италии в международной политике, выработать новую внешнеполитическую и оборонную стратегии и обеспечить их продвижение за столом переговоров с союзниками — участниками Североатлантического альянса.

«Белая книга» предлагает новую модель национальной безопасности Италии, в основе которой три составляющие: *европейская интеграция, трансатлантическое сотрудничество и политика на мировом уровне*. Первостепенное значение авторы документа придают сотрудничеству Итальянской Республики со странами-партнерами из Евросоюза, ссылаясь на многолетние историко-культурные связи и наличие общих внешнеполитических интересов. Ключевой в обеспечении безопасности страны также называется ее политика в рамках НАТО [5]. Не менее значимыми оказываются двусторонние отношения Италии с другими государствами и сотрудничество с различными международными организациями.

Неудивительно, что в вопросе обеспечения международной безопасности и обороны «Белая книга» отдает приоритет «интеграции» военной системы с другими европейскими странами, особенно со странами Европейского союза, вместе с тем авторы подчеркивают необходимость сплоченной оборонной политики в рамках НАТО, тем самым сохраняя хрупкий баланс между «европеизмом» и «атлантизмом». Активное участие в деятельности Североатлантического альянса рассматривается не только как фундаментальный фактор внешней политики и обороны Италии, но и как средство поддержания и усиления ее позиций на международной арене. «Белая книга» подчеркивает, что именно сотрудничество с североамериканцами и европейцами — гарантия защиты от любых внешних угроз в случае, если Италия не сможет защититься самостоятельно [8]. Прямая военная угроза считается «в настоящий момент маловероятной, однако не невозможной» [5]. Активное участие Италии в военно-политической деятельности НАТО представляется авторам «Белой книги» единственной верной стратегией в борьбе с внешними угрозами.

Итальянские геополитические интересы традиционно определяются в рамках трех зон: Европы, Атлантики, Средиземноморья. Однако новый стратегический документ предлагает оценить настоящее положение и будущие перспективы Италии в двух регионах — Евро-Средиземноморском и Евро-Атлантическом. По мнению итальянских политических аналитиков А. Марроне, М. Нонес и А. Р. Унгаро, новая региональная концепция в корне меняет геополитическую картину для НАТО и ЕС, так как в традиционном разделении (Европа–Атлантика–Средиземноморье) данные организации оказывались за пределами кризисных зон, а в новом раскладе (Евро-Средиземноморье и Евро-Атлантика) они оказываются

лицом к лицу с внешними угрозами; средиземноморские кризисы напрямую затрагивают национальные интересы участников стран и Атлантического договора, и Европейского союза [7].

Отношения между странами Евро-Атлантического региона характеризуются как «один из самых устойчивых столпов мирового баланса». В основе этих отношений — общие ценности, разделяемые союзниками с обеих сторон Атлантического океана, такие как стремление к миру, свободе и достойному развитию. Авторы «Белой книги» подчеркивают, что Евро-Атлантическое пространство определяется скорее не географическими границами относящихся к региону государств, а общностью их взглядов и приверженностью демократическому кредо. С другой стороны, подчеркивается, что разделяемые странами ценности — это не просто основа для успешной евроинтеграции, но и важнейший фундамент для «взаимопроникновения» в экономической сфере. Действительно, евро-атлантическое направление является ключевым для реализации итальянских экономических интересов, — здесь сосредоточены 68 % импорта и 75 % экспорта республики. Принимая во внимание экономическую ситуацию, неудивительно, что в тексте «Белой книги» особое значение уделяется вопросам безопасности именно в Евро-Атлантическом регионе. Новейший стратегический документ называет его «ядром национальных интересов, безопасность которого является абсолютным приоритетом для страны» [5].

Совершенно другая картина складывается в Евро-Средиземноморском регионе. Несмотря на территориальную близость, страны Средиземноморского бассейна заметно различаются по уровню экономического, политического, культурного и социального развития и конфессиональной самоидентификации. Согласно «Белой книге» к этому региону относятся страны ЕС, Черноморский и Средиземноморский регионы, Балканские страны, средиземноморская часть Среднего Востока и Магриб. С Евро-Средиземноморьем на геополитическом уровне тесно связаны Персидский залив, Машрик, Сахель, Африканский Рог. Нестабильность данного региона обусловлена набором факторов: гражданские войны в Сирии и Ливии, рост влияния террористических группировок, среди которых ИГИЛ, а также зависящий напрямую от предыдущих факторов миграционный кризис.

В Североатлантическом альянсе по-прежнему большее внимание уделяется восточному флангу и росту напряжения в отношениях с Россией, поэтому Рим стремится донести союзникам по НАТО, особенно странам севера и востока Европы, что средиземноморская угроза касается не только государств, которые непосредственно граничат с кризисным регионом, а касается всех стран Альянса. В новой архитектуре геополитического пространства Италия видит себя в роли регионального лидера на южном фланге НАТО, способного вести за собой союзников в борьбе с угрозами в Средиземноморье. В тексте «Белой книги» обозначается, что при возникновении такой необходимости в Евро-Средиземноморском регионе Италия должна быть способна «руководить многонациональной операцией по урегулированию кризисов и восстановлению мира и безопасности» [Там же]. Заявляя о себе как о защитнике южной границы Европы и Североатлантического альянса, Италия одновременно добивается двух целей — защищает

свои национальные интересы и активно обозначает свои позиции в обеспечении коллективной безопасности.

Для продвижения собственных интересов и привлечения внимания к южному флангу Италия должна определиться, каких конкретно действий она ждет от союзников на политическо-стратегическом уровне. Учитывая уязвимость региона и его ключевое значение для безопасности страны, Италии следовало бы настаивать на принятии новой Военно-морской стратегии (Alliance Maritime Strategy) НАТО. Со времен принятия последней подобной стратегии в 2011 г. геополитическая ситуация серьезно изменилась, обострились конфликты как на восточной, так и на южной границах Североатлантического альянса. Поэтому в новом документе итальянские эксперты хотели бы видеть разработку отдельных региональных стратегий для каждого из морей, где сосредоточены интересы НАТО [7]. По мнению специалистов Института международных отношений (ИАИ), следовало бы усилить и военно-морскую составляющую в так называемом Плане действий по обеспечению боеготовности (Readiness Action Plan, RAP) НАТО. Этот инструмент мог бы быть использован и в Средиземноморье, а не только в наземных операциях на территориях Восточной Европы [9]. Усиление военно-морских сил на южной границе НАТО является безусловной необходимостью, принимая во внимание растущую угрозу стабильности в регионе.

Саммит НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.) показал, что Североатлантический альянс наконец-то обратил внимание на свой южный фланг. Союзники приняли несколько крайне значимых решений: использовать на востоке Средиземноморья для наблюдения с воздуха системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ); перенести геолокацию некоторых учений из Иордании в Багдад (по запросу властей Ирака); содействовать разрешению миграционного кризиса, осуществляя развертывание сил в Эгейском море; запустить операцию «Sea Guardian» в поддержку операции Европейского союза «Sophia» [3]. Принимая во внимание сложность асимметричных угроз, союзники также приняли решение выработать стратегию обеспечения стабильности на южных границах альянса. Италия в ответ на это заявление предложила поручить Командованию объединенных союзных сил в Неаполе (Joint Force Command Naples) руководство операциями НАТО в Средиземноморском регионе. Если это решение будет одобрено НАТО, Италия, являющаяся важнейшей страной Альянса, выходящей на Средиземное море, сможет занять лидирующую позицию в регионе.

Важную роль в политике Италии в рамках НАТО в настоящее время занимает система сотрудничества «рамочных государств» (framework nations). Концепция рамочных государств (Framework Nation Concept) — это проект, представленный Германией в 2013 г. и заключающийся в образовании оборонных кластеров внутри НАТО, т. е. создании групп государств-союзников под предводительством одной из ведущих стран Североатлантического альянса. Италия руководит группой, состоящей из шести государств, занимающихся повышением эффективности вооруженных сил и командования ими, применением наземных сил во время операций по стабилизации ситуаций в кризисных зонах. Доверенная Италии миссия демонстрирует высокую оценку союзниками способности страны по урегулированию

кризисов при участии наземных войск, например, на Балканах, в Афганистане и Ливане. Успешный опыт прошлых лет и руководящая позиция в НАТО по столь важным для страны и региона вопросам защиты южных границ безусловно являются основанием для укрепления позиций Италии в Средиземноморье.

Новые геополитические амбиции Италии, такие как лидерство в Средиземноморском регионе в рамках НАТО, требуют глубоких военных реформ и модернизации армии в соответствии с нормами других стран альянса. «Белая книга» базирует программу реформирования вооруженных сил на коллективных стандартах НАТО. Италия в кооперации с другими партнерами по Североатлантическому альянсу разработала три параметра, определяющих эффективность военного потенциала:

— *«возможность использования сил»*, т. е. число вооруженных сил, находящихся в постоянной готовности и отвечающих стандартам военной подготовки и экипировки;

— *«проекция сил»*, т. е. число вооруженных сил, способных действовать за пределами места их обычной дислокации. Важную роль в организации «удаленных» операций играют мобильность и организация логистики;

— *«устойчивость сил»*, т. е. число вооруженных сил, способных действовать за пределами места их обычной дислокации в течение продолжительного периода времени. Данный параметр учитывает не только уровень технического и логистического обеспечения вооруженных сил на протяжении всей операции, но и эффективность отбора и движения кадрового состава [5].

Количественные показатели для этих «параметров», выработанные совместно с НАТО, определяют минимально допустимые границы для обеспечения эффективного развития военной системы. Этих показателей Италия должна достигнуть и придерживаться в долгосрочной перспективе. «Белая книга» не предусматривает количественных изменений в итальянской армии по сравнению с реформой Ди Паола (2012)¹. Для достижения стандартов НАТО важным шагом станет создание Оперативного резерва армии (Riserva Operativa), состоящего из профессионалов, закончивших службу, но все еще годных к возможному призыву. Создание такого резерва станет эффективным решением при форс-мажорных ситуациях, когда главные силы армии уже задействованы в операциях за рубежом или выполняют другие задачи на территории Италии и их мобилизация требует времени и больших затрат. Приведение военной системы в соответствие со стандартами Североатлантического альянса является ключевой задачей для Италии. Однако для реализации этой задачи, обозначенной в «Белой книге» как «неотъемлемый приоритет» для оптимизации вооруженных сил, страна должна обеспечить соответствующее финансирование реформы.

Начиная с 2006 г. инвестиции Италии в военную сферу постепенно снижались. Уменьшение затрат на оборону продолжилось и в последние годы: так, в 2014 г. на нее было выделено 14 млрд долларов, в 2015 г. — 13,2, а в 2016 г. эта цифра

¹ Закон 244 от 2012 г. предусматривал уменьшение численности армии к 2024 г. с 190 000 военных и 30 000 гражданских лиц до 150 000 военных и 20 000 гражданских лиц соответственно.

достигла 12,7 млрд долларов [6]. При этом в 2014 г. 67,7 % данной суммы ушло на оплату работы персонала, 22,9 % — на инвестирование и только 9,5 % — собственно на армию. Этот откровенный дисбаланс негативно влияет на оперативность и эффективность реформирования итальянских вооруженных сил [11]. На Саммите НАТО в Уэльсе (4–5 сентября 2014 г.) был принят общий стандарт для всех стран альянса, которого следует достигнуть до 2024 г.: не менее 2 % ВВП страны должно выделяться на обеспечение безопасности и обороны. В настоящее время только 0,87 % ВВП Италии инвестируется в военную сферу, что значительно ниже установленного НАТО стандарта в 2 %. Такое распределение бюджета не может не влиять на участие Италии в международных операциях, в том числе в операциях НАТО. При отсутствии должного финансирования представляется маловероятным проведение Италией долгосрочных операций с участием большого количества вооруженных сил.

Для выравнивания военного бюджета «Белая книга» предусматривает ряд реформ. Так, документ предлагает заменить традиционное разделение бюджета по позициям «Персонал», «Инвестиции» и «Армия» на новые — «Персонал», «Оперативность военного инструмента» и «Операции» [5]. Неизменной остается только первая и самая «дорогая» позиция. В категорию «Оперативность военного инструмента» были включены функционирование военных сил и обеспечение надлежащей военной подготовки военных, а также подготовка кадров, техническое развитие и модернизация армии, прежде относимые к позициям «Армия» и «Инвестиции». В категорию «Операции», в свою очередь, вошли организация и проведение национальных и международных миссий, операций в области военной кооперации. Что касается инвестиций, теперь они будут программироваться отдельными законами длительностью в шесть лет, что позволит своевременно выявлять области, требующие технологического и научного улучшения и обновления [4]. Такая модель распределения военного бюджета приближена к схемам финансирования военной сферы других европейских стран.

Стабилизация военного бюджета и его приближение к стандартам НАТО при настоящем геополитическом раскладе становится жизненно необходимым условием продвижения позиций Италии внутри Альянса. В данный момент США выделяет на оборону 3,6 % ВВП и покрывает как минимум 30 % общей суммы затрат на финансирование НАТО. Вашингтон давно настаивает на более активном экономическом участии европейских союзников в покрытии военных расходов Альянса, а новый президент США однозначно обозначил свои позиции: страны-участницы должны «платить свою цену» как в отношении финансирования, так и в отношении затрат человеческого ресурса [12]. Саммит в Варшаве обозначил положительную динамику в этой области: в 2016 г. коллективные затраты союзников на оборону увеличились (впервые с 2009 г.); пять стран-участниц достигли двухпроцентного минимума ВВП, выделяемого на военные нужды. Показатели Италии все еще далеки от утвержденной нормы, а значит, и ее положение как полноценного союзника в НАТО остается неустойчивым. Финансирование военной сферы становится для Италии вопросом престижа и значимости на международной арене.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах обозначила возможные серьезные перемены в отношениях между США и другими союзниками Североатлантического альянса. Новая республиканская администрация дала понять, что ИГИЛ является для США противником номер один. Вместе с тем Трамп неоднократно заявлял, что он считает участие Соединенных Штатов в военных операциях оправданным, только когда существует прямая угроза интересам и безопасности страны. Пока неизвестно, какой стратегии собирается придерживаться Трамп на Среднем Востоке и Севере Африки, однако внимание США к южным границам НАТО, безусловно, выгодно Италии, для которой этот регион является ключевым в вопросах национальной безопасности. Италия, благодаря географическому положению и политической значимости в Средиземноморском регионе, может сыграть важнейшую роль в построении новой политики НАТО на южной границе [2].

Средиземноморье не единственный регион, где политика НАТО может измениться в связи с недавними выборами в США. В телефонном разговоре 14 ноября 2016 г. с Владимиром Путиным Дональд Трамп подтвердил, что стремится к нормализации неудовлетворительных двусторонних отношений между странами [10]. Изменение позиций США по вопросу партнерства с Россией, безусловно, может повлиять на восприятие России союзниками из Североатлантического альянса.

Во время саммита в Варшаве Италия помешала некоторым радикально настроенным союзникам по НАТО принять решение о приостановке работы в рамках Совета НАТО–Россия. При поддержке Франции, Германии и Испании Италия смогла продвинуть идеи необходимости поддерживать интенсивный диалог с Россией, способствуя таким образом прозрачности политики и стабильности в отношениях на восточном фланге. Министр обороны Роберта Пинотти заявляет, что, участвуя в программах Упроченного передового присутствия НАТО (Enhanced forward presence, EFP), направленных против «российской угрозы», Италия стремилась склонить союзников минимизировать присутствие на пограничных территориях и выделила для проведения операций EFP чуть более сотни человек. Объясняя решение участвовать в EFP, Пинотти подчеркивает, что «не участвовать вообще — значит быть вынужденными принимать решение, оставаться ли вообще в Атлантическом альянсе». Сама министр будто не воспринимает это присутствие НАТО на границах всерьез, иронизируя по поводу значимости программы: «не собираемся мы с нашими 150 альпийскими стрелками оккупировать Россию» [1]. Несмотря на то что Италия активно участвует в военных операциях, в том числе на восточном фланге, страна не стремится рисковать отношениями с Москвой. В случае изменения отношения США к «российской проблеме» Италия, которую с Россией связывают многолетние дружественные отношения, могла бы способствовать построению диалога между Европейским союзом, НАТО и Российской Федерацией.

Таким образом, изменение политического фона в США может стать для Италии толчком к укреплению позиций на стратегических границах НАТО. Кроме того, растущая политическая и военная активность России в Средиземноморье и на Среднем Востоке связала в единый геополитический узел стратегии укрепления восточного и южного флангов Североатлантического альянса, а значит,

НАТО придется обратить внимание на регион, где сосредоточились национальные интересы Италии. Однако не стоит переоценивать перспективы изменения позиций США в рамках НАТО, так как президент Трамп не сможет действовать и рассуждать так же свободно, как эксцентричный кандидат Дональд Трамп. Решения президента будут ограничены политико-экономическими институтами США. Безусловно, на военную стратегию Италии и альянса большое влияние окажет изменение политического курса США, однако перспективы развития и политика обороны Италии в рамках НАТО в данный момент напрямую зависят от внутренней организации вооруженных сил.

Представленная в НАТО «Белая книга» вызвала активный интерес и позитивную оценку со стороны стран — участниц альянса. Вместе с тем реализация новой военной стратегии, а значит и построение более эффективной военной системы, еще не началась. «Опоздание» с началом реализации реформы на полтора года, несомненно, вредит имиджу Италии в глазах союзников. К сожалению, одни только громкие заявления на политическом уровне при отсутствии практических действий не обеспечивают активного участия Италии в НАТО и ее ведущей роли в политике Средиземноморья. Учитывая сложность немедленного осуществления масштабной модернизации, а также принимая во внимание ухудшение ситуации на южном фланге НАТО, следовало бы осуществить по крайней мере часть проекта и начать с самых простых, а также с самых «срочных» преобразований. Такой подход противоречит комплексности «Белой книги». Однако дальнейшее промедление и быстроменяющаяся ситуация на международной арене создают риск, что стратегический документ устареет, а военная система Италии останется тяжеловесной и малоэффективной.

---

1. *Arnese M., Rossi E.* Ecco come Roberta Pinotti minimizza le operazioni dell'Italia con la Nato in Lettonia [Electronic resource]. URL: <http://formiche.net/2016/10/19/la-ministro-pinotti-minimizza-lo-schieramento-italiano-lettonia/> (accessed: 04.01.2017).

2. *Bitondo F., Marrone A., Sartori P.* Le sfide della NATO e il ruolo dell'Italia // Documenti IAI № 18 (2016). Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/it/pubblicazioni/le-sfide-della-nato-e-il-ruolo-dellitalia> (accessed: 30.12.2016).

3. Defence Ministers take forward NATO-EU cooperation [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_136844.htm (accessed: 05.12.2016).

4. *Gaiani G.* Libro bianco della difesa: una svolta necessaria // Analisi Difesa [Electronic resource]. URL: <http://www.analisedifesa.it/2015/04/libro-bianco-della-difesa-una-svolta-necessaria/> (accessed: 04.01.2017).

5. Libro Bianco (2015), *Per la sicurezza internazionale e la difesa*, Roma: Ministero della Difesa. 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.difesa.it/Content/Pagine/Libro_Bianco.aspx (accessed: 04.12.2016).

6. *Marrone A., Camporini V.* La politica di sicurezza e difesa // Rapporto sulla politica estera italiana: il governo Renzi, Roma: Edizioni nuova cultura. 2016. P. 47–57.

7. *Marrone A., Nones N., Ungaro A. R.* La regione euro-mediterranea nel Libro Bianco e la NATO // La sicurezza del Mediterraneo e l'Italia, Roma: Edizioni Nuova Cultura. 2015. P. 131–147.

8. *Marrone A., Tessari P., De Simone C.* Gli interessi nazionali dell'Italia e la NATO: dalle missioni alla trincea? // Documenti IAI №12 (2014), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/it/node/2382> (accessed: 01.01.2017).

9. Monaco F., De Zan T. (2015) Italia e Nato: quale difesa? // Documenti IAI № 26 (2015), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1526.pdf> (accessed: 12.12.2016).
10. Telephone conversation with US President-Elect Donald Trump [Electronic resource]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/53255> (accessed: 04.12.2016).
11. Tessari P., Santori P., Marrone A. (2015) La politica di difesa italiana tra Nato e Libro Bianco // Documenti IAI № 25 (2015), Roma [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/it/pubblicazioni/la-politica-di-difesa-italiana-tra-nato-e-libro-bianco> (accessed: 01.01.2017).
12. Trump on Foreign Policy [Electronic resource]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/trump-foreign-policy-15960> (accessed: 04.12.2016).

Рукопись поступила в редакцию 11 января 2017 г.

УДК 327(533/534) + 327(532) + 327(55)

В. А. Кузьмин
Н. В. Соколов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПОЗИЦИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА В ЙЕМЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ

В течение нескольких последних лет внимание мировой общественности привлечено к событиям, происходящим в Сирии. При этом фактически в тени остается аналогичный гражданский конфликт в другой арабской стране — Йемене, где также противостоят проправительственные силы и разноликая оппозиция. Важной особенностью внутреннего конфликта в Йемене является глубокая вовлеченность в него некоторых внешних сил, особенно Саудовской Аравии и Ирана. Однако, в отличие от сирийского конфликта, где Иран выступает в поддержку режима президента Б. Асада, а Саудовская Аравия поддерживает некоторых его противников, в Йемене позиции этих государств диаметрально противоположны: Саудовская Аравия выступает во главе коалиции арабских стран на стороне сил, верных президенту Йемена, а Иран активно поддерживает основные силы йеменской оппозиции.

На основе анализа малоизвестных в России материалов арабской и иранской периодической печати и других источников в статье рассматривается слабо изученный вопрос о том, какие политические цели преследуют Саудовская Аравия и Иран, вмешавшись во внутренний гражданский конфликт в Йемене.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конфликт, границы, интересы, сферы влияния, Йемен, Саудовская Аравия, Иран.

Военно-политический конфликт в Йемене, продолжающийся уже несколько лет, имеет глубокую внутреннюю природу, анализ которой заслуживает отдельного рассмотрения и не является предметом настоящей статьи. Внешние участники данного конфликта вступили в него, когда в результате сложившейся ситуации стали затрагиваться интересы ведущих мировых и региональных держав — Саудовской Аравии, Ирана, США. Саудовская Аравия и Иран имели свои интересы в Йемене и до начала конфликта, однако после того, как арабская коалиция стала вести боевые действия на стороне йеменского президента Хади,

уровень вовлеченности обеих сторон в конфликт значительно вырос. Каждая из сторон рассматривает Йемен как стратегически важную территорию во многих аспектах — политическом, экономическом, конфессиональном, поэтому борьба за свои цели ведется ими на самом серьезном уровне.

Одной из главных нерешенных проблем в отношениях между Саудовской Аравией и Йеменом был длившийся с 30-х гг. XX в. территориальный спор за три йеменские провинции — Наджран, Джизар и Асир, которые были переданы Саудовской Аравии при разделе территории Йемена, являвшегося в прошлом провинцией Османской империи. По Таифскому договору 1934 г. провинции передавались Саудовской Аравии в двадцатилетнее пользование с возможностью продления этого срока [1]. Договор продлевался до 2000 г., пока президентом Йемена не был заключен в Джидде новый договор о границе, который, «подтверждая законность Таифского договора, определяет окончательную и постоянную границу между Республикой Йемен и Саудовской Аравией» [2]. В результате подписания Джиддийского договора провинции переходили под полный суверенитет саудовского королевства. Такая политика Саудовской Аравии вызвала сильное недовольство у жителей Йемена, считавших эти провинции своими.

Саудовская Аравия осуществляла экспансию и в другие части Йемена. Так, в провинциях Саада, Сана, Дамар, Хаджа предводители крупных племен получали саудовское гражданство, чем обеспечивали лояльность к королевству населения больших йеменских территорий [3]. Религиозная экспансия салафизма, начавшаяся в 70-е гг. XX в., также позволила саудовскому королевству обрести в Йемене союзников на конфессиональном фронте.

К 1990 г., когда Йемен стал единым государством, Саудовская Аравия уже поддерживала северян, стремясь уравновесить потенциал Юга с его большими объемами советской помощи. В то время в королевстве работали несколько сотен тысяч северных йеменцев [4]. В 1994 г. обострение отношений Севера и Юга привело к гражданской войне в Йемене, в которой Саудовская Аравия оказывала финансовую помощь и поставляла оружие повстанцам на юге страны [4]. Делалось это еще и для того, чтобы успешно противостоять шиитам на севере, которые выступали против дальнейшего распространения салафизма из Саудовской Аравии.

Саудовская Аравия участвовала также в военном конфликте в провинции Саада в 2004–2010 гг. Некоторые саудовские подразделения были непосредственно заняты в боевых действиях. Последовавшая за войной в Сааде «арабская весна», усилившийся сепаратизм, падение цен на нефть привели к обрушению экономики и поставили Йемен буквально на грань выживания. В стране была острая нехватка бензина из-за частых подрывов нефтепроводов, а в июле правительство приняло постановление об отмене дотаций на топливо. Цена бензина повысилась на 60 %, а дизельного топлива — более чем на 90 % [5]. Стремясь не допустить полного хаоса в Йемене, король Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз на встрече с президентом Хади в июле 2014 г. договорился о выделении Йемену 2 млрд долларов и поставках в страну нефтепродуктов из Саудовской Аравии [6]. Таким образом, королевство извлекало выгоду даже из кризисной ситуации, делая Йемен зависимым от своих решений.

Однако «арабская весна» одновременно и ослабила позиции королевства в Йемене. Президент Салех, лояльный королевству, был напуган быстрым ростом сил оппозиции и хуситов (второе название группировки хуситов — «Ансар Аллах»), военизированной организации йеменских шиитов-зейдитов. В 2012 г. Салех ушел в отставку, передав полномочия вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади. В стране набирало силу движение хуситов, переход власти к которым в 2014–2015 гг. вызывал серьезную обеспокоенность Саудовской Аравии, так как она могла утратить контроль над Йеменом. К тому же над королевством нависала угроза проникновения из Йемена террористов АКАП (сокращенное название организации «Аль-Каида на Аравийском полуострове»).

Таким образом, Саудовская Аравия не должна была допустить ни усиления власти хуситов, ни полного развала Йемена, в связи с чем ставка была сделана на нового президента Хади, избранного в феврале 2012 г., как на наиболее лояльную фигуру и к королевству, и к ее западному союзнику — США, не желающему отдавать власть «Ансар Аллах». Поэтому при обращении президента Йемена к мировому сообществу с просьбой о помощи Саудовская Аравия согласилась оказать ее посредством военной операции против хуситов, осуществляемой коалицией войск арабских стран. Посол Саудовской Аравии в США Адель аль-Джубейр сообщил о начале операции 26 марта 2015 г., сказав при этом: «Военная операция включает в себя авиаудары по отдельным городам и регионам Йемена с целью поддержки законного правительства и йеменского народа» [7].

В Йемене Саудовская Аравия имеет ряд важных целей, достижение которых позволит ей не только сохранить Йемен в сфере своего влияния, но и успешно противостоять Ирану как союзнику шиитов и претенденту на региональное лидерство.

Во-первых, это обеспечение безопасности королевства от возможного распространения йеменского конфликта на свою территорию. Под влиянием конфликта повстанцы могут потребовать у Саудовской Аравии возвращения Йемену трех провинций, перешедших королевству в 2000 г., которые, однако, часть йеменцев до сих пор считает несправедливо отданными землями. Конфликт также способен вызвать шиитское восстание в саудовской провинции аш-Шаркия, населенной преимущественно шиитами и обладающей почти всеми запасами нефти королевства. Также существует опасность проникновения конфликта и в регион Хиджаз, где расположены мусульманские святыни, причем эта опасность исходит и от террористов АКАП.

Во-вторых, целями Саудовской Аравии являются ослабление Ирана путем отсечения его от шиитского Йемена и исключение возможности вмешательства Ирана в конфликт и противодействие его попыткам стать лидером на Ближнем Востоке.

В-третьих, цель саудовцев — сохранение контроля над транзитными потоками нефти в зоне Баб эль-Мандебского пролива, через который проходит 15 % мирового нефтяного транзита. Основной трафик нефти через пролив осуществляется из Саудовской Аравии, Кувейта и Катара в Европу, и его перекрытие лишит эти страны возможности экспортировать нефть и получать нефтяные доходы.

Не случайно именно после захвата хуситами Адена королевство решило оказать помощь Йемену. Йеменский конфликт для Саудовской Аравии — это в первую очередь усиление собственных позиций и сохранение влияния на Йемен как на территорию интересов королевства.

Отношения Ирана с Йеменом имеют глубокое историческое прошлое. До принятия ислама земли Йемена были частью Персидской империи, иранские суфии способствовали распространению ислама в Южной Аравии, а в начале XX в. в Йемене был создан сильный зейдитский имамат. Иран, будучи мировым шиитским лидером, всегда поддерживал йеменских шиитов, но не осуществлял прямого вмешательства в дела страны.

Более плотное сотрудничество Ирана с Йеменом началось после прихода к власти хуситов. В марте 2015 г. в Санае был подписан договор с Ираном о начале авиaperелетов из Тегерана в Сану и обратно. Соглашение предусматривало довольно большой авиатрафик — 14 рейсов в неделю в каждом направлении. Кроме того, Иран готов был оказывать Йемену и другие услуги, «особенно в области подготовки персонала гражданской авиации, строительства, реконструкции и эксплуатации аэропортов, обслуживания взлетно-посадочных полос и навигационных устройств и прочего оборудования» [8].

Начав оказывать поддержку хуситскому движению, Иран дал понять, в первую очередь Саудовской Аравии, что Йемен — это зона стратегических интересов Ирана и часть шиитской «оси сопротивления» Западу и Израилу. Представитель аятоллы Хаменеи в Корпусе стражей исламской революции Ходжат оль-Эслам Али Ширази сказал, что «Ансар Аллах» в Йемене — то же, что и «Хезболла в Ливане», а бывший председатель иранского парламента Натег Нури подчеркнул, что «возможность экспорта исламской революции подтверждается самим наличием группировки “Ансар Аллах”» [9].

Соответственно в Йемене у Ирана существуют вполне понятные стратегические цели.

Во-первых, создание широкой зоны влияния от Средиземного моря до Аденоского залива. Взяв под контроль Йемен, Иран сможет замкнуть «шиитский полу-месяц» и обеспечить себе лидерские преимущества в регионе. В сентябре 2014 г., после того как «Ансар Аллах» вошла в Сану, иранский парламентарий Али-Реза Закани, приближенный к духовному лидеру Ирана, сказал: «Сегодня уже три арабские столицы (Багдад, Бейрут, Дамаск. — *В. К., Н. С.*) пали перед Ираном и движутся к исламской революции, Сана — это четвертая арабская столица, которая вскоре также присоединится к ней» [10].

Во-вторых, целью Ирана является обеспечение выхода к Красному морю и установление контроля над Баб-эль-Мандебским проливом. Это позволит Ирану, который уже контролирует Ормузский пролив, полностью влиять на нефтяной транзит из стран Персидского залива.

В-третьих, Иран стремится к созданию определенной «буферной зоны» из шиитских провинций Йемена на границах с Саудовской Аравией для получения возможности оказывать давление на королевство с помощью «шиитской угрозы».

Таким образом, Иран использует йеменский конфликт для укрепления своего геополитического и регионального влияния у самых границ Саудовской Аравии.

1. معاهدة الطائف بين المملكة اليمنية وبين المملكة العربية السعودية وقعت في جدة في السادس من شهر صفر عام 1353 هـ. م1934م (Таифский договор между Королевством Йемен и Королевством Саудовская Аравия, подписанный в Джидде в 1934 г.) // аль-Марказ аль-Ватаний лиль-Ма'люмат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yemen-nic.info/yemen/history/taif.php> (дата обращения: 11.11.2015).

2. معاهدة جدة الحدودية بين اليمن والسعودية (Джиддийский договор о границе между Йеменом и Саудовской Аравией) // Аль-Ма'рифа. 2000. 12 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/1RpsB91> (дата обращения: 08.11.2015).

3. Йемен и Саудовская Аравия: заклятые друзья // Институт Ближнего Востока. 06.01.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7968> (дата обращения: 09.11.2015).

4. *Mohamad Bazzi*. How Yemen became the front line of a Mideast-wide war // Reuters. 27.03.2015 [Electronic resource]. URL: <http://blogs.reuters.com/great-debate/2015/03/27/how-yemen-became-the-front-line-of-a-mideast-wide-war/> (accessed: 12.11.2015).

5. الفقراء يتضررون من خفض دعم الوقود في اليمن (Отмена топливных субсидий в Йемене больше всего ударит по бедным) // IRIN. 25.08.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/22t6s1k> (дата обращения: 30.10.2015).

6. منحت اليمن 2 مليار دولار وتغطية احتياجات اليمن من المشتقات النفطية لمدة شهرين (Йемен получит 2 млрд долларов и поставки нефтепродуктов в течение двух месяцев) // Йемен-пресс. 10.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://yemen-press.com/news32749.html> (дата обращения: 10.11.2014).

7. السفير الجبيري: نسقنا مع الحلفاء وفي مقدمتهم أميركا (Посол аль-Джубейр: мы координировали действия с союзниками во главе с Америкой) // Аль-Арабия. 26.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/20CVp4b> (дата обращения: 12.11.2015).

8. اتفاقية طيران بين الحوثيين وطهران.. تشمل 14 رحلة أسبوعياً وتقديم الخدمات الجوية (Авиационное соглашение между хуситами и Тегераном включает в себя 14 рейсов в неделю и оказание авиационных услуг) // аль-Васат. 01.03.2015. URL: <http://www.alwasatnews.com/news/966547.html> (дата обращения: 11.11.2015).

9. آیا ایران واقعا یمن را به کنترل خود در آورده است؟ (На самом ли деле Иран контролирует Йемен?) // Дипломасие Ирони. 13.02.2015. URL: <http://bit.ly/1TEjW7c> (дата обращения: 11.11.2015).

10. مسؤول إيراني: أربع عواصم عربية سقطت بيد طهران (Иранский чиновник: четыре арабские столицы пали перед Тегераном) // Аль-Виам. 22.09.2014. URL: <http://bit.ly/22pg7Gp> (дата обращения: 11.11.2015).

Рукопись поступила в редакцию 23 декабря 2016 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.334.52(571.1/5)

Е. В. Головнева

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

В статье обосновывается необходимость методологического рассмотрения сибирской региональной идентичности в качестве конструкта. Показано, что, несмотря на современную политизацию сибирской идентичности, отмечаемое этносоциологами активное использование сибиряками маркера «сибирскости» при определении своей региональной принадлежности, сибирская идентичность до сих пор не получила содержательной характеристики в научной литературе. Опираясь на теоретический опыт анализа региональной идентичности в современных зарубежных исследованиях, автор формулирует возможные ориентации исследования сибирской идентичности, вытекающие из конструктивизма, показывается эвристичность применения конструктивистского подхода к изучению сибирской идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная идентификация, сибирская региональная идентичность, конструирование, конструкт, сибиряки, Сибирь.

Одной из самых актуальных задач изучения сибирской идентичности в настоящее время является поиск методов ее анализа и формулирование методологического подхода, способного объяснить, каким образом формируются и осуществляются процессы идентификации среди сибиряков.

Для решения этого вопроса в рамках статьи предлагается, во-первых, рассмотреть опыт современного анализа сибирской идентичности; во-вторых, показать ограниченность его применения; в-третьих, сформулировать ключевые положения к рассмотрению сибирской идентичности с конструктивистских позиций.

Отметим, что конструктивизм в данной работе понимается в смысле теории (социальный конструктивизм) и одновременно научно-исследовательской программы, способной, с одной стороны, предложить достаточно разработанный спектр способов изучения объекта, с другой — позволяющей осуществить экстраполяцию изначально определенных методологических принципов на новые

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 16-33-01038.

проблемы. Актуальность рассмотрения сибирской идентичности в аспекте социального конструктивизма обусловлена, на наш взгляд, тем, что хотя к настоящему времени накоплен определенный теоретический опыт ее анализа [1, 8, 9, 12, 19], изучение сибирской идентичности в рамках методологии конструктивизма в отечественных философских исследованиях не проводилось.

Сибирская идентичность как социокультурная проблема: взгляд этносоциологов

В современном социокультурном пространстве России сибирская идентичность является если и не самой выраженной и активно растущей среди форм региональных идентичностей, то во всяком случае относится к числу лидирующих. Дискуссия о ней была инициирована тем, что накануне Всероссийской переписи населения-2010 в Интернете стартовала акция «Мы — сибиряки», призывавшая жителей Сибири в поле «национальность» указывать — «сибиряк» [7], а часть сибирской властной элиты предприняла серьезные попытки создать политические объединения в Новосибирске, Томске, на Алтае. Активизировались идеологи «сибирской нации», согласно которым сибиряки существовали всегда, не являясь субэтносом русского народа, и «отличались от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом» [Там же]. Высказывалась даже идея о существовании особого сибирского языка, пока существующего в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющегося в «живой язык». Так, журнал «Эсквайр» (2011. № 71) опубликовал «Пятиминутный путеводитель по сибирскому сепаратизму» с кратким словариком сибирского языка, флагом и картой, на которой изображено, чего лишится страна, если потеряет территории за Уралом.

Присутствие подобных идей в политическом пространстве само по себе говорит о включении сибирской идентичности в сферу политического дискурса. На уровне обыденного сознания продолжают широко воспроизводиться авто- и гетеростереотипы о Сибири и сибиряках (как, например, в суждениях «*В Сибири всегда холодно*», «*Там медведи по улицам ходят*»). В художественной литературе выявляются характерологические особенности (черты менталитета, поведенческие реакции, общие жизненные стратегии и ориентации, языковые практики), типичные для жителей Сибирского региона. В научном дискурсе сибирская идентичность рассматривается с разных позиций (как индивидуальная идентичность, новый вид социальной солидарности, способ политического высказывания), однако большинство исследований на эту тему ограничивается все же простой констатацией наличия сибирской идентичности и ее постоянного роста.

Так, по данным этносоциологических исследований, статус сибирской территориальной идентичности оказывается довольно высоким в идентификационной матрице современных сибиряков. По сравнению с национальной, конфессиональной или социальной идентичностью именно сибирская региональная идентичность осознается респондентами наиболее четкой и зачастую — более значимой.

К примеру, данные опроса Н. В. Сверкуновой, проведенного в Иркутской области, показали, что 61,8 % респондентов отдали предпочтение стереотипу «сибиряк», 18,1 % — стереотипу «современный человек», представляемому средствами массовой информации, а 19,8 % — затруднились с ответом [19]. По сообщению омского этнографа М. А. Жигуновой, если в 1986–1988 гг. в Сибири сибиряками называли себя 15 % респондентов, в 2000 г. — 32 %, то в настоящее время — около 80 % [10–12]. Отмечается положительная динамика сибирского регионального самосознания, несмотря на размытость самого понятия «сибиряки», фиксируются устойчивые стереотипные отличия русских Сибири от русских Европейской России.

В результате этносоциологических исследований сибирской идентичности были намечены и основные ее индикаторы. Так, новосибирские исследователи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская пришли к выводу, что идентичность сибиряка в настоящее время включает в себя четыре важные составляющие: территориальный признак (место рождения или проживания), социокультурный фон (повседневная среда), биографический след (создание семьи и становление карьеры) и политический аспект (средство мобилизации активной части населения) [1, 15]. В большинстве проведенных ими интервью территориальное измерение сибирской идентичности упоминается как самое значимое; сибирская идентичность у представителей полиэтничных семей носит включающий характер, заменяя национальную идентичность [Там же, 25].

Томские социологи на основе данных опросов в девяти сибирских регионах показали, что базовыми основаниями самоидентификации современных сибиряков являются семья и включенность человека в дружеские и товарищеские отношения, в то время как профессиональный статус, этническая и религиозная принадлежность жителей Сибири выражены в гораздо меньшей степени [8]. Эти выводы в целом согласуются с результатами исследований М. А. Жигуновой, согласно которым «сибирское самоопределение» для многих является решением проблемы самоидентификации в условиях смешанного происхождения; территориальное измерение в составе сибирской идентичности начинает доминировать над этническим, поселенческим и конфессиональным [10, 74]. «Сибирскость» оказывается важной характеристикой, дополняющей национальную идентичность, поэтому опрошенные исследователями информанты считают себя «русскими сибиряками», «сибирскими немцами», «сибирскими украинцами», «сибирскими татарами» и т. д.

Тем не менее, изучая региональную идентичность сибиряков и справедливо рассматривая территориальную самоидентификацию жителей Сибири как ее центральный фактор [1, 74; 9, 42], сибирскую идентичность, как на обыденном, так и на специализированном (научном) уровне, часто сводят лишь к абстрактному ощущению «я — сибиряк». Выделяемые этносоциологами аспекты сибирской идентичности являются эмпирическим обобщением, однако любой эмпирический опыт ограничен и конкретные суждения о том, что есть «сибирскость», можно оспорить на уровне контрпримеров.

До сих пор вопрос о содержательном наполнении «сибирскости», выделении ее структурных компонентов не получил должного освещения в научной литературе;

разнится и оценка смысловой нагруженности этого понятия. Концепты «Сибирь» и «сибирскость», по словам Д. Н. Замятина, остаются «коллективным бессознательным» России. Научные представления о сибирской идентичности дисгармоничны, неустойчивы, непрочны, неавтономны, в научных исследованиях «метагеография Сибири еще не явлена как целостное развернутое дискурсивное поле поддерживающего само себя воображения» [13, 7].

Положение осложняется также тем, что сибирская идентичность сегодня может проявляться на почве различных элементов общественного самосознания — этнических, религиозных, культурных и социальных. Так, некоторые субрегионы Сибири захватил процесс формирования транснациональных идентичностей на этнической или религиозной основе (что, например, выражается в появлении концепта «Большой Алтай»). Нередко эти разные формы проявления сибирской идентичности вступают в конфликт, ослабляя в целом общесибирскую рефлексию идентичности. Сказывается и неоднородность сибирского сообщества, которое американка Шарон Хадгинс в своей книге «Другая сторона России» сравнивает с водной емкостью, в которой есть застоявшаяся, неподвижная вода и есть разнонаправленные течения. Самый значительный процент современного населения сибиряков, по ее мнению, это люди среднего возраста, выходцы из «бывшего советского среднего класса», возлагающие надежды на развитие Новой России, но имеющие слабое представление о том, какие именно шаги нужно для этого предпринимать [20, 86]. Иркутский философ М. Я. Рожанский также полагает, что основную трудность в решении проблемы сибирской идентичности сегодня составляет отсутствие развития активной рефлексивной деятельности о Сибири и сибиряках [25, 12].

Сибирская идентичность в контексте методологии конструктивизма

Ограниченность эмпирических исследований сибирской идентичности, основанных на констатации стихийных установок на уровне обыденного сознания респондентов, требует нахождения эффективного методологического инструмента для ее изучения, и в этом плане, на наш взгляд, перспективными оказываются идеи социального конструктивизма, рассматривающего региональную идентичность как конструкт [4]. В таком понимании региональная идентичность анализируется прежде всего в работах зарубежных авторов — А. Пааси [23, 24], А. Мерфи [22], И. Нойманна [17], М. Китинга [14], составивших концептуальную основу данного исследования.

Концепт «конструкт» определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир. Теория социального конструктивизма, по П. Бергеру и Т. Лукману, различные конструкты мира связывает в первую очередь с внутригрупповым согласием в различных сообществах по поводу того, что считать существующим и значимым, тем самым подчеркивая социальную природу производства знания о мире. Эта система знаний передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя, таким

образом, в качестве субъективной реальности [4, 47]. Именно благодаря такому знанию субъект ощущает себя членом какой-то социальной группы и играет соответствующие социальные роли. Теория социального конструирования придерживается, таким образом, идеи о том, что классификация объектов окружающего мира возникает в процессе социальных взаимодействий, разного рода коммуникациях и носит культурно-исторический характер.

Конструктивизм можно рассматривать также как метод, как аналитическую программу [15], применяемую за рамками технического знания, по отношению к социогуманитарным исследованиям, в том числе к изучению региональной идентичности. В таком аспекте конструктивизм оказывается направленным на выявление дискурсов, связанных с созданием и поддержанием региональной идентичности. Понятие «дискурс» прочно связано с теорией социального конструктивизма. Под дискурсом понимается способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных практиках, который не только отражает мир, но и творит, создает его [16]. Именно как система дискурсов рассматривается региональная идентичность в работах финского исследователя А. Пааси, который специально отмечает, что не региональная идентичность формирует дискурсы, напротив, она существует и возникает в силу действия определенных социальных практик и дискурсов [23, 5].

В конструктивистском подходе любая форма коллективной идентичности мыслится как субъективный и изменчивый феномен, как результат договоренности между всеми действующими лицами, участвующими в процессе выстраивания системы социальных связей. На первый план при характеристике идентичности выходит интерпретация своеобразия группы, которая лежит в основе конструирования сообщества. Этот подход акцентирует внимание на том, что идентичность может выбираться субъектом, она может быть сконструирована и ею можно манипулировать [22–24]. Сторонники «умеренного» конструктивизма признают, что хотя идентичность конструируется субъектом, тем не менее в ней отражаются конкретные реалии, маркеры формирования идентичности.

В конструктивистской трактовке идентичности рассматриваются не как предписываемые, а как достигаемые, приобретаемые феномены. Они представляют собой процессы, которые постоянно воспроизводятся, а не существуют как данные. Ч. Тилли отмечает, что «идентичности всегда нуждаются в подтверждении, всегда зависят от обстоятельств, всегда представляют собой результат переговоров (*negotiable*)» [5, 11]. Соответственно их содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов, специфическую у каждого конкретного субъекта. В терминах Э. Баумана, идентификация в реалиях глобализирующегося мира никогда не заканчивается, всегда не завершена, не окончена, «открыта в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [3, 192].

Представляется, что конструктивизм как исследовательская программа может оказаться полезным для разработки теоретического инструментария философского исследования как региональной идентичности в целом, так и ее конкретного воплощения. Приведем аргументы, обосновывающие необходимость применения

конструктивистской научно-исследовательской программы к изучению сибирской идентичности.

Прежде всего, конструктивистское понимание сибирской региональной идентичности представляется оправданным, поскольку в современной культуре региональная идентичность в целом, сибирская в частности, является результатом множества направленных и ненаправленных процессов социокультурной обработки¹. При таком подходе ряд идей и образов в составе сибирской идентичности создается не отражением объекта, а внешними, воздействующими на его восприятие факторами. Возникая первоначально естественным образом как территориальное понятие, в дальнейшем региональная идентичность обретает новые формы выражения, конструируемые местными элитами, которые опираются и на устоявшуюся мифологическую, и на развивающуюся историческую традицию. В этой связи в центре внимания оказываются акторы конструирования сибирской идентичности и те процедуры, с помощью которых трансформируется исходный образ Сибири и сибиряков.

При осмыслении процесса конструирования сибирской идентичности в известной мере могут быть полезны выделенные финским ученым А. Пааси фазы институализации регионов (от территориального осознания региона его жителями, через его символическое оформление к возникновению региональных институтов и утверждению его образа в массовом сознании) [23], а также взгляды Я. Кусбера и К. Вайс об агентах пространственного конструирования Сибири. Я. Кусбер, в частности, отмечает, что агентами конструирования «сибирскости» в первую очередь являлись представители элит имперского центра и уже после — собственно сибирское население и иностранные путешественники [22, 74]. Согласно К. Вайс носителями формирующегося образа Сибири, с одной стороны, была элита российского общества, с другой — путешественники и ученые, которые возвращались в Россию после экспедиций [6, 74]. Представляется, что ключевую роль в формировании сибирской идентичности сыграли именно интеллектуалы, которые вычленили культурную группу сибиряков из социального пространства, описали ее научным языком, наделили сильными эмоциональными характеристиками, сконструировали ее историческое прошлое. При таком подходе упор делается не на сам «сибирский народ», а на его «создателей», которые «воображают», изобретают идентичность, придают ей культурное и политическое значение.

В современном конструировании региональной идентичности также оказывается значимым вопрос о том, каким хотят видеть Сибирь различные мировоззренческие и властные «мы-группы». От определения уникальности региона зависит, насколько политические элиты могут овладеть «символическим капиталом», который позволяет им не только пользоваться нужными словами при составлении инвестиционных заявок, но и помогает объединять или разделять общности на «продвинутых» и «аутсайдеров». Как отмечает Й. Баберовски, «территория «национализируется» с помощью истории, которую «открывают» интеллектуалы.

¹ Характерно в этом смысле появление проекта «Сибирь-2030» (www.siberia2030.ru). По представлению создателей проекта, суть его заключается в том, чтобы собрать группу единомышленников, готовых самостоятельно и объединившись конструировать в мире новую сибирскую идентичность.

Сама по себе “территория” — ничто, лишь человеческая вера и страсть придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы» [2, 324].

Специфика сибирской идентичности и образ Сибири определяются историей освоения региона, географическими и природно-климатическими факторами, удаленностью от федерального центра, этническим и конфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, влиянием внешнеполитического окружения. В этой связи Сибирский регион может конструироваться исходя из разных параметров: целостность Сибири можно выделять по географическому принципу (именно этот принцип стал ведущим в концепции сибирских областников), тогда единство будет состоять в сходных природно-географических условиях; либо по историко-культурным основаниям, тогда единство Сибири возникает вследствие общих элементов культуры и исторической судьбы региона. Народонаселение Сибири (сибиряки) также может выступать фактором конструирования сибирской территории. Кроме того, на обыденном и научном уровне часто обращаются к экономическому параметру при выделении особенности Сибири, к примеру, характеристики ее как нефтегазодобывающего региона.

Конструктивистский подход предполагает, что сибирская региональная идентичность, являясь конструктом, имеет реальный референт (в данном случае — регион Сибири) и хотя бы частично отражает и воспроизводит его свойства, не являясь, таким образом, фантомом. В этом смысле утверждение о том, что сибирская идентичность представляет собой лишь «*миф* как некое нарративное знание, в рамках которого идеологические и географические характеристики места становятся самостоятельным инструментом самоидентификации» [8, 119], не является корректным. Другое дело, что мифология оказывается значимым фактором формирования сибирской идентичности, и в ее мифы оказываются «органично включены образы Ермака и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали» [21, 67]. Выявление, наряду с мифологией, иных источников конструирования сибирской идентичности (например, религиозного, художественного, научного дискурсов), как представляется, само по себе предохраняет от упрощения, стереотипизации представлений о сибирской идентичности, оно способствует выявлению ее многомерности и разноплановости.

Сибирская идентичность в этом смысле может рассматриваться как *конструируемая субъектом территориальная идентичность и одновременно как система дискурсов*. При этом сама территория Сибири оказывается «достаточно автономным и бытийно устойчивым образом-опытом пространственности» [13, 27].

Рассмотрение сибирской идентичности как конструкта предполагает также, что она не является неизменной, а постоянно «достаивается» и трансформируется в процессе человеческой деятельности. В настоящее время, к примеру, можно говорить об активном преобразовании «сибирского этноса». Экспертами отмечается, в частности, что из-за снизившегося уровня жизни в Сибири происходит отток коренных сибиряков в Центральную Россию и Европу. Взамен убывших города Сибири активно пополняются гастарбайтерами из Средней Азии

и Китая. Растет число лиц со смешанной этничностью: «русский хохол с еврейскими корнями», «русская полячка казахского происхождения», «русская с немецкой помесью», «русский, но по крови — белорус» и т. п. [10, 74]. Кроме того, в своем современном виде категория «сибиряки» имеет также четко выраженные локальные социокультурные особенности регионализации ментальной воображаемой общности в виде разнообразного мира «сибирскости»: «забайкальцы», «дальневосточники», «северяне» и др. В этой связи можно согласиться с мнением новосибирских социологов А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской о том, что «схемы “автоматического” формирования или усвоения ключевых элементов идентичности не работают для подвижных, переселенческих обществ, поэтому наиболее продуктивным для исследования сибирской региональной идентичности представляется конструктивистский подход» [1, 7].

Согласно конструктивизму сибирская идентичность высвечивает определенные срезы в отражении сибирской региональной культуры, испытывает постоянное идеологическое воздействие акторов конструирования (государства, СМИ, Русского географического общества, политической элиты, религиозных деятелей, сотрудников периодических изданий и т. п.). В таком контексте сибирскую региональную идентичность можно рассматривать также как борьбу различных групп интересов за символическое маркирование территории при помощи топонимов, фигур и мест памяти, юбилейных празднеств, конструирования образов населения края и др.

Следует указать еще на ряд аспектов рассмотрения сибирской идентичности в рамках конструктивизма, которые до некоторой степени меняют представления о ее статусе, но вместе с тем, как представляется, способствуют современному пониманию основ ее функционирования.

Конструктивизм как исследовательская программа предполагает, во-первых, размещение объекта изучения в поле субъектной контекстуальности [15, 22]. Это означает признание в сибирской идентичности значимости субъектной составляющей: региональных образов, идей, представлений об истории формирования Сибири, о возможных вариантах ее будущего развития, миссии и т. п. Данные образы Сибирского региона не даны изначально: они исторически обусловлены, конструируются в процессе жизнедеятельности сибиряков как результат выбора ими референтных групп, их дистанцирования от других региональных сообществ, освоения ими определенных культурных практик (коммуникативных, профессиональных, досуговых и т. п.), степени их подверженности массмедиа. Образы Сибири являются элементами конструирования сибирской идентичности и могут быть полными и неполными, рефлексивными и нерефлексивными, позитивными и негативными, но, взятые вместе, они относительно полно характеризуют сибирскую региональную идентичность.

Конструктивизмом также задается необходимость устанавливать круг факторов, определяющих характер достройки и трансформации изначальной данности, а также их систематизацию и иерархизацию [15, 22]. Для региональной идентичности такими факторами являются институционально-политическое измерение, экономическое значение региона, существующая в его рамках

культурная стандартизация, историческое развитие региона. Как отмечал востоковед Н. Ю. Кюнер, «о Сибири можно мыслить различно» [18]. Аналогичная ситуация складывается и в отношении термина «сибиряки», под которыми могут пониматься как старожильческая этнокультурная общность русских Сибири, так и представители коренных народов, проживающих на данной территории; как «природные сибиряки» (уроженцы Сибири), так и «идеологические сибиряки» (приехавшие в Сибирь и оставшиеся здесь жить по идеологическим соображениям). Взятые вместе или по отдельности, факторы конструирования задают возможные параметры изучения сибирской идентичности, т. е. ее политическую, экономическую, культурную и историческую размерность. Эти факторы, подобно пазлам, могут меняться, но общая картина при этом сохраняется, благодаря уникальной оптике.

Кроме того, конструктивизм в силу своего технического генезиса предполагает анализ структуры изучаемого объекта, логическую определенность результата действия как основы его функционирования [15, 22]. Понятие «конструирование» непротиворечиво соотносится со словосочетанием «придание формы» как внутреннего порядка объекта. В этом контексте вопросы «из каких компонентов складывается сибирская региональная идентичность?» «как происходило ее конструирование?» «кто являлся агентом конструирования сибирской идентичности и какие смыслы были задействованы в этом процессе?» могут получить содержательные ответы.

В целом рассмотрение сибирской идентичности как конструкта представляется эффективной научно-исследовательской программой ее изучения. В ходе реализации этого подхода в анализе сибирской региональной идентичности появляются новые темы и сюжеты, способные раскрыть закономерности процессов идентификации у жителей Сибири, дать содержательную характеристику сибирской идентичности, а также объяснить, на каких уровнях (обыденном, специализированном) возможно ее функционирование.

---

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

2. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // *Ab imperio: Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 307–352.

3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

5. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М., 2012.

6. Вайс К. Русское географическое общество и создание образа Сибири в XIX веке // *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : сб. / Межрегиональные исследования в общественных науках (Программа)*, Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук ; сост. Н. В. Пономарева ; ред. И. И. Плеханова. Иркутск, 2004. С. 59–74.

7. Волкогонова О. Д., Белоусов С. О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/02/2010-02_r_dek-s7.htm (дата обращения: 29.11.2016).

8. *Дутчак Е. Е., Каптур В. В.* «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность.* 2013. № 4. С. 116–129.
9. *Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В.* Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История.* 2012. № 2(3), ч. 1. С. 41–44.
10. *Жигунова М. А.* Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материалах эмпирических исследований) // *Гуманитар. науки в Сибири.* 2009. № 3. С. 73–78.
11. *Жигунова М. А.* Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // *Родина.* 2011. № 11. С. 11–15.
12. *Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Региональный вариант сибирской идентичности // *Омский науч. вестн.* 2014. № 2(12). С. 48–62.
13. *Замятин Д. Н.* Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллектив. моногр. / отв. ред. К. В. Анисимов.* Красноярск, 2010. С. 7–27.
14. *Китинг М.* Новый регионализм в Европе // *Логос.* 2003. 6(40). С. 67–116.
15. *Мартышина Н. И.* Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // *Гуманитар. исслед.* 2015. № 2(6). С. 19–22.
16. *Миллер А. И.* О дискурсивной природе национализмов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55643.htm> (дата обращения: 25.11.2016).
17. *Нойманн И.* Использование Другого: образы Востока в формировании европейской идентичности. М., 2004.
18. *Ремнев А. В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.balatsky.ru/home/Geographical_Siberia.pdf (дата обращения: 25.11.2016).
19. *Сверкунова Н. В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
20. *Hudgins Sh.* The other side of Russia: a slice of life in Siberia and the Russian Far East: Texas A&M University Press, 2003.
21. *Kusber J.* Mastering the Imperial Space: The case of Siberia theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio.* 2008. № 4. P. 52–74.
22. *Murphy A.* Regions as social constructs // *Progress in Human Geography.* 1991. 15. P. 22–35.
23. *Paasi A.* Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life // *Environment and Planning,* 23. 1991. P. 239–254.
24. *Paasi A.* Place and region: regional worlds and words // *Progress in Human Geography.* 2002. 28. P. 802–811.
25. *Rozhanskiy M.* The empire`s Siberian knots. [Electronic resource]. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-04-30-rozhanskiy-en.html> (accessed: 25.11.2016).

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2016 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 159.923.2 + 159.937.54 + 115 + 116

О. М. Мухутдинов

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ САМОСОЗНАНИЯ

Диалектическая история самосознания является исследованием становления практического понятия самосознания в «Феноменологии духа» Гегеля. В этом становлении самосознание проходит три стадии развития. Первая стадия представляет формальное единство самосознания. Вторая стадия показывает присущее самосознанию движение. Третья стадия устанавливает отношение самосознания к другому самосознанию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сознание, самосознание, стремление, жизнь, движение.

Самосознание «Я мыслю», сопровождающее все мои представления, является высшим принципом в системе теоретического познания. В качестве синтетического единства апперцепции это самосознание является основанием всей системы трансцендентальной философии и определяется как условие возможности конституции не только предметов опыта, но также и мира как универсального горизонта взаимосвязи предметов опыта по законам рассудка. Спонтанность апперцепции имеет характер «чистого сознания деятельности, которая составляет мышление и относится к логике (системе правил рассудка)» [4, 372]. Благодаря априорному синтетическому единству трансцендентальной личности становятся возможными синтетическое единство переживаний эмпирической личности, а вместе с ним — единство опыта.

Трансцендентальное единство апперцепции «Я мыслю» связано с представлением о способности теоретического познания. Эта способность — свободная возможность существования разумных существ. Идея свободы оказывается краеугольным камнем для систем теоретического и практического разума. Основанием единства практического существования в мире является моральная личность, т. е. способность определять волю к поступку посредством одного только разума. Моральная личность представляет собой самосознание, возникающее на основании уважения к моральному закону, а с онтологической точки зрения — на основании конституируемой посредством морального закона открытости в отношении универсального горизонта всемирности человеческого существования.

Так в системе критики разума возникают два центра отношения к действительности, а именно — теоретическое и практическое единство самосознания. При этом вопрос о взаимосвязи трансцендентального единства апперцепции «Я мыслю» и феномена моральной личности у Канта не ставится. В результате возникает принципиальная проблема внутреннего единства систем чистого теоретического и практического разума, на которую указывают критики Канта. В «Феноменологии духа» Гегель предпринимает попытку радикальной интерпретации системы трансцендентальной философии и вновь поднимает вопрос о сущности самосознания. Анализ феномена самосознания в науке об опыте сознания посвящена эта статья.

Формальное определение самосознания заключается в том, что оно есть сознание о самом себе. Сознание вообще есть способность чувственного представления о действительности окружающего мира: пребывать в сознании — значит иметь возможность представлять предметы действительности в актах чувственного созерцания и восприятия. Опыт сознания становится главной темой «Феноменологии духа» Гегеля. Первоначальный предмет сознания есть «это», существующее «здесь» и «теперь». Тем не менее сознание не довольствуется абстрактной достоверностью представления о всеобщности бытия предмета и в своем движении последовательно рассматривает предмет как вещь, обладающую многими свойствами, как «бытие-в-себе», которое обнаруживает себя в «бытии-для-иного», как игру сил, посредством которой проявляется внутренняя сверхчувственная сущность предмета, и как царство законов, которому эта сущность подчинена. В этом движении сознание логически конструирует предмет. При этом предмет уже не рассматривается в качестве противостоящего сознанию статического единства. То, что здесь называется предметом (*der Gegenstand*), на деле оказывается возникающим динамическим единством (*der Entstand*). Сам предмет становится движением знания. Принципы существования предмета оказываются тождественными принципам деятельности самого сознания. В акте логического конструирования предмета сознание обнаруживает само себя. В силу этого сознание становится самосознанием. «Истина сознания есть самосознание, и это последнее есть основание сознания, так что в существовании всякое сознание другого предмета есть самосознание» [3, 233]. Тезис о том, что сознание есть самосознание, носит спекулятивный характер и означает: самосознание есть сущность сознания. То, чем сознание является в действительности, заключается не в его отношении к внешнему миру, а в знании о себе самом как истинном основании достоверности чувственного представления. Процесс становления истины достоверности себя самого разворачивается в диалектической истории самосознания.

Обсуждение диалектической истории самосознания Гегель начинает в своейственной ему манере: «Итак, с самосознанием мы вступаем в родное ему царство истины»¹ [2, 93]. Под царством истины Гегель понимает систему абсолютного знания. Абсолютным называется не зависящее от эмпирического познания знание истины сущего в целом. Субъектом такого знания является дух. Самосознание

¹ Таким же образом в лекциях по истории философии Гегель начинает раздел, посвященный греческой философии: «При упоминании Греции образованный европеец, и в особенности мы, немцы, чувствуем, как будто очутились в родном доме» [1, 187].

становится первой ступенью в движении постигающего себя духа. Познание духа есть самопознание, преодоление отчуждения и возвращение к себе из инобытия. Точно таким же образом осуществляется переход от достоверности сознания чувственно воспринимаемого мира к истине достоверности самосознания: «Но на деле самосознание есть рефлексия из бытия чувственного и воспринимаемого мира и по существу есть возвращение из инобытия» [2, 94].

Здесь необходимо сделать одно замечание, имеющее принципиальное значение для всего рассуждения. В структуре «Феноменологии духа» Гегель последовательно рассматривает понятия сознания и самосознания. На этом основании может возникнуть представление о том, что речь идет о двух различных феноменах. Однако такое представление вряд ли является корректным. Понятие самосознания играет решающую роль уже в главе, посвященной анализу чувственной достоверности. Гегель подчеркивает, что истина чувственной достоверности заключена не в предмете, а в отношении предмета и сознания. Сознание при этом определяется как Я. Таким образом уже на первой, непосредственной, ступени движения абсолютного знания сознание обнаруживает себя в качестве самосознания. Однако понятие самосознания здесь является лишь абстрактным определением в силу того, что достоверность чувственного познания предполагает отношение Я к предмету, а не к самому себе. Я чувственной достоверности есть еще не высвободившееся из инобытия сознание. Момент, когда сознание становится самосознанием, Гегель называет поворотным пунктом: «Лишь в самосознании как понятии духа — поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посюстороннего и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего вступает в дневной свет настоящего» [Там же, 99]. Самосознание есть содержательное определение истины сознания.

Сознание есть самосознание. Формальное определение самосознания выражается в простом тезисе: Я есмь Я. Утверждения «Сознание есть самосознание» и «Я есмь Я» являются, по сути, равнозначными. Но если первое положение, очевидно, показывает движение, в котором сознание становится самосознанием, то второе, по видимости, представляет собой лишнюю всякого движения тавтологию, поскольку «единичность знающей саму себя личности еще не является истинной сущностью» [7, 49]. Это видимое противоречие должно быть преодолено движением самого абсолютного знания. Для этого требуется показать, что в формальном понятии самосознания присутствует двойственность, которая не только не позволяет самосознанию оставаться покоящимся единством, но, напротив, является условием его развития. Эта двойственность заключается в том, что, с одной стороны, самосознание в качестве сознания есть отношение к инобытию предметного мира, а с другой, в качестве самосознания в собственном смысле слова, оно есть стремление² к возвращению

² В «Феноменологии духа» Гегель использует понятие «die Begierde». Шпет переводит это понятие как «вожделение». Такая интерпретация не является однозначной в силу того, что понятие вожделения обладает специфическим чувственным содержанием. В то же время выражение «die Begierde» служит у Гегеля для обозначения такого духовного по своей сущности движения, в котором самосознание обретает единство с самим собой. Поэтому я предпочитаю использовать здесь нейтральное понятие «стремление». Это замечание ни в коем случае не следует рассматривать в качестве критики замечательного перевода Густава Шпета. Речь идет о трудностях герменевтического порядка. См., к примеру, замечания Х.-Г. Гадамера относительно перевода термина «Begierde» на французский язык посредством понятия «désir» [7, 54].

из инобытия к себе. В первом случае тождественное себе самосознание утрачивает эту тождественность в инобытии, во втором — преодолевает возникшее в нем различие и восстанавливает тождество с самим собой. Так осуществляется движение, в котором тождественное становится нетождественным, а нетождественное — тождественным. Это движение есть жизнь.

Жизнь есть бытие самосознания. Подобным же образом строится рассуждение Канта о задатках человеческой природы в первой части «Религии в пределах только разума». Кант различает три элемента определения человека: животность, человечность и личность. Под животностью (*Tierheit*) в самом широком смысле этого слова здесь следует понимать жизненность, т. е. условие существования живого вообще и вместе с тем условия существования человека как живого существа в частности. Понятие жизненности является необходимым принципом онтологии человеческой природы. Жизненность включает в себя «во-первых, стремление к самосохранению; во-вторых, к продолжению рода своего через влечение к другому полу и к сохранению того, что производится при сочетании с ним; в-третьих, к общности с другими людьми, т. е. влечение к общительности» [5, 96]. Жизненность является естественным, не требующим разума основанием существования моральной личности.

Гегель содержательно воспроизводит эти моменты в рамках выстраиваемой в «Феноменологии духа» онтологии самосознания. Отношение жизни и самосознания рассматривается как отношение бытия и сущего или как отношение простого, лишенного различия единства и единства, «для которого имеется бесконечное единство различий» [2, 95]. При этом жизнь, вне всякого сомнения, уже является определенным бытием в силу того, что самосознание содержит в себе момент качественного различия. Тем не менее определенность этого бытия может быть выражена исключительно метафорически: «Сущность есть бесконечность как снятость всех различий, чистое движение вокруг оси, покой абсолютной бесконечности как абсолютно непокойной бесконечности, сама самостоятельность, в которой растворены различия движения, простая сущность времени, которая в этом равенстве самой себе имеет чистую форму пространства» [Там же]. Метафорический способ изложения становится необходимым, поскольку понятие жизни как бытия самосознания имеет здесь характер всеобщего представления, которое, по всей видимости, еще не дает возможности прийти к однозначной логической дефиниции. Поэтому жизнь есть «простой род» [Там же, 97]. Однако единство жизни не есть простое единство родового понятия, заключающее в своем объеме многообразии видовых определений. Единство жизни следует рассматривать как единство первой причины, лежащей в основании существования составляющих содержание жизни самостоятельных моментов. Поэтому Финк называет жизнь «соединяющим, производяще-порождающим принципом» [6, 173].

Основопологающим определением понятия бытия в «Логике» является становление. Для определения сущности жизни в «Феноменологии» Гегель использует понятие текучести. Жизнь есть «простая текучая субстанция чистого движения» [2, 95]. Эту текучесть жизни Гегель понимает как процесс, в котором осуществляется движение самостоятельных устойчивых образов. Жизнь предстает

в качестве всеобъемлющего потока, заключающего в себе совокупность принадлежащих ей индивидуальных образований. Эти образования суть проявляющиеся и вновь исчезающие в потоке жизни конкретные различия. Отношение таких устойчивых индивидуальных образований к тотальности жизни Гегель называет круговоротом жизни. Этот круговорот представляет собой «развивающееся и свое развитие растворяющее и в этом движении просто сохраняющееся целое» [2, 97].

Сущность являющейся бытием самосознания жизни есть движение. То, бытие чего определяется через движение, не может мыслиться как формальное тавтологическое определение. По этой причине тезис «Я есмь Я» необходимо рассматривать как положение, в котором утверждается действительность перехода от одного самосознания к другому. Я субъекта суждения и Я предиката суждения суть, таким образом, различные определения. Более того, речь идет о движении, в котором сознание приобретает «опыт, показывающий, что есть дух, эта абсолютная субстанция, которая в совершенной свободе и самостоятельности своей противоположности, т. е. различных для себя сущих самосознаний, есть единство их: “я”, которое есть “мы”, и “мы”, которое есть “я”» [Там же, 99]. Момент перехода от тождества индивидуального самосознания к универсальному единству различных самосознаний является одним из самых трудных для понимания и интерпретации. Логический способ построения науки об опыте сознания предполагает, что этот переход должен быть осуществлен путем последовательно развернутой системы дефиниций. Однако на деле выясняется, что Гегель с самого начала представляет феномены сознания и самосознания в качестве всеобщих определений. Это становится очевидным уже в рамках характеристики непосредственного опыта чувственной достоверности: «Я, “этот”, вижу дерево и утверждаю, что дерево это “здесь”; но другой “я” видит дом и утверждает, что “здесь” — это не дерево, а дом» [Там же, 54]. В этом опыте Я уже выступает в качестве всеобщего сознания, в понятии которого заключено действительное отношение одного «Я» к другому «Я». Но в этом случае основанием для представления о всеобщности самосознания является феномен сосуществования-в-мире. Между тем в «Феноменологии духа» Гегель исходит из фактического существования различных самосознаний и уже затем пытается показать, каким образом осуществляется переход от *одного* самосознания к *другому* самосознанию³.

Это логическое движение осуществляется следующим образом. Понятие жизни является всеобщим определением бытия самосознания. Движение жизни осуществляется в процессе перехода от одной устойчивой ее формы к другой. Представление о единстве жизни в этом случае возникает в акте рефлексии,

³ Вопрос о принципах феноменологической конституции феномена существования других людей является «крестом» всякой теории intersубъективности и опирающейся на нее социальной теории. С логической точки зрения местоимение «я» относится к числу выражений, обладающих по своей сущности случайным значением: «Слово *я* называет в каждом конкретном случае иное лицо и всегда делает это посредством нового значения» [9, 82]. С трансцендентально-феноменологической точки зрения существование другого Я становится весьма серьезной проблемой. Для преодоления возникающих в феноменологической теории intersубъективности затруднений Хайдеггер использует онтологическую концепцию сосуществования в мире, ключевая роль в которой отводится аналитике феномена «бытия-друг-с-другом» (*das Miteinandersein*) [8, 86 ff.].

объединяющем представлении о движении различных устойчивых форм в одно понятие. Тем самым жизнь указывает на иное всеобщее определение, «а именно на сознание, для которого она есть в качестве единства или в качестве рода» [2, 97]. Жизнь самосознания, которая «для себя самой есть род» [Там же], определяется как чистое «я». Утверждение самосознания в качестве самостоятельного феномена требует преодоления того, что выступает в качестве противоположной самосознанию самостоятельной сущности. Это означает, что утверждение самостоятельности самосознания связано с негацией естественного бытия, т. е. жизни. В силу того что жизнь составляет основание существования самосознания и всякая попытка преодоления (негации) этого естественного бытия оказывается одновременно его порождением, самосознание, стремящееся к утверждению своей самостоятельности, может достичь цели своего стремления в ином, нежели оно само, самосознании. Поэтому «самосознание есть для самосознания» [Там же, 98].

Так осуществляется диалектическая история самосознания. В движении этой истории самосознание последовательно предстает перед нами в качестве простого формального тождества «Я емь Я», преодолевающего это тождество движения жизни, и в конечном счете во взаимодействии различных самосознаний. Истинной единичного по видимости самосознания «Я» оказывается на деле феномен практического коммуникативного пространства, выраженного в понятии «Мы».

Но это означает, что сущность самосознания определяется не в его теоретическом, а в его практическом понятии. Критика кантовского понятия трансцендентального единства апперцепции, предпринятая отдельными представителями французской феноменологии и их немецкими последователями, не достигает своей цели в силу того, что в представлении «Я мыслю» в принципе не предполагается возможность решения практических (в узком смысле — этических) проблем. Эти проблемы могут быть поставлены исключительно в рамках онтологии практического существования человека в мире, ибо основополагающая задача заключается не в том, чтобы понять феномен самосознания из идеи трансцендентального единства апперцепции, но чтобы понять единство апперцепции из идеи практически действующего самосознания, что означает, в свою очередь, понять единство теоретической и практической деятельности самосознания из идеи свободы.

-
1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993.
  2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 1992.
  3. Гегель Г. В. Ф. Философия духа. // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1974.
  4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1966.
  5. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
  6. Fink E. Hegel. Phänomenologische Interpretation der «Phänomenologie des Geistes». Frankfurt a/M., 1977.
  7. Gadamer H.-G. Die Dialektik des Selbstbewußtseins // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 3 : Neuere Philosophie I: Hegel, Husserl, Heidegger. Tübingen, 1987.
  8. Heidegger M. Einleitung in die Philosophie // Heidegger M. GA. Bd. 27. Frankfurt a/M., 1996.

9. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Bd. 2, T. 1. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Tübingen, 1980.

Рукопись поступила в редакцию 17 февраля 2017 г.

УДК 1:3 + 177.3 + 316.77

А. В. Миронов

ИСТОРИЯ ДАУНШИФТИНГА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII–XIX вв.

В статье рассматривается возникновение идеи дауншифтинга в контексте философской проблемы взаимодействия природы и цивилизации. Акцент делается на выявлении причин противопоставления естественного и социального мира. Исследование включает сравнение религиозного обоснования удаления от мира и философской позиции о пользе уединения. Анализируются учение римских стоиков, теория Ж. Ж. Руссо, практический проект Г. Торо, выдвигающих идею дауншифтинга как ответную реакцию на нарушение общественной коммуникации. Нравственный аспект предлагается в качестве приоритетного варианта при рассмотрении данной проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дауншифтинг, естественный мир, социальная коммуникация, общественное одиночество, нравственный конфликт, природа, прогресс, самореализация.

Феномен дауншифтинга, набирающий популярность в мире (в том числе и в России), можно рассматривать в контексте духовных поисков, затрагивающих фундаментальные основы существования человека. Отречение от возможностей цивилизации и неприятие ее как таковой обусловлены изменением ценностных парадигм, касающихся смысла жизни, саморазвития, реализации личностного потенциала, и трансформируются в качественно новое осознание морали, экономических и социальных отношений, общественной коммуникации. Данная мировоззренческая позиция предполагает разрыв с общепринятыми представлениями о должном (месте проживания, роде занятий, образе жизни), что порождает сложности в установлении социальных контактов, взаимопонимания с согражданами, определении общих значимых целей. Анализ философских предпосылок рассматриваемого явления позволяет выделить универсальные причины его возникновения в различные исторические эпохи, установить преемственность современных тенденций дауншифтинга с подлинными истоками учения о естественной привлекательности природы, сопоставить спектры мнений о предназначении человека. Особый акцент в исследовании делается на взаимосвязи теории и практики в моральных доктринах, актуальной проблематике, содержащей альтернативные способы самоосуществления. Метод историко-сравнительного анализа допускает использование смысловых конструкций, предложенных европейской философией XVIII — начала XIX в., раскрывающих особенности современного восприятия социума как потенциальной угрозы индивидуальному бытию человека.

Современные интерпретации ухода из цивилизованного пространства становятся более понятными при использовании исторических и философских аналогий.

В современных исследованиях феномена дауншифтинга преобладают психологический и социологический подходы. Авторы А. М. Рикель, Д. Д. Когель делают акцент на деструкции ценностно-мотивационных принципов, препятствующих карьерному росту, достижению успеха в конкретных областях деятельности [5]. Неудовлетворенность профессиональными возможностями отражается на оценке социальной действительности и поиске альтернативных вариантов самореализации. С помощью описательного метода А. И. Приходько [4], С. Н. Ермакова [2] выделяют социальные константы, связанные с образовательным уровнем, местом проживания, личным окружением и на этой платформе составляется схематизированный портрет потенциального дауншифтера. О. В. Русяева, используя социологический метод, анализирует особенности взаимодействия группы дауншифтеров в системе социальной стратификации, профессиональной мобильности, конкурентоспособности, заполняемости ими рынка труда [9]. Западные социологи и антропологи К. Хамилтон [14], К. Брейкспер [13], Б. Шор [15] исследуют в большей степени гендерные и геронтологические аспекты проблемы, социальный менеджмент в рамках взаимодействия индивид – общество, влияние экологической проблематики на выбор дауншифтеров.

Решение вопроса о приоритетности одного из начал в противопоставлении природы и культуры, естественного и искусственного, биологического и общественного определяло и определяет направленность социальных и моральных учений. В рамках этой проблемы оформились этические доктрины греческих киников (Диоген из Синопа, Антисфен, Гиппархия), римских стоиков (Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет). Общим для них положением служила убежденность в благотворном влиянии природы на нравственный мир человека, а порочные проявления связывались с искаженной системой ценностей, принятой в обществе. Уединение и социальное одиночество, таким образом, становились средством воспитания подлинных добродетелей, закономерным ответом на лицемерие, алчность, враждебность, генерируемые социумом. «Назови им, что природа создала необходимым, какие легкие она предписала законы, как приятно и необременительно жить, следуя им, и как трудно и горько тем, кто верит людскому мнению больше, чем природе» [10, 115].

Разрыв связей с враждебной системой (а именно таковым и представлялись общество и государство) воспринимался как единственный путь к самосохранению личности. Свобода в данном контексте трактовалась как максимальная независимость от навязываемых гражданских обязанностей и официальной условности. Содержательное наполнение нравственных понятий «счастье», «социальная коммуникация», «душевное спокойствие» исходило из понимания человеческой сущности как комплекса природных оснований, самодостаточных для реализации индивидуального предназначения. Материальное неравенство, социальное расслоение, политическое интриганство разрушали декларируемое в обществе единство, подменяя его личностными исканиями целей жизни, способов их осуществления.

Маргинальные формы поведения (отказ от исполнения гражданских обязанностей, бродяжничество, добровольно принятая на себя нищета у киников) или сознательное удаление от общественной жизни римского истеблишмента (император Диоклетиан) можно истолковывать как стремление к целостности мировоззрения, разрешению противоречий социального окружения. Сознательное ограничение материальных потребностей выступало защитной реакцией личности от соблазнов окружающего мира, препятствуя расширению общественных связей, способствующих развитию таких качеств, как тщеславие, честолюбие, властность. Естественное существование в ситуации дисбаланса моральных отношений воспринимается как единственный вариант духовного самосохранения. Природа выступает в форме убежища от потенциальных угроз социума, способного лишить человека права распоряжаться собственным «Я». Несмотря на различия в социальном происхождении и статусе (Антисфен — знатный гражданин, Сенека — римский вельможа, Эпиктет — раб, позже вольноотпущенник), греческие и римские мыслители выражали общую точку зрения, согласно которой единение с природой тождественно возвращению к самому себе, т. е. в исходное состояние добра и красоты.

В христианский период философская традиция природного существования видоизменяется. Социальный мир объявляется источником греховности, средоточием соблазнов и искушений, выступающих барьером на пути человека к Богу. Удаление от мира становится одним из способов религиозного самоутверждения, где верующий получает возможность сосредоточиться на молитве, не отвлекаясь на пустые заботы, не реагируя на общественное мнение, не участвуя в общественных мероприятиях. К противостоянию природа — цивилизация добавляется еще одна составляющая — сверхъестественное, с абсолютно другим содержанием и возможностями, определяющими существование и развитие двух названных выше. Пространства естественного и социального мира являются местом служения Богу, но в качественно отличающихся условиях. Уход от цивилизации ассоциируется с добровольно возложенными на себя трудностями во имя Высшего, а природа — с испытанием подлинной веры. «...Всякий, кто хочет стать совершенным христианином, должен умертвить себя для злых дел мира, какими он занимался прежде, и, как шкуру с шерстью, совлечь снаружи этот мир, совершенно выйдя из него и окончательно от него отрешившись» [3, 44].

В практикуемом ранними христианами отшельничестве раскрывается борьба между духовным и телесным, где вторая противоположность тождественна естественной субстанции, но при этом утратила связь с ней в силу социального существования индивида. Грехопадение лишило человека первозданной естественной идиллии. Таким образом, природа выводится из оснований, способствующих душевному просветлению, и выступает как средство, испытывающее своими трудностями чувства верующего, его способность к жертвенности. В период VIII–XIV вв. постоянные эпидемии, засухи, наводнения, пожары стали причиной восприятия природы как опасности существования человека, и только посредничество церковного института перед Богом, благочестивая жизнь и непрестанные молитвы могут избавить его от этих угроз. Корпоративные

и общинные связи, построенные на основе коллективного восприятия мира, соответствовали представлениям средневекового человека о неизменности бытия и способе существования в нем. Разрыв с ними оставлял индивида без поддержки и обрекал на вымирание.

Новое раскрытие темы «природа — цивилизация» в европейской философии XVII в. обусловлено успехами науки и техники. Достижения в области медицины, транспорта, средств коммуникации, улучшение условий жизни и комфорта определенных социальных групп определили вектор развития мировой истории и акцент в понимании рассматриваемого противостояния. Вера в возможности науки разрешить большинство проблем в материальной и социальной сфере позволяет мыслителям истолковывать цивилизацию как безальтернативную форму бытия человека. Природная сущность индивида интерпретируется в негативном аспекте: сосредоточение агрессии, беззакония, аморальности, т. е. состояние «войны всех против всех». Она представляет постоянную угрозу самому существованию человека. Выход из «естественного состояния» — единственный шанс обрести добродетели и избавиться от пороков, т. е. начать достойную жизнь, какой она понимается с точки зрения общества.

Т. Гоббс отвергает идею естественной справедливости, так как ей препятствуют источники вражды в «царстве природы»: соперничество, недоверие, честолюбие. «Жизнь человека одинока, беспросветна, тупа и кратковременна» [1, 153]. Так он характеризует эти фундаментальные экзистенции человека, сформированные последствиями природного детерминизма. Борьба за выживание превращает индивида в алчное, себялюбивое животное, руководствующееся исключительно собственными интересами. Право сильного используется как инструмент воздействия на других. Страх, преследующий индивида, не позволяет реализовать личностный потенциал и становится препятствием развитию его рациональных возможностей. Социальные отношения, отождествляемые с добром, порядком, нравственностью, должны ограничить естественные проявления человека и тем самым сохранить его жизнь, собственность, убеждения. В этом контексте разрыв с природным существованием является благом, а сама природа получает статус угрозы для индивида.

Технические изобретения имели и прямо противоположную оценку в обществе: замена ручного производства машинным воспринималась со стороны работников фабрик как покушение на основы их существования. Человек противопоставлялся машине, ассоциирующейся с «всепожирающим Левиафаном», лишаящим его крова и пропитания (братство луддитов — разрушителей механизмов). Выживание и стремление к процветанию становятся основными ориентирами человеческого поведения. Эгоизм во всех его проявлениях признается составляющей основой функционирования человека, общества, государства, признается общественным мнением как данность и воспринимается как должное. Жесткая конкуренция в промышленности и торговле трансформируется в бытовую аморальность, формализуя содержание нравственных законов, опирающихся на христианское учение и создавая, таким образом, предпосылки критического отношения к успехам прогресса. Поиск новых форм комфортного существования

человека, соответствующих идеалам добра и гуманизма, мотивирует создание моральных доктрин с ярко выраженной антисциентистской направленностью.

Одним из осязаемых подтверждений преимущества прогресса во Франции в XVIII в. стали предметы роскоши: фаянс, фарфор, гобелены, тисненные кожаные обои, хрустальные сосуды. Тщеславие диктует стремление к тотальному позиционированию, обращая достижения науки в возможности самоутверждения. Общественная атмосфера отличается кокетством, напускной доброжелательностью, интригами, сплетнями, которые не располагают к открытости общения. «Так как вся личная жизнь становится публичным актом, то характерная черта всего — поверхностность. Люди влияют друг на друга только внешностью и совершенно этим довольствуются. Все жаждут немедленного успеха и ему приносятся в жертву все. Отсюда неизбежно как следствие — обман и ложь» [12, 65]. Искусственность превалирует над естественностью в социальной коммуникации. Искренние чувства и их проявления не находят себе места в сфере общения. Личность как таковая перестает быть интересной в глазах просвещенного общества, а существует только как набор условностей, которые являются показателем ума, воспитания, изящества. Таким образом, фальшь латентно признается критерием культуры и, как следствие, основанием разрыва с природным началом.

В сочинении на тему «Способствовало ли возрождение науки и искусств улучшению нравов» Ж. Ж. Руссо отмечает, что прогресс навязал человеку ложную систему ценностей, в которой господствует формальность, подменяющая собой подлинные эмоции. Имущественное неравенство, принцип сословности, жажда потребления не представлены в природном состоянии, следовательно, там отсутствуют причины, препятствующие гармонии между людьми. Чувство общности доминирует над остальными эмоциональными проявлениями, создавая условия утверждению солидарности как наиболее адекватной формы взаимоотношений. Цивилизация искажает сущность индивида, присущее каждому положительное начало, устанавливая барьеры в коммуникации, тем самым оставляя человека в одиночестве. Идеализация естественного мира выстраивается исходя из аксиоматического убеждения о нравственной целостности человека в первозданном состоянии. Симпатия, дружелюбие, понимание, жизнерадостность — природные склонности индивида и, по мнению Ж. Ж. Руссо, они не омрачены искусственными ограничениями общества.

Руссо сосредоточивается на идее обоснования приоритетности природы перед цивилизацией и ее положительного влияния на самоощущения человека. Он уверен в том, что участие, справедливость, сострадание исходят из природной необходимости совместного существования граждан. Борьба со стихийными бедствиями объединяет в сообщество, а доброжелательность становится условием пребывания в нем. В подобной ситуации добродетель из личностного качества трансформируется в средство коммуникации, а порок не имеет актуализации. Подмену социальных оснований альтруизма моральным индивидуальным первоначалом можно объяснить нарастающим отчуждением в обществе. В такой ситуации природа становится закономерным убежищем, способным предоставить личности возможность не только нейтрализовать негативные социальные воздействия,

но и проявить новые моральные качества — через обращение к простоте, ясности, разумности естественного бытия.

«Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под этой хваленой учтивостью, которой мы обязаны просвещению нашего века, скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство» [6, 46]. Лишенный опоры в социальной коммуникации, предоставленный самому себе, индивид вынужден самостоятельно выбирать ценности, точки приложения своего духовного потенциала, определяющие ориентиры личностного развития. Вынужденное одиночество стимулирует интерес к собственному «Я», заставляя пересматривать предлагаемые общественные установки с точки зрения соответствия собственным предпочтениям и помыслам. Дистанцирование личности от социального мира, т. е. выход из-под прессинга общественного мнения, раскрывает внутренние проблемы: неудовлетворенность собой, семейными отношениями, внешним окружением. Индивидуальность, разочаровавшаяся в коллективном варианте самореализации, поставлена в условия необходимости конструировать другое социокультурное пространство, в котором человек будет чувствовать себя счастливым, независимым, избавленным от чуждых ему влияний. Жизнь наедине с природой отвечает данным требованиям.

Природа представляется Руссо воплощенной идиллией, той возможностью, которая аккумулирует лучшие перспективы развития человечества. Приятный досуг, свобода поступков, самостоятельность выбора — те приоритеты, которые выставляются в качестве оснований эскапизма. Идиллия окружающего порождает стремление индивида к рефлексии, освобожденной от ложных принципов цивилизации, и, таким образом, приводит к истинному самопознанию. Природное состояние оценивается исключительно в эстетических и этических категориях: «прекрасное», «благородное», «совершенное», «гармоничное», «возвышенное», тем самым подчеркивая взаимосвязь этих начал и их положительное влияние на человеческую натуру. Руссо создает концепт идеальной действительности, устраняя из него любые негативные потенциалы. «...Поднимаясь над человеческим жильем, оставляешь все низменные побуждения, душа, приближаясь к эфирным высотам, заимствуя у них долю незапятнанной чистоты. Делаешься серьезным, но не печальным, спокойным, но равнодушным, радуешься, что существуешь и мыслишь, все слишком пылкие желания притупляются, теряют мучительную остроту, в сердце остается лишь легкое и приятное волнение...» [7, 58]. Ценностное противопоставление «добро — зло» клишируется на связку «природа — общество» с целью создания смысловой конструкции, имеющей не только теоретическое, но и практическое значение. В зависимости от выбранной моральной позиции определяются дальнейшие изменения образа жизни и его нравственная составляющая.

Разочарование, вызванное несоответствием ожиданий и воплощений прогресса, направляет индивида к личностному поиску адекватных форм самореализации. Добровольная изоляция, осознанное удаление от общества — демонстрация не только мировоззренческих принципов, но и практической альтернативы социальной действительности. «...Чем дальше отступают от равенства, тем больше

извращаются естественные чувства» [8, 613]. Свободный труд, обретение собственного «Я», искренность в отношениях между людьми становятся самодостаточными основаниями в понимании целей жизни. Неверие в возможности успешного реформирования общественной системы акцентирует индивида на необходимости самовоспитания и самосовершенствования, исходя из собственных представлений о гармоничном устройстве мира. Обращение к природе стимулирует доверие к себе, возможностям своего мышления, нравственным убеждениям, так как внешнее принуждение уступает место внутренним формам контроля: совести, стыду, ответственности.

Руссо, в отличие от своих современников Вольтера и Монтескье, не обращается к политической критике, его волнует моральная подоплека современного ему общества. Примером своего уединения он пытается доказать оправданность естественного выбора, где простота природы заменяет надуманные идеалы. В нем не прочтываются вызов социуму, равнодушие к гражданским обязанностям, неприятие политической системы. Честность перед самим собой и открытость окружающему миру формируют новый подход к оценке происходящего, который определяет основы индивидуального бытия в противоположность бытию коллективному. Политические реалии в таком контексте не входят в сферу интересов личности как не содержащие значимых жизненных положений. Нравственное самосовершенствование, мотивированное удаленностью от цивилизации как источника порочного влияния, с точки зрения Ж. Ж. Руссо, имеет большее значение, чем общественное реформирование, так как улучшает внутренний мир человека и тем самым улучшает мир других. Обращение к натуре, попытка установить с ней полновесный контакт, добиться ощущения целостности с окружающим миром можно рассматривать как компенсацию за несовершенство общественных отношений, не позволяющих человеку быть самим собой.

Бостонский философский клуб «Доверие к себе» в начале XIX в. противопоставил идеям прогресса понятия дружественной реальности и симпатийности, а его участник, Г. Торо, апробировал их на практике. Подражание другим, слепое копирование социальных эталонов, зависимость от сложившихся в обществе условностей в надежде получить статусное признание препятствуют самосуществлению в тех проекциях, которые определяются личными моральными чувствами. Поселившись в лесной глуши, сведя к минимуму использование благ цивилизации, устранившись от социальной коммуникации, автор произведения «Уолден, или Жизнь в лесу» пытается доказать, что счастье формируется самой личностью, отвергая ложь искусственных ценностей. Контекстом житейских впечатлений являются размышления о взаимодействии индивида и природы, простоте естественного существования, преимуществах одиночества. Независимость от общественного мнения, вера в свои силы возвышают личность и открывают ей перспективы совершенствования.

Духовная автономность стимулирует интерес к реальности. «Я ушел в нее (в природу. — А. М.) потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться...» [11, 103]. Естественный мир способствует пробуждению духовных качеств, так как исчезает

необходимость соответствия чуждым поведенческим установкам. Близость — ключевое понятие, которое использует Г. Торо для раскрытия качественного содержания отношений. Она возникает не только с людьми, общение с природой может заменить человеческие контакты в силу своей позитивной наполненности. Новизна, уникальность естественного опыта предоставляют возможность индивиду удовлетворить любопытство, найти приложение своим способностям, заполнить эмоциональные лакуны. Испытываемое к природе доверие формирует чувство сопричастности и открытости миру, снимая барьеры подозрительности и страха, присущие социальной действительности. Предоставленный самому себе, человек концентрируется на подлинных факторах существования.

Социальные стандарты, навязываемые обществом, утрачивают свою значимость в условиях природной уединенности. Сфера потребностей балансируется естественными запросами. Исчезает беспокойство, обусловленное ложными представлениями об обязательном соответствии общественному мнению. «Непрестанная тревога и напряжение, в котором живут иные люди, это неизлечимые болезни» [11, 63]. Природа в своей самодостаточности выдвигает только необходимые потребности. Г. Торо отстаивает позицию: социальное одиночество не должно восприниматься как наказание, ущербность, нереализованность. Оно есть благо, тождественное покою и безмятежности, раскрывающее лучшие человеческие качества. Упрощенность форм существования не связана с примитивизацией интересов. Они приобретают качественно иной ракурс, наполненный новыми обстоятельствами жизни — трудом, досугом, рефлексией.

Внутренняя свобода становится главным приобретением человека в условиях естественного состояния. Благодаря свободе раскрываются духовный потенциал, интеллектуальные возможности, нравственные составляющие личности. Человек вырывается из-под гнета социальной регламентации и получает возможность распоряжаться собственной жизнью. Внешние трудности компенсируются расширением диапазона личной свободы. Чувство независимости, формирующееся в условиях природного существования, становится основным стимулом развития личности. Снимаются социальные, во многом надуманные, ограничения, и индивиду предоставляется право распоряжаться своими способностями, выстраивать образ жизни, исходя из своих мировоззренческих установок. По мнению Г. Торо, предоставленный самому себе человек способен добиться внутренней гармонии, так как устранены препятствия, имеющие чуждое ему нравственное содержание. Добровольный уход из цивилизованного пространства становится реакцией на несогласие с установившимися в обществе ценностными подходами к пониманию целей и задач человеческой жизни.

Анализ философских теорий, связанных с поиском альтернативной модели существования, позволяет сделать следующие выводы. Противостояние природы и цивилизации можно рассматривать через моральную проблематику индивида, воспринимающего усиление социального давления как угрозу личностной реализации. Кризисные периоды истории, характеризующиеся нарушением нравственного уклада, формализацией человеческих отношений, утратой общезначимых целей, способствуют появлению форм дистанцирования индивида

от социальной системы, одной из которых является дауншифтинг, позволяющий освободиться от негативного воздействия цивилизации в лице социальных институтов. Религиозный аспект данного явления на современном этапе формируется нетрадиционными культовыми сообществами (сектами самого разного толка), использующими критику цивилизации и уход в естественное состояние как противопоставление социуму, не оправдавшему гуманистических ожиданий. Отсутствие доверия к общественным институтам (подмена декларируемых принципов своекорыстными интересами, имитация выполнения социальных обязательств) мотивирует личность к самостоятельному выбору образа жизни, не укладывающегося в общепринятые представления.

С помощью исторических и философских аналогий можно обосновать положение: разрыв с цивилизованным пространством — следствие несовершенства механизма общественных связей, допускающего ложь, лицемерие, алчность в качестве поведенческих приоритетов. Дауншифтинг как образ жизни содержит потенциал нравственных трансформаций на личностном уровне.

-
1. *Гоббс Т.* Левиафан // Гоббс Т. Избр. произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2.
  2. *Ермакова С. Н.* Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 6.
  3. *Кронштадтский протоирей Иоанн.* Христианская философия. М., 1992.
  4. *Прихидько А. И.* Дауншифтинг как социально-психологический феномен [Электронный ресурс]. URL: <http://psystady.ru/index.php/num/2008n1-1/80-prikhidko1.html> (дата обращения: 13.10.2016)
  5. *Рикель А. М., Козель Д. Д.* Особенности ценностно-мотивационной сферы дауншифтеров // Вопр. психологии. 2015. № 6.
  6. *Руссо Ж. Ж.* Рассуждение. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? // Руссо Ж. Ж. Избр. соч. : в 3 т. Т. 1. М., 1961.
  7. *Руссо Ж. Ж.* Юлия, или Новая Элоиза // Там же. Т. 2.
  8. *Руссо Ж. Ж.* Прогоулки одинокого мечтателя // Там же. Т. 3.
  9. *Русяева О. В.* Дауншифтинг как новое социальное явление и предмет социологического анализа // Экономическая социология: парадигмы, противоречия, практика : сб. науч. ст. Вып. 1–2 / под ред. Г. Г. Силласте, О. М. Дудиной. М., 2010.
  10. *Сенека Л. А.* Нравственные письма к Люцилию. Кемерово, 1986.
  11. *Торо Г.* Жизнь в лесу. М., 2001.
  12. *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994.
  13. *Breakspear C., Hamilton C.* Getting a life understanding the downshifting phenomenon in Australia // Discussion paper. № 62. Febr. 2004 [Electronic resource]. URL: https://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP_62.pdf. (accessed: 20.10.2016).
  14. *Hamilton C.* Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness. The Australia Institute // Discussion paper. № 58. November 2003 [Electronic resource]. URL: <https://www.tai.org.au/file.php?file=DP58.pdf> (accessed: 20.10.2016).
  15. *Shor B. J.* Plentide the new economics of true wealth // The Penguin press New York. 2010. P. 27.

Рукопись поступила в редакцию 26 октября 2016 г.

РУССКИЙ АНТРОПОКОСМИЗМ: ВЕРСИЯ И. ЕФРЕМОВА

Русский антропокосмизм — одна из главных составляющих космизма русских философов, ученых, писателей. Он представлен во многих их публикациях. Оригинальным было его воплощение в произведениях И. Ефремова, выдающегося ученого-палеонтолога и писателя-фантаста. В статье дан анализ его взглядов, касающихся антропокосмизма, представленных в «Туманности Андромеды», «Часе быка» и других произведениях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: И. Ефремов, антропокосмизм, космос, человек, обучение, воспитание, Великое Кольцо, коммунистическое общество.

Космизм как представление о единстве человека, человечества и космоса в русской мысли к 80-м гг. XIX в. оформился в мировоззренческую конструкцию, получившую название *русского космизма*. В нем «традиционные ценности отечественной культуры лицом к лицу встречаются с современными научными представлениями о мире» [1, 9–10]. Свой вклад в разработку идей космизма внесли выдающиеся деятели русской культуры, науки, философии, религии, каждый из которых в той или иной степени размышлял о связи человека и Вселенной в теокосмизме (богословы), софиокосмизме (философы), антропокосмизме и биокосмизме (ученые-естественники). «В русском космизме полярные мировоззрения, взаимно восполняя друг друга, образуют синтез науки и религии, воплощают проект “общего дела” Федорова. Научный вывод Вернадского о биосфере как “планетном явлении космического характера”, которая по законам космической жизни неизбежно переходит в новое состояние — ноосферу, приходит в согласие с представлениями эзотерического христианства о синархии как всеединстве иерархического строения, через которое “мироздание становится космосом”» [Там же, 10].

Свой вклад в русский космизм вносят поэты и писатели (Ломоносов, Одоевский, Тютчев), художники (Н. Рерих), композиторы (Скрябин, Танеев, Рахманинов), которые на вербальном и невербальном уровне строят свои представления о гармонии человека, человечества, космоса. Одним из представителей этой плеяды русских космистов был выдающийся ученый геолог и палеонтолог, писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов (1908–1972). Его романы о космических путешествиях и контактах землян моментально становились популярными во всем мире, представляя читателям художественное изображение позитивной мощи синтеза наук, религии и искусства и продолжая многие идеи русских космистов — соборности (А. Хомякова), всеединства и софийности (В. Соловьева), общего дела (Н. Федорова), ноосферы (В. Вернадского), философии Рерихов и их «Агни-Йоги», последователем которых он считался [2, 645–668; 7, 40–44].

Не повторяя информационного содержания книг о нем — Е. Брандеса и Вл. Дмитриевского «Через горы времени. Очерк творчества Ефремова» (М. ;

Л., 1963), П. К. Чудинова «Иван Антонович Ефремов» (М., 1987), О. Ереминой и Н. Смирнова «Иван Ефремов» (М., 2013) и статей, попытаемся охарактеризовать художественное выражение Ефремовым двух его оригинальных идей о космическом будущем человечества, содержащихся в известных во всем мире его произведениях и прежде всего в романе «Туманность Андромеды»: о человеке и человечестве будущего, о космических контактах землян. Они были настолько оригинальны, что вызвали большой интерес читателей и заставили И. Ефремова в 1961 г. написать статью «На пути к роману “Туманность Андромеды”». Позволим себе лишь одну цитату из нее, многое объясняющую в идеях романа: «Мысль о полете человека в космос, на иные галактики, занимала меня давно, задолго до того, как первый советский спутник вышел на свою орбиту, показав всему миру реальность давней человеческой мечты о путешествии на другие миры и планеты. Однако более реальные очертания эта мысль обрела примерно лет десять назад. Я тогда прочел подряд десятка полтора-два романов современных западных, главным образом американских, фантастов. После этого у меня возникло отчетливое и настойчивое желание дать свою концепцию, свое художественное изображение будущего, противоположное трактовке этих книг, философски и социологически несостоятельных.

Таким образом, подтолкнули меня к осуществлению давнего замысла побуждения чисто полемические. Всей этой фантастике, проникнутой мотивами гибели человечества в результате опустошительной борьбы миров или идеями защиты капитализма, охватившего будто бы всю Галактику на сотни тысяч лет, я хотел противопоставить мысль о *дружеском контакте* между различными космическими цивилизациями. Так родилась и созрела тема “Великого Кольца” (как я намеревался вначале назвать роман). Но постепенно в процессе работы над книгой главным объектом сделался человек будущего. Я почувствовал, что не могу перебросить мост к другим галактикам, пока сам не пойму, каким же станет завтрашний человек Земли, каковы будут его намерения, стремления, идеалы» [3, 144–145].

Вот об этом «завтрашнем человеке Земли» повествуют главные фантастические произведения И. Ефремова «Туманность Андромеды», «Сердце змеи», «Час Быка», опровергая мысль западных фантастов, в том числе Г. Уэллса, о «затухании и обмельчании человека» [Там же, 149]. И экипаж звездолета «Тантра», и земляне тех далеких лет будущего — люди иной формации, иного воспитания, иных общественных отношений. О том, как происходило их формирование, рассказывает в своей лекции историк Веда Конг, специально подчеркивая, что вся история человечества, от эры Разобщенного мира (ЭРМ) до эры Мирового Воссоединения, — это изменение отношения к труду, который в конечном итоге стал естественной потребностью человека. «В последний век ЭРМ, так называемый век Расщепления, — утверждает она, — люди наконец поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося еще с диких времен устройства общества, поняли, что все силы, все будущее человечества — в труде, в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основах...» «Люди поняли, — продолжает она, — что труд — счастье,

так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся, — вот что нужно человеку. Развитие кибернетики и техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволили менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней все большее удовлетворение» [5, 44–46].

О значении труда в жизни человека будущего говорят многие герои Ефремова, дополняя и разъясняя эту важнейшую его идею. Так, командир звездолета Дар Ветер обратил внимание еще на одну сторону проблемы: «Новые общие отношения без новых людей совершенно так же немислимы, как новые люди без этой новой экономики. Тогда это понимание привело к тому, что главной задачей общества стало воспитание, физическое и духовное развитие человека» [Там же, 101]. На многих страницах романа автор рассказывает о принципах, ступенях, особенностях обучения и воспитания подрастающего поколения. Идей по их поводу у Ефремова несколько:

— школа должна давать только новое, отбрасывая старое, что в итоге обеспечит продвижение вперед уже на стадии обучения. А важнейшим предметом должна стать история, поскольку она ориентирует на познание закономерностей исторического развития, ошибок, которые были и которых необходимо избегать, перспектив поступательного движения в развитии общества;

— оканчивая школу в возрасте 17 лет, дети вступают в трехлетний цикл «подвигов Геракла», выполняя работу среди взрослых, определяясь в своих влечениях и способностях;

— обучение заканчивается двухлетним высшим образованием, дающим право на самостоятельную работу по избранной специальности;

— в течение жизни человек, меняя специальности, успевает получить пять-шесть высших образований;

— важнейшим фактором обучения и воспитания является общественная среда. Человек же учится всю жизнь, способствуя развитию общества.

Выступая перед учениками, Эвда Наль рассказала об этих принципах обучения. Свой рассказ она закончила напутствием: «Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности мира. Вы будете мечтать всю жизнь и будете радостны в познании, движении, в борьбе и труде. Не обращайтесь на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. Действительность свободы сурова, но вы подготовлены к ней дисциплиной вашего воспитания и учения. Поэтому вам, сознающим ответственность, дозволены все те перемены деятельности, которые и составляют личное счастье. Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к все большей высоте знания и чувств, науки и искусства» [Там же, 210].

В этом напутствии важны слова «дисциплина воспитания и ученья». Ефремов в своих произведениях неоднократно подчеркивает их единство, ущербность подмены одного другим. Что же касается «воспитания нового человека, — это тонкая работа с индивидуальным анализом и очень осторожным подходом», подчеркивает Ефремов. «Перед человеком нового общества встала неизбежная необходимость дисциплины желаний, воли и мысли. Этот путь воспитания ума и воли теперь так же обязателен для каждого из нас, как и воспитание тела. Изучение законов природы и общества, его экономики заменило личное желание на осмысленное знание. Когда мы говорим: “Хочу”, — мы подразумеваем: “Знаю, что так можно”» [5, 208–209].

В «Туманности Андромеды» читатель знакомится и с обществом будущего. Его Ефремов неоднократно называет «коммунистическим» и достаточно подробно, особенно в лекции Веды Конг, рассказывает о пути землян к нему, основных его характеристиках и структуре. Капиталистические отношения были ликвидированы, Земля была благоустроена и в полной мере приспособлена к нуждам и жизни людей, полностью освоенными оказались не только Луна, но и Венера, Марс и Меркурий. На земле не стало границ ни государственных, ни языковых, земляне стали единой семьей, а общество, в котором они живут, — ноосферным, коммунистическим.

«Туманность Андромеды» — рассказ не только о жизни землян, но и о жизни жителей других планет, объединенных в Великое Кольцо цивилизаций, разбросанных во Вселенной. Идея Великого Кольца — еще одна уникальная идея, мечта и предвидение И. Ефремова. К этой реальности союза цивилизаций земляне приобщались так: «В конце эры Разобченного Мира наши ученые установили, что потоки мощных радиоизлучений изливаются на Землю из космоса. Вместе с общим излучением созвездий и галактик до нас доходили призывы и передачи по Великому Кольцу, искаженные и полупогасшие в атмосфере. Мы тогда не понимали их, хотя уже научились улавливать эти таинственные сигналы, считая их за излучение мертвой материи.

Ученый Кам Аमत... догадался провести на искусственных спутниках опыты с приемниками изображений, с бесконечным терпением десятки лет осваивая все новые комбинации диапазонов. Кам Аमत уловил передачу с планетной системы двойной звезды, называвшейся издавна 61 Лебедя. На экране появился не похожий на нас, но, несомненно, человек и указал на надпись, сделанную символами Великого Кольца. Надпись сумели прочесть только через девяносто лет... “Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольце великой силы”. Язык символов, чертежей и карт Великого Кольца оказался легко постигаемым на достигнутом человечеством уровне развития» [Там же, 49–50].

«Важность космического братства разумных существ» для Ефремова была несомненна, но, чтобы его осуществить, нужно было решить массу научных и технических проблем. Одна из них — путешествие в пространстве и во времени и, следовательно, преодоление их. «Вечные загадки и безответные вопросы превратились бы в ничто, — утверждает заведующий станциями Великого Кольца

Мвен Мас, — если бы удалось совершить еще одну величайшую из научных революций — победить время, научиться преодолевать любое пространство в любой промежуток времени, наступить ногой властелина на бесконечное пространство космоса» [5, 184].

С ним согласен его ближайший друг ученый-астрофизик Рен Боз, предложивший идею решения этой уникальной задачи: «Пространство по-прежнему неодолимо в космосе, оно разделяет миры, не позволяет нам разыскать близкие нам по населению планеты, слиться с ними в одну бесконечную богатую радостью и силою семью. Это было бы самым великим преобразованием после эры Мирового Воссоединения с той поры, как человечество наконец прекратило нелепое раздельное существование своих народов и слилось воедино, совершив гигантский подъем на новую ступень власти над природой. Каждый шаг на этом пути важнее всех остальных, всех других исследований и познаний» [Там же, 130].

И этот первый шаг на пути преодоления пространства и времени они сделали в своем уникальном эксперименте. Он не удался, но показал возможность решения этой сложной научно-технической задачи, что мы и наблюдаем в идее Прямого Луча, позволяющего космическим кораблям землян в последующих романах Ефремова пронизывать пространство, побеждая время и, наконец, встречаясь с жителями других планет, а это, в свою очередь, поставило проблему возможности контакта с обитателями внеземных цивилизаций, каждая из которых имела свою историю вхождения в ноосферу Великого Кольца. Да и сам облик инопланетян для землян был неясен. На многих страницах повести «Сердце змеи» (1958), в которой описывается такой контакт, Ефремов, как сторонник антропоморфности жителей Великого Кольца, доказывает, что «на высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек — микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появилась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких “иных”, совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы» [4, 423].

В «Сердце змеи» Ефремов детально описывает первый физический контакт двух цивилизаций, находящихся на высоком уровне развития своего научного и экономического потенциала. Этот контакт не был подчинением одной космической цивилизации другой; он явился бескорыстным, дружеским обменом ими научно-технической информацией и теми вершинами культуры, которые они к моменту контакта достигли. Он и не мог не быть дружески миролюбивым, поскольку «челечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев!» [Там же, 429].

Идея антропокосмизма красной нитью проходит через все произведения Ефремова-фантаста, а его итоговое утверждение дано, на наш взгляд, в следующих строчках «Сердца змеи»: «...самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе — это человек. Для любой цивилизации, любой звезды, целой

галактики и всей бесконечной Вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь!

В счастье, сохранении, развитии человека — главная задача необъятного будущего после победы над Сердцем Змеи, после безумной, невежественной и злобной расточительности жизненной энергии в низкоорганизованных человеческих обществах.

Человек — это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств» [4, 456].

Романы Ефремова не только художественный рассказ об антропокосмизме будущего человечества, в них немало научных предвидений, ставших сегодняшними реальностями: информационные «звездочки» стали компьютерными дисками и флэшками, а «черные дыры», поглощающие материальные объекты, или космическая разведка Венеры и Марса современными космическими аппаратами служат объектами научных исследований в области астрофизики.

В творчестве И. Ефремова как писателя-фантаста несколько особняком стоит роман-предостережение «Час Быка» (1968) [6], представляющий его видение развития части земной цивилизации, переселившейся когда-то на планету Торманс. Ее жители варварски истребили природу, нарушив экологический баланс, создали тоталитарное общество отчуждения всех и вся. В романе много отрицательных характеристик общества на этой планете, которые читатели могли относить как к олигархическому капиталистическому обществу Запада, так и к «лжесоциализму» нашей страны и Китайской Народной Республики, хотя они в тексте ни разу не упоминаются. Приведем лишь одну такую характеристику: «Лжесоциализм, усвоив от государственного капитализма демагогию и несбыточные обещания, смыкается с ним в захвате власти группой избранных и подавлении, вернее, даже физическом уничтожении инакомыслящих, в воинствующем национализме, в террористическом беззаконии, неизбежно приводящем к фашизму. Как известно, без закона нет культуры, даже цивилизации. В условиях лжесоциализма великое противоречие личности и общества не может быть разрешено. Самая страшная опасность организованного общества — чем выше организация, тем сильнее делается власть общества над индивидом» [Там же, 126].

В «Часе Быка» вместо привычного ефремовского оптимизма прозвучали ноты трагического предостережения, отразившие изменения в его взглядах на развитие общественных отношений в стране, вступившей в эпоху застоя. Появились критика романа, письма в ЦК, обвинявшие писателя в клевете на социалистический строй и руководителей партии и правительства. Поэтому практически сразу после публикации романа он был запрещен, изъят из библиотек и книжных магазинов. Только после личной встречи и разговора писателя с министром культуры П. Н. Демичевым запрет был снят.

Если у авторов западных антиутопий выхода из цивилизационных ловушек нет, у них все фатально плохо оканчивается или подчинено инферно, а зло доминирует, у Ефремова-оптимиста находится выход даже из того социального гнета

олигархической власти, которая притесняет жителей планеты Торманс. Земляне в его романе показали жителям этой планеты фильм о том, как они достигли свободы и благополучия, рассказали о возможности сплотить свои силы для сопротивления олигархии. Этот рассказ землян дал свои результаты. Обитатели Торманса «сами могли подняться из inferно... Тормансиане поняли, что нельзя быть свободными и невежественными, что необходимо серьезное психологическое воспитание, что надо уметь различать людей по их душевным качествам и пресекать в корне все причиняющие зло действия. Тогда, и не раньше, совершился поворот в судьбе планеты. Нельзя думать, что они уже всего достигли, но они открыли себя, и свой мир, и нас — своих братьев, как любящих братьев». Земляне «восстановили в тормансианах две гигантские общественные силы: веру в себя и доверие к другим. Ничего нет могучее, чем люди, соединенные доверием. Даже слабые люди, закаляясь в совместной борьбе, чувствуя, что на них полагаются полностью, становятся способными на величайшее самопожертвование, веря в себя, как в других, и в других, как в себя» [5, 436–437].

Так заканчивает свой последний роман ведущий представитель русского антропокосмизма Иван Ефремов.

-
1. Емельянов Б. В. История русской философии. Космизм. М., 2016.
  2. Еремина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов и Живая Этика: Текстологические параллели // Еремина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М., 2013.
  3. Ефремов И. А. На пути к роману «Туманность Андромеды» // Вопр. лит. 1961. № 4.
  4. Ефремов И. А. Сердце змеи // Собр. соч. : в 5 т. Т. 3. М., 1987.
  5. Ефремов И. А. Туманность Андромеды // Там же.
  6. Ефремов И. А. Час Быка. Свердловск, 1989.
  7. Юферова А. Иван Ефремов и «Агни-Йога» // Наука и религия. 1991. № 4.

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2016 г.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 27 + 2-285.2 + 101(09)

В. Т. Звиревич

ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (РАННЯЯ И ПОЗДНЯЯ АПОЛОГЕТИКА)

Лекция*

Лекция посвящена первым шагам христианского осмысления того, как возникла философия и в каком направлении пошла ее история. На общем фоне неоднозначного отношения христианства к античной культуре в христианской историографии складываются два направления: одно выражает крайнее неприятие философии, другое частично принимает ее в качестве особого выражения христианской мудрости. Но и это, второе, направление ставит философию ниже учения ветхозаветных пророков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: христианство, апологетика, история философии.

Апологетами называют раннехристианских писателей второй половины I — II в., которые сочиняли защитительные речи, апологии по-гречески, с целью оправдать перед римскими властями, даже самими императорами, мировоззрение христиан и их образ жизни. Самыми значительными апологетами, сочинения которых дошли до нас, были (в примерном хронологическом порядке) Аристид, Иустин, Татиан, Афинагор, Феофил, Ермий. Рассмотрим их творчество с историко-философской точки зрения. В их трудах мы находим основополагающие идеи, во-первых, христианской философии, а во-вторых, христианской истории философии.

В качестве христианских историков философии апологеты предложили христианское понимание источника истинной мудрости и наметили отношение

---

* Данная лекция — третья из публикуемых нами лекций В. Т. Звиревича по вспомогательной историко-философской дисциплине «Историография истории философии» (см.: Древнекитайская историография философии // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2007. № 2; Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина // Там же. 2012. № 4) по программе магистратуры кафедры истории философии и философии образования. — *Примеч. ред.*

христиан к языческой философии. Если начинать рассмотрение этого вопроса также с апологии Аристиды «О почитании Бога Всемогущего», то у него можно найти лишь очень отдаленные подходы к христианской истории философии в виде разделения людей на четыре рода в зависимости от их продвижения к истинному пониманию Бога: это варвары, эллины, иудеи и христиане [1, II, 2]. Варвары не имели истинного представления о Боге, так как поклонялись небу, земле, морю, солнцу, луне: «Их философы не поняли, что все это суть тленные стихии» [Там же, III, 3]. И Аристид приводит доказательства того, что мировые стихии не боги: небо не бог, так как движимо по принуждению и составлено из многих частей; земля не богиня, ибо она подчинена господству людей [Там же, IV, 2–3], и т. д. Аристид говорит о таком понимании Бога у варваров, которое мы сейчас называем природотеизмом, или пантеизмом.

Затем Аристид обращается к эллинской «науке о природе богов» [Там же, XIII, 7]. В данном случае он показывает несостоятельность антропоморфных представлений о богах в мифологии греков и делает такой вывод: «Если истории о богах — мифы, то они не что иное, как только слова; если они натуралистического характера, то уже это делающие и так страдающие суть не боги; если же они аллегории, то они не что иное, как мифы» [Там же, 9]. В отношении иудеев Аристид отмечает, что они приближаются к истине выше всех народов своим учением о существовании «Единого Бога, всемогущего Творца всяческих» [Там же, XIV, 2–3].

Иустин, можно сказать, выдвигает стержневое положение христианской историографии философии о божественном Слове как источнике истинной мудрости, которое вещало и через некоторых языческих философов, что позволило ему показать определенную преемственность между античной философией и христианским учением, избежать ее полного отрицания и наметить представление о едином историко-философском процессе. Это видно из его положительного отношения к философии, которое он высказывает, разумеется, в религиозном духе: «Философия есть величайшее в очах Божиих стяжание: она одна приводит нас к Богу и делает нас угодными Богу» [7, 2].

Итак, он пишет, что Слово сначала обличало злых демонов через Сократа, который руководствовался истинным разумом. Затем оно приняло видимый образ, сделалось человеком и нареклось Иисусом Христом [5, 5]. В этом ряду между Сократом и Христом помещается Платон в качестве предтечи христианского учения о наказании грешников [Там же, 8]. Иустин показывает, и это было важно для защиты христианского мировоззрения, что по некоторым вопросам между ним и философией нет противоречий: «Когда мы говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков» [Там же, 20]. Это согласие и обусловлено именно тем, что «всякий из них... познавал отчасти сродное с посеянным Словом Божиим» [6, 13].

На примере учения Платона Иустин высказывает еще одно важное положение христианской историографии философии о том, что эллинская философия — это неточное, приблизительное выражение учений ветхозаветных мудрецов и пророков, поскольку философы не имели божественной благодати. Обобщенно

о философах, поэтах, историках он говорит: «Все те писатели посредством врожденного семени Слова могли видеть истину, но темно. Ибо иное дело семя и некоторое подобие чего-либо, данное по мере приемлемости, а иное то самое, чего причастие и подобие даровано по Его благодати» [6, 13]. Иустин считает, что они «не угадали, что такое философия и для какой цели она ниспослана людям», и разделились на платоников, стоиков, перипатетиков, пифагорейцев, следуя за своими учителями без самостоятельного исследования истины, хотя «знание только одно» [7, 2]. На этом основании Иустин заключает, что «наше учение... выше всякой человеческой философии» [6, 15].

Что же касается, в частности, Платона, то он, по его мнению, повторил сказанное Моисеем, когда говорил, что Бог изменил безобразное вещество и сотворил мир [5, 59]. Затем он прочитал у Моисея о кресте, сделанном для борьбы со змеями, но не понял этого образа и сказал, что сила, ближайшая к первому Богу, т. е. Сын Божий, была во вселенной наподобие буквы Х. Платон упомянул еще и о «третьем», имея в виду слова Моисея, что Дух Божий носился над водами [Там же, 60]. Так Иустин делает из Платона богословствующего натурфилософа, который туманно выразил христианское представление о Боге Отце, Сыне и Святом Духе, подражая Моисею.

Данная характеристика языческой философии позволяет Иустину утвердить положение христианской историографии философии о пророках как подлинных зачинателях философии: «Были некогда люди, которые гораздо древнее философов, — люди праведные и угодные Богу, которые говорили Духом Святым и предсказывали будущее... их называют пророками. Они одни знали и возвестили людям истину» [7, 7]. Иустин высказывал взгляды того направления христианской философской историографии, которое рассматривало языческую философию как некоторого рода ответвление от древа пророческих учений. Такое его отношение к философии, да и его философское образование не остались незамеченными современниками, и он получил прозвание «Иустин Философ».

Такого же взгляда на философию, как созвучную христианской мудрости, придерживался и Афинагор. И он ищет поддержки у философов по тем или иным пунктам защиты христианских воззрений. Вот его примечательные слова: «Без приведения имен философов невозможно показать, что не одни мы почитаем Бога единым» [2, 6]. По этой причине в его апологии представлена значительная доксография философов, в частности, касающаяся их единобожия [Там же, 5–6], воскресения тел [Там же, 36] и других вопросов. Тем не менее у него сохраняется представление о коренном различии христианского учения и философии, высказанное Иустином. Оно заключается в том, что философия — знание человеческое, а не божественное: «В них (философах. — В. З.) не оказалось столько способности, чтобы постигнуть истину, потому что они думали приобрести знание о Боге не от Бога, а каждый сам собою» [Там же, 7]. Иное дело — христиане, которые имеют свидетелями пророков, возвещавших о Боге по вдохновению от Божественного Духа [Там же].

Противоположное направление христианской историографии философии, отрицающее какое-либо положительное, предхристианское содержание языческой

философией, представлял Татиан, ученик Иустина. В основании его крайне критичной историографии лежит противопоставление христианского учения и философии. «Я отказался от вашей мудрости» — с такого заявления он начинает [9, 1, 30]. И вот как он формулирует основные пункты расхождения философов и христиан: «Говорят, что Бог есть тело, а я говорю, что Он бестелесен; говорят, что мир неразрушим, а я утверждаю, что разрушится; говорят, что сожжение мира бывает в разные времена, а я говорю, что это будет один раз; судиями признают Миноса и Радаманта¹, а я Самого Бога; бессмертие приписывают одной душе, а я и телу вместе с душою» [Там же, 25]. Не согласен Татиан и с тем, что философы разделяют время на прошедшее, настоящее и будущее, ибо время Бога, объективное время — это настоящее. А разделение времени — это субъективные мнения людей. Как плывущие на корабле думают, что бегут горы, а не их судно, так и люди не замечают, что это они проходят, «а век стоит, пока угодно Сотворившему его» [Там же, 26].

Отсюда вполне понятно, что ни одно из греческих философских учений, даже учение Платона, не заслуживает одобрения Татиана. Приведем несколько примеров на этот счет. Аристотель неразумно положил предел Провидению, и его последователи утверждают, что оно не простирается за подлунные вещи [Там же, 2]. Этот философ также колеблет бессмертие души [Там же, 25]. По его же учению не могут быть счастливы те, которые не имеют ни красоты, ни богатства, ни здоровья телесного, ни знатности [Там же, 2]. Нечего слушать и Зенона, который учит, что через сожжение воскреснут те же люди на те же дела, ибо найдется больше людей нечестивых, чем справедливых [Там же, 3, 6]. Также, по мнению этого философа, Бог есть виновник зла и пребывает в нечистых местах [Там же, 3].

Историю философии Татиан, подобно Иустину, начинает с ветхозаветных мудрецов. «Наша философия древнее учений эллинских», — пишет он. Моисей — «родоначальник всей мудрости у варваров» [Там же, 31]. В длинных исторических экскурсах Татиан доказывает, что Моисей древнее Гомера, даже Орфея; жил за четыреста лет до Троянской войны. Тем самым он закладывает основание христианского понимания истории философии вообще и, в частности, греческой, на котором строили свои историко-философские концепции последующие христианские писатели. Вот как он это высказывает: «Моисей жил ранее древних героев, войн, демонов. Поелику же он древнее по времени, то ему должно верить более, нежели эллинам, которые, не признавая того, заимствовали у него учения; ибо многие из их софистов, по своему любопытству познакомившись с писаниями Моисея и подобных ему философов, старались переделать их учение, во-первых, для того, чтобы думали, что они говорят что-нибудь свое; во-вторых, для того, чтобы то, чего они не понимали, прикрыть вымышленной словесной оболочкою, придавая истине вид басни» [9, 40]. Приведенные слова Татиана вполне можно считать программой истории философии как филиации идей, имеющей направление регресса.

¹ Судьи в подземном царстве.

В общем же философская историография апологетов что Иустина, что Татиана имеет не научный, а идеологический, религиозный характер и основывается на простом предположении, исторически, фактически ничем не подтверждаемом, что те, кто жил позднее, обязательно заимствовали у тех, кто жил раньше. Их воззрения — это, по сути дела, один из древних, зачаточных вариантов идеи о восточных корнях греческой философии, разделяемой некоторыми историками философии и до сих пор, их можно обозначить как иудеоцентризм в истории философии.

К взглядам Татиана на языческую философию близок и Феофил, хотя он и не столь однозначен в своем негативном отношении к греческим философам. Об учениях поэтов и философов он говорит с целью «показать бесполезный и безбожный образ их мыслей» [10, III, 2]: «Они говорили о богах, а после учили безбожно, говорили о происхождении мира, а под конец утверждали, что все явилось само собою; говорили о Промысле и потом учили также, что мир существует без промысла» [Там же, 3]. Из этих слов следует, что Феофил критикует античную философию именно как религиозный мыслитель.

Если характеризовать его как историографа философии, то надо отметить, что у него в основном представлена критическая доксография по вопросам понимания Бога и отношения Бога и материи, что говорит о хорошем философском чутье Феофила и осознании важности этого вопроса для философии. В свое время Ф. Энгельс назвал этот вопрос «основным вопросом философии». Приведем некоторые примеры его критических высказываний в адрес философов по этим вопросам. Гомер не показал Бога, ибо океан — это вода; а если он вода, то не Бог [Там же, II, 5]. Сходное замечание Феофил делает и в адрес атомистов: «Говорившие, что существуют боги, потом приводили их в ничто. Ибо одни говорили, что они состоят из атомов, другие — что обращаются в атомы» [Там же, III, 7]. Это надо понимать так, что Бог не может быть тождественным веществу. Гесиод, в свою очередь, не показал, кем же все создано. Ведь если вначале был хаос и предсуществовала некая материя несозданная, то кто ее устроил и дал ей порядок и вид, не сама ли уж она себе придала вид и красоту [Там же, II, 6]? Как мы видим, Феофил не допускает никакой самоорганизации материи. Наконец, в связи с разбором взглядов Платона он осуждает признание им того, что Бог и материя безначальны, что последняя совечна Богу: «Если Бог безначален и материя безначальна, то Бог уже не есть творец всего. Что великого, если Бог создал мир из подлежащей материи?» [Там же, 4]. Таким образом, Феофил требует признать материю вторичной по отношению к Богу, выражая позицию идеалистической философии, и негодует на Платона, у которого материя первична по отношению к богам: «Платон, сказав, что существуют боги, не сомневается производить их из вещества» [Там же, III, 7].

Общая же концепция истории философии Феофила та же, что и у других апологетов, — иудеоцентристская, т. е. история философии начинается с библейских пророков. Подобной же точки зрения он придерживается и в отношении исторических знаний: «Можно видеть, как древнее и истиннее наши писания писаний греческих и египетских и всяких других историков» [Там же, 26]. Кроме того,

история служит подкреплением его взгляда на философию: «Из рассмотрения времен... можно видеть древность пророческих писаний» [10, III, 29]. Так, рассуждая о посмертных наказаниях, он пишет: «Об этих наказаниях было предсказано пророками; бывшие после них ваши поэты и философы похитили учение о них из священных писаний, чтобы мнениям своим придать достоверность» [Там же, I, 14]. Это заимствование, по мнению Феофила, говорит о том, что эллинские поэты и философы «побуждаемы были истиною» и шли в направлении христианского мировоззрения: «Писатели, говорившие о множестве богов, возвращались к единовластительству Божию, отрицавшие Промысл, говорили о Помысле». И в связи с этим он делает даже такое заявление: «Но что за важность в том, жили ли они (греческие поэты. — В. З.) позднее или раньше пророков? Верно, что они говорили согласно с пророками» [Там же, II, 38]. И еще дает такую рекомендацию: «Должно тому, который критически исследует мнения философов и поэтов, тщательно внимать и обсуждать то, что ими говорится» [Там же, III, 7].

Наиболее отрицательное отношение к философии мы находим в «Осмеянии языческих² философов» Ермия. Сочинение Ермия — это философская доксография, т. е. подбор, перечень мнений философов по тому или иному вопросу. Сама по себе передача мнений философов Ермием вполне объективна и заслуживает доверия, так как совпадает с данными других источников и не противоречит представлениям современных историков философии, что будет видно из приведенных ниже примеров. Но используется она с одной целью — чтобы опорочить философию.

В отличие от других апологетов, даже от Татиана, которые вели происхождение греческой философии от самого Слова (Иустин) или по крайней мере от пророков, Ермий приписывает ей происхождение, по сути дела, от дьявола: «Премудрость эта получила начало от падения ангелов, и от сего-то философы, излагая свои учения, не согласны между собой» [3, 1]. Например: «Одни из них душу человеческую признают за огонь, другие — за воздух, иные — за ум, иные — за движение, другие — за испарение» [Там же]. Вот это-то разногласие философов, о котором, впрочем, говорили и другие апологеты, Ермий делает главным недостатком философских учений, ибо оно, можно предположить, противоречит его пониманию истины как согласия, единомыслия людей в чем-либо (бывало в философии такое представление об истине), о чем свидетельствуют его слова: «Если философы разноречат о душе человека, тем более они не могли сказать истину о богах или о мире» [Там же, 3]. Ясно, что философским поискам истины он противопоставляет религиозный догматизм.

В разнообразии мнений философов Ермий находит еще и какой-то, пожалуй, психологический или педагогический порок: знакомясь с ними, человек ни на одном из них не может остановиться, ничему не научается. Вот образец его рассуждений на этот счет: «Если б я встретился с Анаксагором, он стал бы учить меня вот чему: начало всех вещей есть ум... он беспорядочное приводит в порядок... Такое учение Анаксагора нравится мне, и я вполне соглашаюсь с его мыслями.

² Букв. «внешних (ἔξω)», т. е. не христианских.

Но против него восстают Мелисс и Парменид; последний возвещает, что сущее есть единое. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь с этим учением, и Парменид вытесняет из души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился в своих мыслях, выступает Анаксимен, что все есть воздух... Я опять перехожу на сторону этого мнения и люблю уже Анаксимена» [3, 3]. В качестве его выводов из подобных примеров можно процитировать такие высказывания: «Доколе же буду принимать такие учения и ничему истинному не научиться?» [3, 5]; «Что же мне делать после столь долгих утомительных исследований? Как освободить ум мой от такого множества мнений?» [Там же, 7].

В целом в обзоре Ермия читатель найдет больше иронии, насмешек и даже резких выражений в адрес философов, чем критики по существу дела. Вот так он осмеивает учение Эмпедокла о перевоплощениях человека: «Является, наконец, Эмпедокл, и делает из меня куст» [Там же, 2]. Иронизирует над пифагорейцами: «Пифагор и единомышленники его передают мне иные учения вместе с главным и таинственным их доказательством: “сам сказал”» [Там же, 8]. Итог же своего труда Ермий подводит так: «Все это я высказал с целью, чтобы видно было, как философы противоречат друг другу в мнениях, как исследования их теряются в бесконечности, ни на чем не останавливаясь, и как недостижима и бесполезна цель их усилий, не оправдываемая ни очевидностью, ни здравым разумом» [Там же, 10].

Все в том же II в., как мы видим, весьма существенном для становления христианской философии, и в начале III в. появились мыслители, которые не только защищали христианское мировоззрение, но и положили начало его систематизации. Первые шаги в этом направлении сделали наставники христианской школы в Александрии, Климент Александрийский (Строматевс) и Ориген.

В качестве историографа философии Климент принадлежит к тому направлению христианской историографии, для которого характерно в общем положительное отношение к греческой философии, что мы выше отмечали, рассказывая об апологетах. И это вполне понятно, ибо он относит философию к пропедевтике христианского гносиса, о чем уже было сказано. Поэтому Климент отвергает мнение о происхождении философии от некоего злого и коварного выдумщика (ср. с мнением Ермия) и связывает ее возникновение с действием божественного Промысла [8, 1, 18, 3–4]. В другом месте он говорит, что философию эллинам даровал Сын Божий при посредстве низших ангелов [Там же, 7, 6, 4]. Она является подобием истины, которое даровано эллинам Богом [Там же, 1, 20, 1]. Бог дал ее преимущественно им как некий завет, служащий ступенькой к философии Христа [Там же, 6, 67, 1]. Но главный его аргумент в этом отношении, пожалуй, тот, что ничто не возникло без воли Бога, следовательно, и философия от Бога [Там же, 6, 156, 4]. Философия, как варварская, так и эллинская, содержит части вечной истины, полученной благодаря богословию вечного Логоса [Там же, 1, 57, 6]. Она не является ложью и выражает истину, хотя и искаженным образом [Там же, 6, 66, 5]. Ограниченность греческой философии Климент объясняет тем, что эллины сами взялись рассуждать о Божественных наставлениях, исходя из человеческого соображения и разума, и потому впали в заблуждение и постигли

истину только частично. Они не ведали ни о чем, кроме этого мира, и не проникли в глубины бытия, к Богу. Климент выражает эту мысль через уподобление философов живописцам, которые создают лишь видимость перспективы на плоской картине [8, 6, 55, 4–56, 2]. Эти высказывания Климента показывают нам первое, религиозное основание его философской историографии. Подобное мнение высказывал также Иустин.

Второе основание историографии Климента — востокоцентризм, который представлен в двух следующих положениях. Во-первых, в том, что философия и науки, астрономия и геометрия, например, были изобретены варварами, т. е. народами Древнего Востока, египтянами и халдеями [8, 1, 74, 1–2]. Это вполне согласуется с его мнением о том, что многие из эллинских мудрецов и философов не были греками. Даже Гомера он объявляет египтянином [Там же, 1, 66, 1]. Во-вторых, как следствие предыдущего, в том, что философия проникла в Элладу позднее и была заимствована преимущественно у евреев, именно у еврейских пророков. В доказательство этого Климент говорит, что Моисей жил гораздо раньше эллинских мудрецов и поэтов [Там же, 1, 107, 5], и по поводу того, что в эллинских поэмах говорится об общении Миноса с Зевсом, замечает: «Они измыслили это уже после того, как узнали, что Бог беседовал с Моисеем» [Там же, 2, 20, 3]. Эллинские философы также учились у варваров и у них же взяли свои учения. Так, Фалес получил знание у египетских мудрецов, Демокрит присвоил этическое учение вавилонян [Там же, 1, 62, 4; 69, 4]. И даже римский царь Нума, пифагореец, руководствовался, по его мнению, Моисеевыми книгами [Там же, 1, 71, 1–2].

Основание учения философов о бескачественной и бесформенной материи Климент находит в словах пророка «земля была безвидна и неустроена», которые и внушили философам мысль о бесформенной материальной сущности [Там же, 5, 90, 1]. Климент принимает также мнение, что Платон заимствовал свои законы из писаний Моисея [Там же, 1, 165, 1], и приводит следующее высказывание пифагорейского философа Нумения: «Что такое Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?» [Там же, 1, 150, 4]. Правда, при этом он как-то не задумывается над тем фактом, о котором сам же и сообщает, что книги закона и пророков перевели с еврейского наречия на греческий язык в царствование Птолемея Филадельфа, т. е. только в III в. до н. э. [Там же, 1, 148, 1].

Наряду с этими «внешними» заимствованиями Климент много говорит о заимствованиях философов у своих предшественников и таким образом показывает истоки их воззрений. Например, Эмпедокл использовал высказывание Атаманта-пифагорейца: «Нерожденных начал и корней всего — четыре...» [Там же, 6, 17, 3–4]. Платон взял учение о бессмертии души у Пифагора [Там же, 6, 27, 2].

Саму же историю греческой философии Климент излагает в двух формах. Во-первых, в самой первичной историко-философской форме — форме доксографии, идущей от Аристотеля. В частности, у него присутствует обзор мнений философов о цели жизни: Эпикура, перипатетика Иеронима, Диодора, Аристотеля, стоика Зенона и др. При этом Климент не просто перечисляет их воззрения, но ставит перед собой задачу — рассмотреть все здравое, что можно обнаружить в учениях философов. Критерий его оценки ясно виден, когда он говорит о Платоне:

«Выходит, что и Платон призывает соблюдать Божественный закон», имея в виду его понимание совершенства как знания Блага и уподобления Богу [8, 2, 127, 1–132, 3]. Далее Климент приводит еще и мнения философов о браке. К числу доксографических материалов можно отнести достаточно подробное рассмотрение апофтегм и символов, используемых греческими философами и поэтами, особенно же пифагорейцами [Там же, 5, 21, 2, 4; 22, 1; 23, 1; 24, 1–3; 27, 1; 28, 4; 30, 1; 31, 2]. Климент считает, что и варварские, и эллинские богословы, философы и поэты шли путем пророков и скрывали первоначала своих учений от недостойных и непосвященных и передавали истину посредством загадок, символов, аллегорий, метафор, чтобы через постижение скрытого смысла в ходе исследования ищущий сам мог бы дойти до истины [Там же, 5, 21, 4; 24, 2; 58, 1–59, 1]. Например, Пифагор кратко выразил сказанное Моисею о справедливости в таком символическом изречении: «Ярмо не перешагивай». Это означает — не пренебрегай равенством и, разделяя, почитай справедливость [Там же, 5, 30, 1].

Во-вторых, он использует форму уже существовавшей в эллинистическое время диадохографии, т. е. описания преемственности (*διαδοχή*) философов по философским школам. Начинает он с трех философских школ: италийская была основана Пифагором, ионийская — Фалесом, элейская — Ксенофаном. У последнего учился Парменид, за которым следуют Левкипп, Демокрит и т. д. В общем, его перечень школ и их последовательность, а также замечания об отдельных философах не расходятся с тем, что принято и современными историками философии. Например, Климент пишет, что Анаксагор перенес ионийскую школу в Афины, Сократ отошел от физиков и занялся этикой и т. п. [Там же, 1, 62, 1–64, 5].

Но позитивно Климент относится, разумеется, только к тем философским учениям, которые содержали положения, в чем-то близкие христианскому мировоззрению (подобную позицию, как мы видим, занимали и апологеты). Он пишет, что философы, признающие власть Провидения, проповедующие умеренную жизнь, считающие личные несчастья наказанием за прегрешения, значительно продвинулись в богословии, однако не вполне: они не знают Сына Бога [Там же, 6, 123, 2]. И он приводит примеры того, что греческая философия находится в частичном согласии с истиной. Так, Сократ, убежденный словами еврейского Писания, говорит о надежде, вера в которую наполняет праведника [Там же, 1, 93, 1]. Его даймон намекает на ангелов-хранителей [Там же, 5, 90, 5]. О «правдолюбивом Платоне» и Аристотеле Климент пишет так, что они предстают, по сути дела, преемниками четвертой, богословской, части Моисеевой философии. Платон назвал ее «созерцанием» поистине великих таинств, Аристотель — метафизикой. Кроме того, Платон именовал ее диалектикой, наукой, занятой рассуждением и объяснением сущностей [Там же, 1, 176, 1–3].

Таким образом Климент находит суждения философов, созвучные христианству, и использует историю философии для подкрепления христианских воззрений. По его словам, «наши учения о том, что Бог славен во веки веков и “знает сердце” каждого», Фалес истолковал в своих изречениях, что божественное не имеет ни начала, ни конца и человек не в силах утаить от божества своих мыслей [Там же, 5, 96, 4]. Стоики определяли природу как «творческий огонь», и в Писании

соответственно Бог и его Логос иносказательно названы «огонь и свет» [8, 5, 100, 4]. Оживление воина Эра в «Государстве» Платона может быть понято, по мнению Климента, как намек на воскресение [Там же, 5, 103, 4]. Но особенно примечательным нам кажется использование Климентом положения Платона о трех родах людей, при создании которых к одним было подмешано золото, к другим — серебро, к третьим — железо и медь. Согласно его объяснению эти три рода людей соответствуют трем видам обществ: «еврейское — это серебро, эллинское — последнее, гретье, а христианское — наиболее совершенное, поскольку в него подмешано царское золото, Святой Дух» [Там же, 5, 98, 4].

Для характеристики Климента в качестве историка философии надо отметить, что отыскание им параллелей в высказываниях философов и христианском учении основывается на внешнем сходстве, грешит поверхностностью и формализмом. Приведем такой пример. Климент считает, что поэт Эпихарм очень явственно говорит о Логосе в стихах: «Человек нуждается в расчете и числе. / Мы живем числом и расчетом, вот что спасает людей» [Там же, 5, 118, 1]. Данное толкование основано на том, что греческое слово «логос» имеет среди прочего значение «счет, число», и на том, что оно «спасает». Но ясно, что здесь человека спасает расчет в обыденном, житейском смысле, а вовсе не христианский Сын Божий, спасающий от греха и смерти.

Что же касается воззрений философов, расходящихся с христианством по мировоззренческим вопросам, то они решительно отвергаются Климентом. Так, он осуждает софистическое искусство и диалектику, которые могли быть направлены против христианства [Там же, 1, 39, 1; 5].

Поэтому особенно показательно его осуждение философов материалистической направленности, ибо это означает понимание Климентом, как и некоторыми апологетами (Феофилом), коренных расхождений в философии. Он полагает ошибочными такие философские учения, которые первоэлементы считают несотворенными, а о демиурге даже и не говорят вовсе [Там же, 1, 50, 6]. Это учения философов, которые чтят стихии, поклоняются воздуху, воде, огню, атомам [Там же, 1, 52, 4]. Его не устраивает не только материализм эпикурейской философии, отрицающей провидение, но также пантеизм стоиков, который заключается в том, что Бог есть субстанция телесная и проникает собой всю, даже грубейшую материю [Там же, 1, 51, 1]. Поскольку Климент считал греческую философию заимствованием у евреев, постольку он и неверные, с его точки зрения, положения философов объяснял их непониманием библейских книг. Например, учение Эпикура о случайности — это следствие неправильного истолкования изречения «суета сует, всяческая суета» (из Екклесиаста) [Там же, 5, 90, 2]. Воззрения материалистов Климент сравнивает с ересями, которые «вырастают в нашем учении среди хорошей пшеницы», и пишет так: «Эпикурейское безбожие и чувственность и тому подобное, противоречащее разуму, вырастает среди эллинской философии, как незаконнорожденные плоды среди благодатных посевов, возделанных греками» [Там же, 6, 67, 2].

Отсюда вполне понятно, что истину Климент находит в религиозно-идеалистическом учении, которое признает Бога творцом и работу Промысла его

видит даже в мелочах, стихии же считает вещами по своей природе тварными и изменчивыми [Там же, 1, 52, 3]. И именно таковым является само христианское учение. Поэтому Климент и говорит, что истинная философия передана нам Сыном Божиим [Там же, 1, 90, 1]. Философами он называет тех, кто возлюбил мудрость Творца всего и Наставника, т. е. гносис Сына Божия [Там же, 6, 55, 2]. Данное положение, как нам представляется, показывает единство теоретической части учения Климента, учения о гносисе, и его историографии, что мы считаем одним из основных методологических принципов историко-философского исследования [4, 171–172].

Апологетика показывает нам появление первой религиозной доктрины истории философии. В античности ничего подобного не было. Хотя Платон и называл философию даром богов людям, но это было скорее метафорическое выражение великой ценности философского знания для человека, чем какое-то концептуальное положение, касающееся возникновения философии. В основном, как мы видим, появление философии античные мыслители (например, Аристотель, затем Цицерон) связывали с природным или, если можно так сказать, антропологическим основанием — удивлением человека перед красотой космоса и врожденным ему стремлением к познанию (инстинктом любопытства).

Кроме того, апологетика показывает нам рождение историко-философских представлений, несущих в себе идеологию тотальной нетерпимости к иным мировоззренческим положениям, и объявляет христианское учение единственно верным, «нашей философией» (Мелитон, II в. н. э.).

---

1. *Аристид*. Апология (О почитании Бога Всемогущего) // Золотое слово Священного Писания, I–III век. Вып. 65. М., 2000.

2. *Афинагор*. Прощение о христианах [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afinagor_Afinskij/proshhenie-o-khristianakh (дата обращения: 10.12.2016).

3. *Ермий*. Осмеяние языческих философов // Сочинения ранних христианских апологетов. СПб., 1997.

4. *Звиревич В. Т.* Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2012. № 4.

5. *Иустин*. Апология первая // Иустин. Творения. М., 1995.

6. *Иустин*. Апология вторая // Там же.

7. *Иустин*. Разговор с Трифоном иудеем // Там же.

8. *Климент Александрийский* // Строматы. СПб., 2003. Т. 1–3 (в тексте указывается номер книги, главы и параграфа).

9. *Татиан*. Речь против эллинов // Апология: Ранние Отцы Церкви. Брюссель, 1988.

10. *Феофил*. Послание к Автолику [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofil_Antiohijskij/poslanie_k_avtoliku (дата обращения: 10.12.2016).

Рукопись поступила в редакцию 12 декабря 2016 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

БИРИЧЕВА Екатерина Вячеславовна — старший преподаватель кафедры философии Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук. E-mail: e.v.biricheva@mail.ru

БУРНАСОВ Александр Сергеевич — директор департамента международных отношений, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: burnasov@mail.ru

ГЛАЗЫРИНА Анна Дмитриевна — студентка 4 курса департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: bve35@yandex.ru

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — доцент кафедры культурологии и дизайна департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: bve35@yandex.ru

ЗВИРЕВИЧ Витольд Титович — профессор-консультант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: zwirewi4@yandex.ru

ИСАКОВ Александр Сергеевич — аспирант отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН. E-mail: as.isacov@gmail.com

КЕРИМОВ Александр Алиевич — заведующий кафедрой теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КОВАЛЕВ Юрий Юрьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ykowlajow@pochta.ru

КРУТОВ Александр Владимирович — доцент кафедры политологии Московского авиационного института, кандидат политических наук. E-mail: avkrutov@inbox.ru

КУЗЬМИН Вадим Александрович — заведующий кафедрой востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Маргарита Леонидовна — доцент кафедры политологии Российского государственного аграрного университета (Москва), кандидат политических наук. E-mail: lebedevameg@mail.ru

МИРОНОВ Андрей Владимирович — профессор кафедры исторических, социальных и философских наук Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета, доктор философских наук. E-mail: andreymironov@gmail.com

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

МУХУТДИНОВ Олег Мухтарович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: gornostaev_oleg@list.ru

МУХУТДИНОВА Алина Ильясовна — аспирантка кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: alinadelacour@yandex

НАРОНСКАЯ Анна Гегамовна — доцент кафедры политических наук департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: naronsk.an@mail.ru

ОГЛОБЛИНА Ирина Андреевна — старший преподаватель кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: 2805-10@mail.ru

ПЕРЕВАЛОВА Анна Андреевна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, научный сотрудник Итальянского института высших геополитических исследований (Рим, Италия). E-mail: perevalova.ann@gmail.com

ПОПОВА Наталья Геннадьевна — заведующая кафедрой иностранных языков Института философии и права Уральского отделения РАН, доцент, кандидат социологических наук. E-mail: ngropova@list.ru

РУСАКОВ Василий Матвеевич — профессор кафедры философии Института менеджмента и информационных технологий Уральского государственного экономического университета, доктор философских наук. E-mail: dipi@nm.ru

---

РУСАКОВА Ольга Фредовна — заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор, доктор политических наук. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

СОКОЛОВ Николай Владимирович — директор Центра арабского языка и культуры «РУСАРА» (Екатеринбург). E-mail: sokolov@rusara-international.com

СТЕПАНОВ Анатолий Владиславович — заведующий кафедрой экономики и права Института по переподготовке и повышению квалификации Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат географических наук. E-mail: anatoly_stepanow@mail.ru

ЧЕШОКОВ Алексей Сергеевич — профессор кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, второй секретарь Посольства Российской Федерации в Республике Кении, доктор политических наук. E-mail: alexright@mail.ru

SUMMARY

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Ogloblina I. A. The Problem of Costs from the Ontological Perspective of Gift 5

This article is devoted to the problem of cost in relation to ontology. The cost is defined as value and is problematized as Gift. The basic concepts of the ontology of Gift are revealed on the material of the works of Heidegger, Levinas, Derrida. The value of the economic relations “face to face” is conceptualized in the context of presence, trace, the Other. From this point of view, we can find the patterns of humanistic relations “face to face” in economy. Each pattern is ethically different from each other, and characterizes the quality of interpersonal relationship in economy. Value in the ontological perspective of Gift is alternative description of the human relations in the framework of economic reductionism.

Key words: economic reductionism, economic communications humanistic type, cost of goods, value, utility, Gift, presence, ontology, metaphysics of the trace, the relation “face to face”, the Other, ethics Gift.

Popova N. G., Biricheva E. V. Research Team as Actor of Scientific Cognition: Paradoxes of Contemporary Science 17

In recent years, science as a human activity has been characterized by massive changes, one of which is the advancement of the collective actor of knowledge generation. As can be seen, the vast majority of scientific investigations worldwide are increasingly conducted by research teams, rather than by individual scholars. Since the research team is a complex, self-organizing, dynamic and evolutionary system, it is characterized by multiple specific features. Therefore, research into the nature of the research team, its boundaries, internal structure and means of interaction with external systems is necessary in order to provide a decision-making platform for the sustainable development of science. In this paper, following an extensive literature review, the research team as a collective actor is analyzed using a goal-oriented approach. It is argued that the mutual understanding of a common goal by the members of a research team can be seen as an attractor that determines its evolutionary trajectory. Such an approach has the potential for assessing the productivity of contemporary science as the effect of collective activity performed by various participants in the process of knowledge generation. It is concluded that internal links in the research team are built in the form of networks.

Key words: research team, scientific knowledge generation, collective actor, knowledge generation actor, sociology of scientific knowledge, paradox, sense, scientific thinking, scientific cognition.

Grunt E. V., Mukchutdinova A. I. Youth’s Consumer Behavior in Choosing Fashion Apparel 26

In this paper we extend an existing approach to the problems of Russian youth’s consumer behavior to the field of fashion. The major research objective is to clarify whether the desired outcome of choice of clothing as described by Russian youth is a form of a consumer behavior and which kind of behavior it is.

Fashion phenomenon has been considered from the standpoint of the concept of imitation, theory of demonstrative consumption, theories of postmodernism, theory of symbolic interactionism. The research methodology combines qualitative and quantitative methods. For collecting primary data the questionnaire (355 respondents from the age of 18 years) and interviews were used. Interviews with experts (20 experts) helped to identify main problems and the causes of choosing fashion clothes by the Russian youth.

Fashion is not only a form of consumer behavior of the youth, but it is also a leisure activity, and a kind of their lifestyle. This investigation has revealed a new trend in consumer behavior of young people — the purchase

of fashionable clothes through the Internet. Young people prefer shopping in leading mass brands stores, outlets and malls.

The study has elucidated that young people actively use the brand to visualize their status.

Key words: youth, fashion, consumer behavior, choice of fashionable clothing, brand, Russia

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Krutov A. V. Politics as a Nonlinear Medium: An Outline of the Model 39

The purpose of the article is to explain the approach to politics as a nonlinear medium. Existing models do not take into account the dynamic and multifactorial processes occurring in politics. World politics displays dialectical synergistic properties. It is formed by singular, conflicting, subjective awareness products. Patterns can be discerned in the events, facts, situations. On this basis, the preconditions of nonlinear modeling necessary for the political prognosis are laid down.

Key words: politics, nonlinear medium, modeling, event, situation, fact

Rusakova O. F., Rusakov V. M. “Soft power” Discourse of Political Media Image: Analysis of Strategic Effects 53

The article presents a discourse analysis of the soft power from the point of view of media technology, which ensures the formation of a favorable international image of the country. The discourses of political media image are considered as agents of symbolic politics and as important tools of soft power. The structure of the discourse of political media image is revealed. The article provides an analysis of various rating systems of soft power, which contains such option as advances in the field of information policy. As an example of the effective use of the media discourse of political images of the country is the activities of the Russia Today TV channel. Strategic effects of discourses of political media image are considered on the examples of the doping scandal and demonstration of the Russian flag by the team of Belarus at the Paralympics games in Rio de Janeiro.

Key words: soft power, soft power of Russia, soft power ranking, attractiveness, political media image, political discourse, symbolic politics, image, the image of the state, the media, framing, Russia Today, the Olympic games.

Naronskaya A. G. Political Corruption: An Institutional Aspect 67

This article is devoted to corruption’s impact on the functioning of political institutions. In the author’s opinion, political corruption leads to informal institutionalization and degradation of political institutions. The author concludes that public control can prevent political corruption.

Key words: the political corruption, conflict of interests, formal and informal institutions, political process.

Kerimov A. A. Parliamentary Openness: Principles, Trends and Mechanisms of Realization 73

This article actualizes the problem of information transparency of Parliament, which is one of the main attributes of a democratic political system and a necessary condition for the legitimation of political power. Information disclosure policy of the Parliament involves providing citizens with access to information about the activities of Parliament, and guards their right to receive and disseminate information in the field of political-power relations. At the same time, modern parliaments almost everywhere are rightly criticized for the secrecy of their activities, for the violation of the rights of citizens to access information about lawmaking, and for obstructing experts, civil society and citizens’ participation in lawmaking. The article analyses the system of parliamentary openness, the main conditions and factors of its effective functioning. Special attention is paid to the characteristics of the main directions and mechanisms of implementation of the information openness of Parliament.

Key words: parliamentarianism, Parliament, transparency, a culture of openness, legitimacy of political power.

Isacov A. S. Political Modernization in the Islamic East: A Conceptual Genesis 79

The article aims to explore the genesis of the political modernization in Islamic East countries. In our research three main forms of political modernization are distinguished. There are Turkish, Egyptian and Iranian forms. Each form is described by the following parameters: causes, source, main actor, major changes, long-term consequences, modern relevance and chronological framework. The author emphasizes that the unrest in the Muslim

world, the so-called “Arab Spring”, resulted from the inefficiency of political modernization and the lack of institutional models.

Key words: political modernization, Arab spring, Islamic East countries, Islamic revolution, Turkey, Egypt, Iran.

Lebedeva M. L. Local Government’s Practice in France 93

The article focuses on management technologies at the local authorities of the French Republic. The study analyzes primarily political institutions of local government in modern France. A comprehensive study of all aspects of the organization of local government in France allowed the author to identify possible areas of practice transfer and improvement of the organization of municipal power in Russia.

Key words: power, practice, technology, local government.

Chesnokov A. S. Peculiarities of Ethno-political Situation and Development Political Party System in Kenya 99

The particular attention in the paper is paid to the analysis of evolution of party system of Kenya from its pre-independence stage to current situation. Key significance of the ethnic factor in the Kenyan politics is disclosed including its implications in the Constitution of Kenya. Central part of the paper is devoted to the details of the transition from the one-party authoritarian regime under Presidents Jomo Kenyatta and Daniel Moi to the multiparty democratic political process under Presidents Mwai Kibaki and Uhuru Kenyatta. Some light is shed on the role of political opposition in the establishment of current political system of Kenya and also on the specific features of Kenyan party system development. Extreme importance of ethnic mobilization in the electoral process as well as in the functioning of the main governmental institutions is stressed. Current political situation in the country is described in the final part of the paper.

Key words: Kenya, evolution of political system, political parties, parliament, ethnic-based politics, constitution, elections.

Muhametov R. S. Main Spheres of Cooperation between the Ministry of Foreign Affairs and NGOs in Russia 110

The article is devoted to priority areas of cooperation the Russian Ministry of Foreign Affairs with a non-profit, non-governmental organizations. The author identifies five main areas of cooperation. Much attention is paid to expert and analytical support and Advisory support of Russian foreign policy. It is established that the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation invites NGOs to implement the foreign policy of the country. The author believes that the involvement of civil society institutions in the foreign policy activities is intended to improve the efficiency and effectiveness of Russian foreign policy.

Key words: public diplomacy, expert diplomacy, foreign policy of Russia, Russian Ministry of Foreign Affairs, non-profit organizations, non-governmental organizations.

INTERNATIONAL RELATIONS

Kovalev J. J., Stepanov A. Vl., Burnasov A. S. International Climate Diplomacy in Search for a Solution to Global Problem 117

The article traces the evolution of climate diplomacy in the period between 1992 and 2016. The negotiations on climate conferences (Conference of Parties), the complexity of creating common climate policy are described. Main stages of development of the international climate protection mechanisms are characterized. Major documents of international climate diplomacy such as the Kyoto Protocol and the Paris Agreement are analyzed. The role of large states and factions in shaping the agenda of conferences is highlighted. The target and strategic development programs of the USA, Germany, and the EU in the framework of the climate paradigm — 2050 are considered. The development of political discourse on climate in Russia and its expression in government regulations are depicted. The interrelation between the structure of Russian economy and its climate diplomacy is demonstrated. The ways of achieving climate goals in Russia and in the world are examined.

Key words: climate diplomacy, the Conference of Parties, climate protection, greenhouse gases, Kyoto Protocol, Framework Convention on Climate Protection, Paris Agreement, the green economy, ecological imperative.

Perevalova A. A. “White Paper for International Security and Defence” and Italy’s Prospects in NATO 131

At the beginning of the 21st Century, Italy launches an ambitious program of revision of its military system. The legislative base for this new military policy is the “White Paper for International Security and Defence”. The article discusses the content of the nation’s strategic military doctrine and its influence on the self-identification of Italy within the North Atlantic Alliance, covering the Italian position on the defence of NATO’s Southern and Eastern flanks. The study pays particular attention to the problem of Italy’s military system’s conformity to NATO standards. The author analyzes the perspectives of Italy’s leadership in the Euro-Mediterranean region, taking into account the outcomes of the NATO Warsaw Summit (2016) and the results of the recent US election.

Key words: Italy, White Paper for International Security and Defence, collective security, transatlantic collaboration, political-military strategy, NATO, Euro-Mediterranean region, NATO Warsaw Summit.

Kuzmin V. A., Sokolov N. V. Political Aims and Stances of Saudi Arabia and Iran in the Yemeni conflict 139

Over the past few years the world’s attention was mainly drawn to the events taking place in Syria. This fact overshadowed similar civil conflict in another Arab state Yemen, where pro-government forces and a variety of opposition groups fight each other. An important feature of the internal conflict in Yemen is a deep involvement of some external forces, especially Saudi Arabia and Iran. However, in contrast with Syrian conflict, where Iran supports Assad’s regime and Saudi Arabia supports some of his opponents, in Yemen the policy of these states is diametrically opposite: Saudi Arabia stands at the head of a coalition of Arab countries on the side of the forces loyal to Yemeni President and Iran actively supports the main forces of the Yemeni opposition.

Based on the analysis of Arab and Iranian periodicals and other sources the article focuses on the question of what policy goals Saudi Arabia and Iran pursue in their meddling in internal civil conflict in Yemen.

Key words: conflict, boundaries, interests, spheres of influence, Yemen, Saudi Arabia and Iran.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Golovneva E. V. Siberian Identity as a Construct: Opening a Venue for Research 144

The article offers arguments in favor of understanding Siberian regional identity as a construct. Author argues that, despite contemporary politicization of Siberian identity and widespread reference to Siberia in personal identification observed by sociologists, a little attention in scientific literature is paid to structural components and content of Siberian identity. Based on theoretical analysis of regional identity in contemporary foreign scientific works, the paper presents a constructivist approach for investigation of the Siberian identity and identifies new perspectives and scientific orientations in understanding this phenomenon.

Key words: regional identification, Siberian regional identity, constructing, construct, Siberians, Siberia

HISTORY OF PHILOSOPHY

Mukhutdinov O. M. Dialectical History of Self-consciousness 154

The dialectical history of consciousness is the study of the formation of the concept of practical self-consciousness in Hegel’s “Phenomenology of Mind”. The formation of self-consciousness passes through three stages. The first stage shows the formal unity of self-consciousness. The second stage describes the inherent movement of self-consciousness itself. The third stage establishes a relationship of self-consciousness to other self-consciousness.

Key words: consciousness, self-consciousness, desire, life, movement.

Mironov A. V. Philosophical Origins of Downshifting 160

The article discusses the emergence of the idea of downshifting in the context of philosophical problems of interaction between nature and civilization. The emphasis is laid on identifying the reasons for the opposition of the natural and social world. The study includes a comparison of the religious grounds of withdrawal

from the world, and of philosophical positions about the benefits of solitude. The doctrine of Roman Stoics, J. J. Rousseau's theory, and practical project of H.D. Thoreau, who puts forward the idea of downshifting as a response to the violation of public communications are analyzed. The moral aspects are suggested as the main focus for considering this problem.

Key words: downshifting, the natural world, social communication, social loneliness, moral conflict, nature, progress, self-realization.

Glazyrina A. D., Emelianov B. V. Russian Anthropocosmism: Ivan Efremov's Philosophy 169

Russian anthropocosmism, one of the elements of Russian philosophers and scientists' cosmism, is present in many publications. An original approach to this theory is embodied in works of Ivan Efremov, paleontologist and science fiction writer. The article analyzes his views on anthropocosmism expressed in "Andromeda", "Hour of the Bull" and other works.

Key words: I. Efremov, anthropocosmism, space, people, training, education, Great Ring, Communist society

UNIVERSITY LECTURE

Zvirevich V. T. The Birth of Christian History of Philosophy in Apologetics (Lecture)..... 176

In this lecture we analyze the first stages of making sense of philosophy and its history by the Christian authors. While generally being very apprehensive towards ancient cultural heritage Christian historiographers were split in their relation to philosophy: some rejected it absolutely, others partially accept it and see in philosophy a way to Christian wisdom. However even positively regarding philosophy Christian apologists prioritized the teachings of the prophets and the Holy Scripture.

Key words: Christianity, apologetics, history of philosophy.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3
Общественные науки

2017. Т. 12

№ 1 (161)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,9. Усл. печ. л. 16,04. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 65.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13. Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	